

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ
КЫРГЫЗСТАНА

ВЫПУСК 1

Бишкек
«Илим»
2005

Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. –
Бишкек: Илим, 2005. – 100 с.: ил.
ISSN 1694-5689

В первом выпуске продолжающегося научного издания публикуются материалы по археологии Кыргызстана, представляющие новые данные по эпохе камня, ранних кочевников и средневековью.

Адресуется археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся археологией Кыргызстана.

Редколлегия:

В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт

Рецензент:

канд. ист. наук К.Ш. Табалдиев

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КАПЧИГАЙ-II
(результаты исследований 2002 г.)

Э. Султанов *

*местность Юташ-сай / Баткенская область / каменный инвентарь / мустье – верхний палеолит
site Jutash-saj / Batken area / stone stock / muste - the top paleolith*

На территории Кыргызстана известно немало объектов эпохи камня. Достаточно назвать такие, как пещера Сель-Ункур, в которой обнаружены древнейшие в Центральной Азии остатки предков человека [Исламов 1996], или обиширские местонахождения, давшие название мезолитической культуре [Коробкова 2005: 29]. Однако источниковедческая база для широких археологических обобщений и построения на их основе исторических и палеосоциологических реконструкций остается недостаточной. При таком положении вещей каждая новая публикация материала является необходимой и значимой. Поэтому в настоящей статье вниманию специалистов предлагается систематизированное описание артефактов, полученных при исследовании палеолитического местонахождения Капчигай-II.

Местонахождение Капчигай-II было обнаружено в 2002 г. в ходе работы международной Российско-Кыргызстанской археолого-палеолитической экспедиции (руководитель – акад. А.П. Деревянко, нач. отряда – докт.ист.наук А.Н. Зенин). Памятник расположен в Кадамджайском районе Баткенской области, в 17 км южнее с. Марказ, в местности Юташ-Сай на выходах сырья. В 1960-х гг. неподалеку была обнаружена крупная «мастерская» по первичной обработке каменного сырья, получившая наименование Капчигай [Окладников и др. 1964]. Именно ее повторное изучение привело к выявлению нового объекта [Деревянко и др. 2001].

Данные проведенных исследований позволяют констатировать, что памятник Капчигай-II не стратифицированный, находки залегают на поверхности. Во время сбора подъемного материала было учтено 145 артефактов, из них 33 орудий и 11 нуклеусов.

Первичное расщепление в основном производилось для подготовки нуклеуса и поддер-

жания выпуклости фронта скалывания, а также для переоформления ядрища. Особое внимание обращают на себя продольные снятия, оформляющие нуклеус в форму, удобную для снятия пластин.

Нуклеусовидные изделия – 11 экз., из них нуклеусов – 9 экз., преформ – 1 экз., нуклеусовидных обломков – 1 экз.

Ортогональные нуклеусы (3 экз.). Отличаются средними размерами. Использовались для получения отщепов.

Два нуклеуса трапециевидной в плане и подпрямоугольной в сечении формы. Фронт скалывания обоих нуклеусов в виде ребра, контрфронт имеет естественную поверхность. У первого нуклеуса правая латераль приострена в виде ребра. У второго обе латерали реберчатые. Ударные площадки плоские, основания приостренные.

Третий нуклеус подпрямоугольной в плане и сечении формы. Латерали плоские. Ударная площадка подготовлена снятием одного скола. Основание приострено.

Двухплощадочный монофронтальный нуклеус (1 экз.). Имеет трапециевидную форму. Ударная площадка плоская. Противолежащая ударная площадка скошена в правую сторону. Фронт скалывания несет негативы снятия пластин. Правая латераль плоская с естественной поверхностью. Левая латераль переоформлена в виде ребра снятием бипродольных сколов.

Двухплощадочный бифронтальный нуклеус (1 экз.). Иллюстрирует продольно-поперечный принцип скалывания с двух фронтов.

Одноплощадочный бифронтальный нуклеус (3 экз.). Ударная площадка первых двух нуклеусов реберчатая, основание плоское. Третий нуклеус с плоской ударной площадкой и приостренным основанием. Все три несут негативы

* Султанов Эмиль – КНУ им. Ж. Баласагына.
Кыргызстан, г. Ош

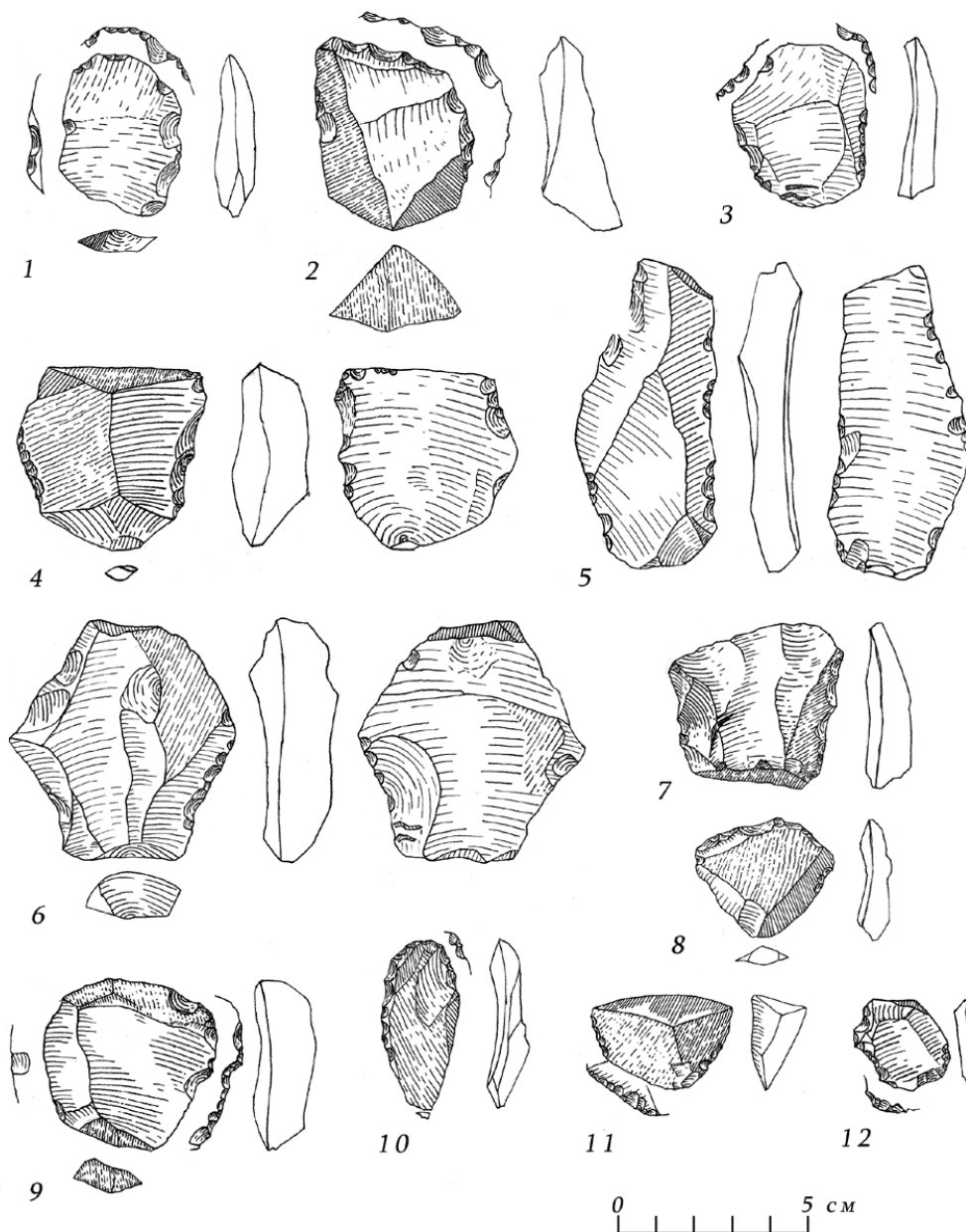

Рис. 1. Орудийный набор местонахождения Капчигай-II.
Скребла (1-8) и скребки (9-12)

вы снятия пластин и отщепов, а также пере-
оформляющие сколы.

Одноплощадочный монофронтальный нуклеус (1 экз.). Ударная площадка сохраняет естественную поверхность. Основание оформлено в виде ребра. Правая латераль приострена, а левая скошена к центру основания. Контрфронт имеет желвачную корку.

Преформа (1 экз.). Подпрямоугольной формы. Имеет негатив снятия одной пластины крупного размера.

Нуклеидный обломок (1 экз.). Одноплощадочный, овальной формы. Латерали приострены, основание реберчатое.

Орудийный набор (33 экз.).

Скребла (8 экз.). Представлены различными типами.

Два изделия – продольно-поперечные, выпуклые. Первое орудие изготовлено на отщепе среднего размера. Правый маргинал обработан крупнофасеточной ретушью, а с дистальной части – среднефасеточной полукруглой ретушью с попеременной отделкой (рис. I. 1). Второе орудие изготовлено на вторичном сколе. С правого края и дистальной части оно обработано крупной фасеточной ретушью. Ретушь, аналогично первому скреблу, нанесена попеременно (рис. I. 2).

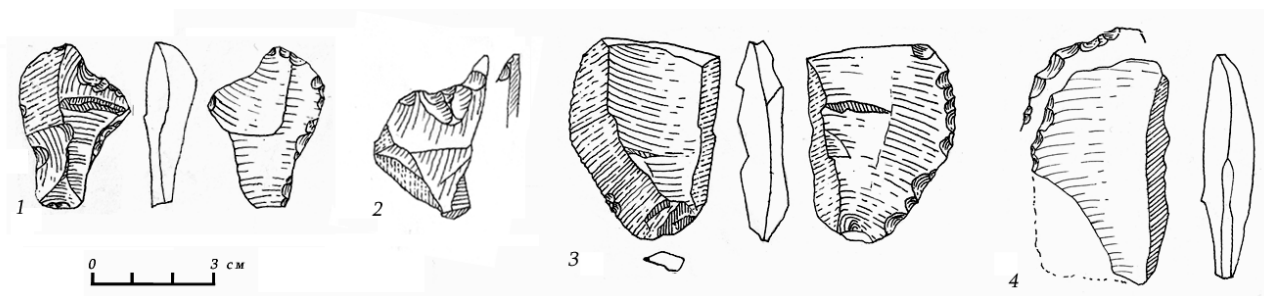

Рис. II. Орудийный набор местонахождения Капчигай-II. Проколка (1), орудие с шипом (2) и ножи (3–4)

Двойные продольные скребла. Первое орудие изготовлено на отщепе среднего размера. Рабочие края оформлены среднефасеточной ретушью (рис. I. 3). Второе орудие изготовлено на вторичном сколе. С правого маргинала оно оформлено попеременно крупнофасеточной ретушью, с противоположного края – обработано среднефасеточной ретушью (рис. I. 4). Третье скребло сделано на пластине. С левого лезвия оформлено крупно- и среднефасеточной ретушью, а с правого маргинала – среднефасеточной ретушью (рис. I. 5).

Продольное вогнутое скребло. Заготовкой для него послужил отщеп крупной формы. С правого маргинала обработан попеременной среднефасеточной ретушью (рис. I. 6).

Продольное прямое скребло. Выполнено на отщепе среднего размера. С правого маргинала обработано среднефасеточной ретушью (рис. I. 7).

Поперечное выпуклое скребло. Изготовлено на первичном сколе. Рабочий край обработан среднефасеточной острой ретушью (рис. I. 8).

Скребки (4 экз.).

Боковой скребок. Выполнен на отщепе среднего размера. Обработан с правого маргинала среднефасеточной, полукрутой ретушью (рис. I. 9).

Концевой скребок на удлиненном сколе. В дистальной части рабочий край образован крутой, среднефасеточной ретушью (рис. I. 10).

Угловой скребок. Заготовкой для него послужил фрагмент первичного скола. На левом углу заготовки полукрутой попеременной ретушью образован рабочий край (рис. I. 11).

Скребок с рабочим краем на ударной площадке. Сделано на отщепе мелкого размера. Рабочий край выполнен крутой ретушью (рис. I. 12).

Проколка (1 экз.). Выполнена на отщепе удлиненной формы. Рабочий край был оформ-

лен огранкой дорсала снятием двух сколов, а вентрала – снятием одного скола (рис. II. 1).

Орудие с шипом (1 экз.). Изготовлено на отщепе. Обработано с левого маргинала крупнофасеточной ретушью (рис. II. 2).

Ножи (2 экз.). Первое орудие изготовлено на вторичном сколе удлиненной формы. Лезвие ножа с огранки дорсала несет желвачную корку, а с брюшка обработано среднефасеточной ретушью. Правый маргинал имеет обушок с естественным покрытием (рис. II. 3). Второй нож выполнен на отщепе удлиненной формы. Правый маргинал имеет обушок с желвачной коркой, а с левого края обработан попеременной среднефасеточной приостряющей ретушью (рис. II. 4).

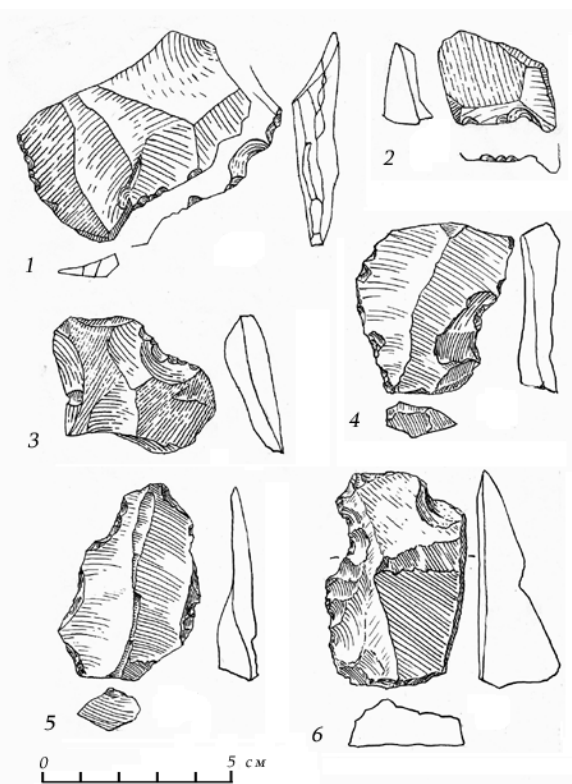

Рис. III. Орудийный набор местонахождения Капчигай-II. Выямчатые орудия

Выемчатые орудия (3 экз.). Первое орудие сделано на отщепе среднего размера, подпрямоугольной формы. С вентральной части крупнофасеточной ретушью образована выемка. С левого маргинала обработана мелкофасеточной ретушью (рис. III. 1). Второе орудие выполнено на отщепе среднего размера. Среднефасеточной ретушью образована выемка (рис. III. 3). Для третьего орудия заготовкой послужил отщеп мелкого размера. С дистальной части обработан крупной ретушью; также попеременно нанесена среднефасеточная ретушь (рис. III. 2).

Зубчато-выемчатые орудия (3 экз.). Два из них сделаны на отщепах удлинённых форм. Первое орудие обработано крупнофасеточной ретушью с огранки дорсала, на противоположном рабочем крае имеется обработка средней и мелкофасеточной ретушью (рис. III. 4). Другое орудие обработано также с огранки дорсала, с левого маргинала. Правый рабочий край имеет эпизодическую ретушь (рис. III. 5). Третье орудие изготовлено на плитке среднего размера. Левый край обработан крупнофасеточной зубчатой ретушью. Правый маргинал с дистальной части имеет выемку (рис. III. 6).

Комбинированные орудия (8 экз.). Представлены различными типами.

Скребки – выемчатые орудия (3 экз.). Первое орудие выполнено на отщепе удлинённой формы. С дистальной части поперек оси крупной и среднефасеточной ретушью обработан рабочий край. С обоих маргиналов имеются выемки (рис. IV. 1). Заготовкой для другого

орудия послужил отщеп подпрямоугольной формы. С левого маргинала крупнофасеточной ретушью образована выемка. С дистальной части орудие обработано среднефасеточной ретушью (рис. IV. 2). Последнее орудие изготовлено на отщепе. С правого маргинала и дистальной части поперек оси скалывания среднефасеточной ретушью образован рабочий край. С левого края проксимальной части полукрутой крупной ретушью образована выемка (рис. IV. 3). Концевой скребок – резец (1 экз.). Выполнен на пластине. С дистальной части полукруглой ретушью обработан рабочий край. С правого маргинала проведено удлинённое резовое снятие (рис. IV. 4).

Нож-проколка угловой (1 экз.). Заготовкой для него послужил отщеп. Лезвие с правого рабочего края обработано мелкофасеточной приостряющей ретушью. С левого края на углу заготовки снятием мелких сколов образовано жальце. Ниже жальце переходит в обушок ножа (рис. IV. 5).

Скребло-скребок (1 экз.). Сделан на отщепе. На дистальной части поперечно оси скалывания мелкофасеточной полукрутой ретушью образован рабочий край. С правого края обработан среднефасеточной зубчатой ретушью (рис. IV. 6).

Концевой скребок – зубчато-выемчатое орудие (1 экз.). Выполнен на отщепе удлинённой формы. С правого маргинала обработан крупной и мелкофасеточной ретушью. Скребок изготовлен на ударной площадке полукруглой среднефасеточной ретушью (рис. IV. 7).

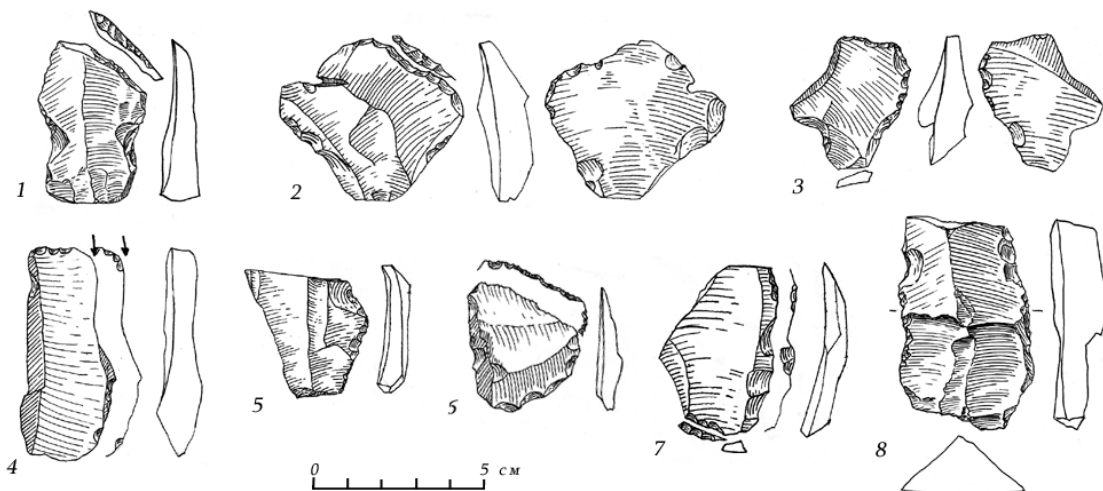

Рис. IV. Орудийный набор местонахождения Капчигай-II. Комбинированные орудия

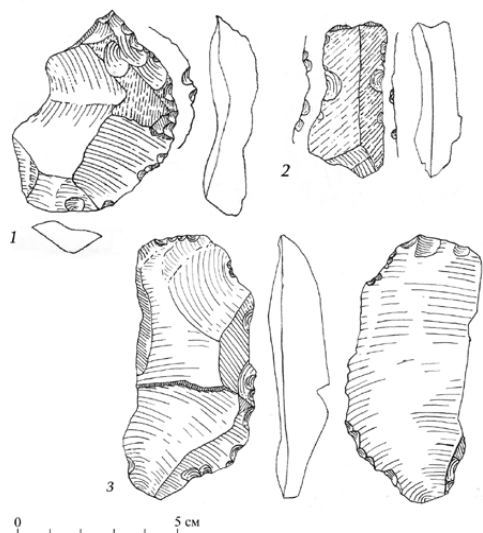

Рис. V. Орудийный набор местонахождения Капчигай-II.
Отщеп (1) и пластина (3) с ретушью

Скребло-выемчатое орудие (1 экз.). Выполнено на отщепе удлинённой формы. С дистальной части левого маргинала имеется выемка, ниже обработан мелкофасеточной ретушью. Противоположный маргинал оформлен крупно- и среднефасеточной ретушью (рис. IV. 8).

Отщеп с ретушью (1 экз.). Имеет псевдо-ретушь (рис. V. 1).

Пластина с ретушью (1 экз.). С правого края имеет ретушь. Ярко выражены также следы свежего ретуширования на тонких краях (рис. V. 3).

Проведенные типологизация и анализ собранных материалов местонахождения Капчигай-II позволяют рассматривать данный памятник как объект с постепенной эволюцией мустьерской индустрии в индустрию верхнепалеолитическую. В нем фиксируется равный индекс мустьерских и верхнепалеолитических типов орудий. Впрочем, орудийный набор маловыразителен и слабо представлен по отдельным категориям артефактов.

Abstract

PALEOLITHIC SITE KAPCHIGAY-II (results of researches of 2002)

E. Sultanov

In the publication the description, of a cannon set of a site of an epoch of stone Kapchigay-II located in the south of Kyrgyzstan, is made. In the received complex the equal index Mustier and top Paleolithic types of instruments are fixed. The cannon set are poorly expressive and poorly submitted on separate categories of artifacts.

Литература

- Деревянко и др. 2001 – Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Табалдиев К.Ш., Чаргынов Т.Т. Новые исследования мастерской Капчыгай в Кыргызстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. – Новосибирск, 2001.
- Исламов 1996 – Исламов У.И. Проблемы происхождения человека в Средней Азии // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии. – Ташкент, 1996.
- Касымов 1972 – Касымов М.Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. – Ташкент, 1972.
- Коробкова 2005 – Коробкова Г.Ф. Современные методы исследования каменных орудий древних обществ // Диалог цивилизаций, 2005, № 1.
- Окладников и др. 1964 – Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т. Капчыгайская палеолитическая мастерская // ИМКУ, Вып. 5. – Ташкент, 1964.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА МОГИЛЬНИКЕ УЧ-БУЛАК В 2000 ГОДУ

С.С. Иванов *

*местность Бель-Саз / Нарынская область / курганы / эпоха ранних кочевников
Bel-Saz area / Naryn region / burials / period of ancient nomads*

В 2000 г. археологическим отрядом Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына под руководством К.Ш. Табалдиева, М.И. Москалева и О.А. Солтобаева был исследован могильник Уч-Булак, расположенный в местности Бель-Саз Кочкорского района Нарынской области.

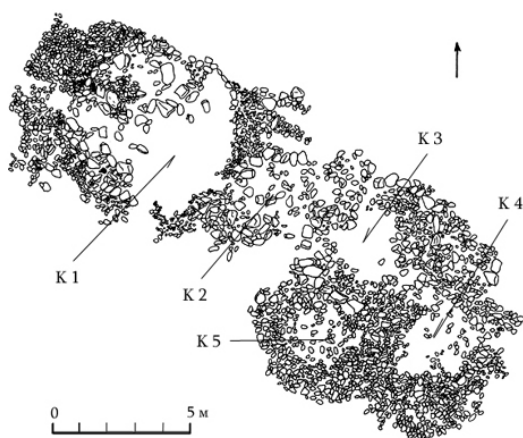

Рис. I. Могильник Уч-Булак.
План могильника.

Курганы могильника вытянуты в цепочку по линии СЗ–ЮВ вдоль террасы древней, ныне пересохшей реки. Большая, восточная часть могильника уничтожена в результате распашки. Уцелело пять курганов, которые и были изучены (рис. I).

Курган 1 имеет диаметр 10 м и высоту 0,45–0,5 м. Насыпь каменно-земляная, округлой формы. По краю насыпи с западной стороны прослеживаются остатки каменного кольца, вероятно, ранее опоясывавшего весь курган. При снятии насыпи в ней были обнаружены незначительные фрагменты керамического сосуда со следами копоти.

Курган содержал два погребения.

Погребение 1 располагалось под насыпью в центральной части. На глубине 0,6–0,65 м была обнаружена могильная яма овальной формы, заваленная крупными каменными плитами, служившими, должно быть, перекрытием

могильной ямы. Длина ямы – 2,05 м, ширина – 0,6 м. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, ногами на северо-восток, череп отсутствовал. К северу от левого плеча погребенного, несколько выше костяка, обнаружена глиняная миска с бараньим крестцом, помещавшаяся, вероятно, в специальной нише, контуры которой установить не удалось (рис. II).

Погребение 2 располагалось в 0,65–0,7 м к северу от погребения 1. Могильная яма и перекрытие из каменных плит были нарушены грабителями. На глубине 0,6–0,65 м обнаружены отдельные кости лошади и овцы. При углублении до 1,3 м найдены разрозненные человеческие кости; череп отсутствовал. Судя по сохранившемуся в анатомическом положении отдельным костям, погребенный лежал на спине головой на запад.

С восточной стороны к кургану 1 вплотную примыкает восьмеркообразная выкладка. Каждое ее кольцо состоит из 8–9 крупных камней и имеет диаметр 2,2 м.

В южном кольце выкладки, на глубине 0,6 м, было обнаружено погребение ребенка с признаками насильственной смерти. Костяк плохой сохранности, но в анатомическом порядке, кости груди раздроблены и придавлены крупным валуном, череп разбит. Костяк был ориентирован головой на северо-запад (рис. III).

Северное кольцо выкладки не содержало никакого вещественного материала

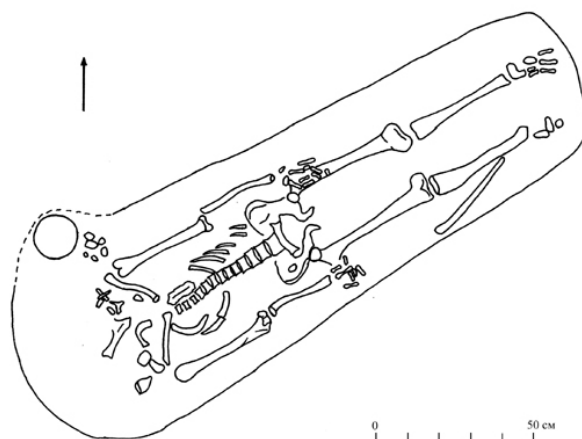

Рис. II. Могильник Уч-Булак.
Курган 1, погребение 1

* Иванов Сергей Сергеевич – КНУ им. Ж. Баласагына.
Кыргызстан, г. Бишкек, sak@yandex.ru

Курганы 3, 4 и 5 расположены в 1,6 м к востоку от вышеописанной выкладки и образуют единый комплекс: с юго-запада к кургану 3 примыкает курган 5, а с юго-востока – курган 4. Полы всех курганов сливаются. Насыпи данных курганов представляют собой наброски из небольших камней; у всех в центре имеются небольшие впадины. На курганах 3 и 5 прослеживаются остатки каменного кромлеха. Высота курганов – 0,3–0,35 м, диаметр – 3,6–5,6 м. Все курганы оказались ограбленными. Судя по каменным плитам, могильные ямы в курганах также имели перекрытия. Костные останки во всех погребениях были разрознены, однако по отдельным частям скелета, сохранившимся в анатомическом порядке, удалось установить, что первоначально костяки лежали в вытянутом положении на спине, в курганах 3 и 4 – головами на запад, в кургане 5 – на юго-восток. Единственная находка – крупные обломки керамического котла в кургане 5.

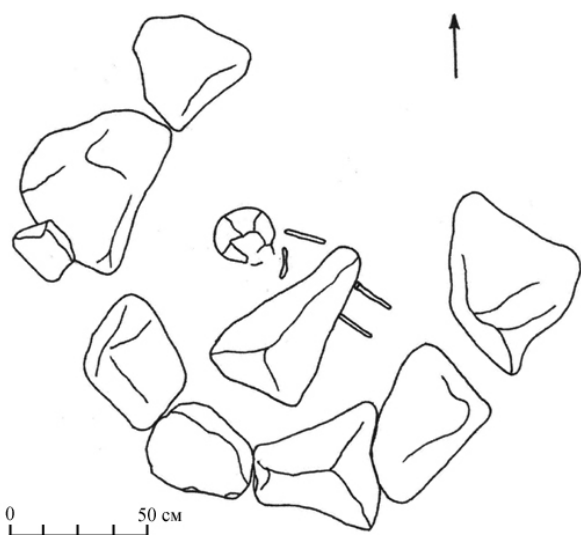

Рис. III. Могильник Уч-Булак.
Выкладка 1, погребение

Погребальный обряд во всех изученных курганах достаточно единообразен. Под насыпью располагались одна-две могильные ямы, ориентированные по линии запад-восток, иногда со значительными отклонениями, соответственно, на север или юг. Все они были, вероятно, перекрыты каменными плитами. Не ясно, имелись ли ниши для посуды в северных стенках во всех могильных ямах, как на это указывают признаки в погребении 1 кургана 1. Костяки располагались в ямах вытянуто на спине, преимущественно головами на запад, иногда с некоторым отклонением. Лишь в кургане 5 скелет погребенного был ориентирован на юго-восток.

Подобные по конструкции и обряду погребения известны в Центральном Тянь-Шане и в Кетмень-Тюбинской долине и в целом датируются достаточно широко – от V до I в. до н.э. [Абетеков 1977: 52–65; Мокрынин 1977: 76–85; Кожомбердиев 1975: 168–174]. В Таласской долине близкие захоронения А.К. Абетеков и Ю.Д. Баруздин отнесли к III–I вв. до н.э. [Абетеков, Баруздин 1963: 17–31].

В Семиречье, практически аналогичные погребения казахстанские исследователи относят к усуньскому периоду [Агеева 1961: 38–41]. Нарушение типичных для сакского периода курганных цепочек, вытянутых по линии север-юг, и подчинение могильников рельефу местности характерно также, по их мнению, для усуньского времени [Досымбаева 1995: 25–31].

Выкладки, состоящие из семи или восьми крупных или средних валунов и расположенные с восточной стороны курганов, известны еще в раннесакский период. В некоторых случаях в таких выкладках находили предметы конской упряжи или быта. Отмечены они также в позднесакское и усуньское время, например – в Берккаринском могильнике [Бабанская 1956: 189–198]. В последние годы появились публикации об их изучении на территории Кыргызстана [Табалдиев 1996; Tabaldiev 1996; Табалдиев, Бозер 2003]. Однако, в последнем из указанных временных отрезков они достаточно редки.

Данные каменные выкладки, несомненно, носят ритуально-поминальный характер. В могильнике Уч-Булак отмечен интереснейший случай длительного существования и постепенной эволюции погребальных традиций, когда в выкладке, вместо вещей, был насильственно захоронен человек. А.Н. Бернштамом именно в усуньский период отмечены случаи насильственного погребения людей [Бернштам 1997: 193–194], что может в какой-то мере свидетельствовать в пользу отнесения изученного нами могильника именно к этому времени.

Погребальный инвентарь из курганов могильника Уч-Булак чрезвычайно беден, что объясняется ограблением большей части погребения. До нас дошли лишь целая глиняная миска, обломки керамического котла и незначительные фрагменты других глиняных сосудов.

Миска из погребения 1 кургана 1 имеет отогнутую, четко срезанную закраину и плоское дно. Подобные миски известны из погребений сако-усуньского времени на Тянь-Шане и в Кетмень-Тюбе, правда, в последнем регионе они изготовлены преимущественно на гончарном круге [Кожомбердиев, Ташбаева 1982:

41–47, рис. 22.4, 24.1–5]. Но здесь они также имеют широкую датировку, как и погребения, в которых были обнаружены. Близкая миска происходит из Семиречья, где она датируется последними веками сакского времени. Однако семиреченская миска имеет округлое дно и асимметричную форму, поэтому, вероятно, миска из Уч-Булака датируется более поздним временем.

Керамические котлы и глиняные сосуды больших объемов – достаточно редкое явление в сакский период [Абетеков 1967: 38–39; Степная полоса ... 1992: 147]. Посуда подоб-

ных типов получает наибольшее распространение в последние века до н.э. и в первые века н.э. Аналогичная ситуация отмечается исследователями также в Восточном Казахстане и Южной Сибири. В связи с этим, фрагменты котла из Уч-Булака вероятнее всего датируются III–I вв. до н.э.

Таким образом, проанализировав погребальный обряд, могильные сооружения и остатки погребального инвентаря, могильник Уч-Булак, по нашему мнению, должен быть датирован III–I вв. до н.э.

Abstract

THE ARCHAEOLOGICAL WORKS ON BURIAL CEMETERY UCH-BULAK IN 2001

S.S. Ivanov

In article is represented information about excavations of five burial mounds on cemetery Uch-Bulak in Western Tian-Shan. On the analysis of the funeral traditions and accompanying artefacts the investigated burial mounds are belonged to culture of ancient nomads (late Saka tribes) and supposed to be dated III-I centuries B.C.

Литература

- Абетеков 1967 – *Абетеков А.К.* Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967.
- Абетеков 1977 – *Абетеков А.К.* Могильник Джаньш-Булак // Кетмень-Тюбе. – Фрунзе, 1977.
- Абетеков, Баруздин 1963 – *Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д.* Сако-усуньские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.
- Агеева 1961 – *Агеева Е.И.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // ТИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1961.
- Бабанская 1956 – *Бабанская Г.Г.* Беркаринский могильник // ТИИАЭ АН КазССР, Т. 1, 1956.
- Бернштам 1997 – *Бернштам А.Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Избранные труды по истории и археологии кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. – Бишкек, 1997.
- Досымбаева 1995 – *Досымбаева А.М.* Погребальные сооружения кочевников Семиречья II в. до н.э. – V в.н.э. // Изв. НАН МН РК, 1995, № 2.
- Кожомбердиев 1975 – *Кожомбердиев И.К.* Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975.
- Кожомбердиев, Ташбаева 1982 – *Кожомбердиев И.К., Ташбаева К.И.* Глиняных дел мастера // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1982.
- Мокрынин 1977 – *Мокрынин В.П.* Раннекочевнические курганы в урочище Теке-Таш // Кетмень-Тюбе. – Фрунзе, 1977.
- Степная полоса ... 1992 – Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – (Археология СССР).
- Табалдиев 1996 – *Табалдиев К.Ш.* Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек, 1996.
- Табалдиев, Бозер 2003 – *Табалдиев К.Ш., Бозер Р.* Памятники ранних кочевников долины озера Сон-Куль // Степи Евразии в древности и средневековье. Т. 2. – СПб., 2003.
- Tabaldiev 2003 – *Tabaldiev K.Sh.* Neue Funde sakenzeit aus Tien-Shan // Eurasia Antiqua. Bd. 2. – Berlin, 2003.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ ОГРАДКИ СОНКУЛЬСКОЙ ДОЛИНЫ

А.Т. Сулайманова *

Могильник Чондобо / Сонкульская долина / поминальные оградки / тюркское время
Chondobo burial / Sonkul valley / rite site / Turk's time

Сонкульская долина, одна из высокогорных долин Кыргызстана, природными условиями и горно-луговыми травами издревле привлекала к себе кочевников. Свидетельством этому являются расположенные здесь древние курганы и поминальные сооружения. Поэтому можно говорить, что современное использование пастбищ является продолжением традиций предков.

Долина расположена на высоте 3000–3400 м над уровнем моря в центре Внутреннего Тянь-Шаня. Ее со всех сторон окружают горные хребты Сон-Кол-Тоо, Молдо-Тоо, Боор-Албас-Тоо; центральная часть котловины занята бессточным оз. Сонкуль, в которое впадает несколько небольших рек. Климат резко континентальный. Лето короткое и прохладное.

Археологические памятники Сонкульской долины, ввиду своей труднодоступности и, как следствие, цельности и хорошей сохранности, являются одними из ценнейших объектов древности. В археологическом плане долина долгое время оставалась малоизученным регионом Тянь-Шаня. Первые сообщения об отдельных памятниках опубликованы краеведом А.М. Фетисовым [Фетисов 1881]. Несколько позднее Д.Л. Ивановым были приведены сведения А.М. Фетисова о каменных изваяниях Сонкульской долины [Иванов 1885: 167]. В 1903 г. американский географ В.М. Девис, посетив Сонкульскую долину, снял план и дал краткое описание могильника Таштулга [Винник и др. 1995: 273].

Лишь через полвека, в 1953 г., Тянь-Шанский археологический отряд под руководством А.К. Кибирова, провел первые раскопочные работы на Сонкуле – исследовались могильники Таштулга и Акташ. Вскрытые погребения были отнесены к сако-усуньскому и древнетюркскому периодам [Кибиров 1959: 84–86, 128].

В 1960–1962 гг. по всей прибережной зоне оз. Сонкуль Я.А. Шером была проведена археологическая разведка. Исследователь фикси-

ровал могильники, включавшие разнотипные по внешнему виду сооружения, в том числе кольцевидные восьмикаменные выкладки. Особое внимание им было обращено на тюркские каменные изваяния долины – описаны характерные черты отдельных типов. Однако местонахождение каменных скульптур в публикациях указано в общих чертах [Шер 1964: 66–71], что снижает ценность информации.

Археологические отряды Института истории АН Киргизской ССР в 1960–1970-х гг. (рук. Д.Ф. Винник) и в 1989 г. (рук. К.И. Ташбаева) проводили разведочные и раскопочные работы по Центральному и Внутреннему Тянь-Шаню. В Сонкульской долине в ходе этих работ были зафиксированы курганы разных периодов, восьмикаменные вкладки (таш-тулга) и местонахождения каменных изваяний, но не проводились раскопочные работы [Винник 1995: 175].

Таким образом, к 90-м годам XX века, кроме вышеупомянутых раскопок Тянь-Шанского археологического отряда (рук. А.К. Кибиров, 1953 г.), проводились исследования лишь разведывательного характера.

В 1996–1997 гг. изучение памятников Сонкуля было возобновлено под эгидой Ассоциации историков Кыргызстана археологическим отрядом кафедры археологии и этнологии КНУ под руководством К.Ш. Табалдиева¹ [Отчет 1997]. Рекогносцировочные работы проводились на всей территории долины, включая урочища и бассейны рек. Наряду с ранее зафиксированными были открыты новые местонахождения и виды памятников: средневековые выработки полезных ископаемых и места плавки металлов, курганы монгольского времени, кладбище кыргызов XVII–нач. XX вв. Раскопкам были подвергнуты курганы и поминальные оградки сако-усуньского и древнетюркского времени на могильниках Чондобо и Балабейит. Итоги этих исследований готовятся в настоящее время к монографическому изданию. Данной публикацией в научный оборот вводятся поминальные оградки тюркского времени могильника Чондобо, рассматриваемые в отрыве от остальных археологических объектов долины.

Памятник² расположен в 2 км северо-восточнее береговой линии озера. Он является

* Сулайманова Айдай Турдумаматовна –
Институт истории НАН КР.
Кыргызстан, г. Бишкек, aidaysu@mail.ru

самым крупным могильником Сонкульской долины, содержащим сако-усуньские курганы и кромлехи (VII–V вв. до н.э.), катакомбные погребения (I–V вв.), погребения человека с конем, поминальные оградки и каменные изваяния древних тюрков (VI–X вв.). Общее количество захоронений всех видов в могильнике Чондобо не менее 200. Большие курганы ранних кочевников, диаметром 13–84 м и высотой до 10,5 м, составляют центральную цепочку могильника, вытянутую с севера на юг. Насыпи земляные и с примесью камней. Некоторые из них по основанию окружены каменными кольцами шириной более 1 м. У многих курганов имеется ров (ширина – до 6 м, глубина – 0,2–0,5 м) и земляной вал (шириной до 8 м и высотой до 0,6 м). Крупные курганы центральной цепочки окружены округлыми кольцевыми выкладками, состоящими из четырех-восьми камней, расположенных в юго- и северо-западном секторах на расстоянии 25–70 м от валов курганов.

Поминальные тюркские прямоугольные оградки находятся в северо-западной части могильника на расстоянии 100–150 м от курганов, в том числе тюркских погребальных сооружений. При исследовании они были обозначены как объекты 24, 28, 31, 32, 33, 35 и 36.

Объект 24. До раскопок представлял собой холм округлой формы, с большим количеством камней на поверхности (вымостка – ?), обведенный по подножью широким рвом глубиной 0,5 м от уровня дневной поверхности. Ширина рва неравномерна – от 2,2 до 4,5 м. По наружной границе рва, имеющей плавный аморфный переход, визуально виден низкий земляной вал (рис. I). Однако выполненной нивелировкой объекта его наличие не подтверждается. Высота насыпи у основания – 0,9 м (за рвом – 0,4 м), диаметр с северо-востока на юго-запад – 14,7 м, с северо-запада на юго-восток – 16,8 м. В середине насыпи западина относительно недавнего грабительского раскопа диаметром до 5,6 м и глубиной 0,9 м.

На северо-западном краю насыпи вертикально вкопана каменная стела высотой 1,2 м от поверхности насыпи. Стеле придана четырехгранная форма с гранями размером 32,5 x 30 см. Она ориентирована углами по странам света. Северо-восточная часть стелы сбоку отколота почти наполовину. В 5 м к северо-востоку от нее находится вторая вкопанная стела, высотой 0,95 м, зафиксированная в наклонном на запад положении (почти лежит).

Таким образом, объект с первого взгляда напоминает каменно-земляной курган раннего железного века (если не учитывать стел). Но при более тщательном осмотре в северном секторе

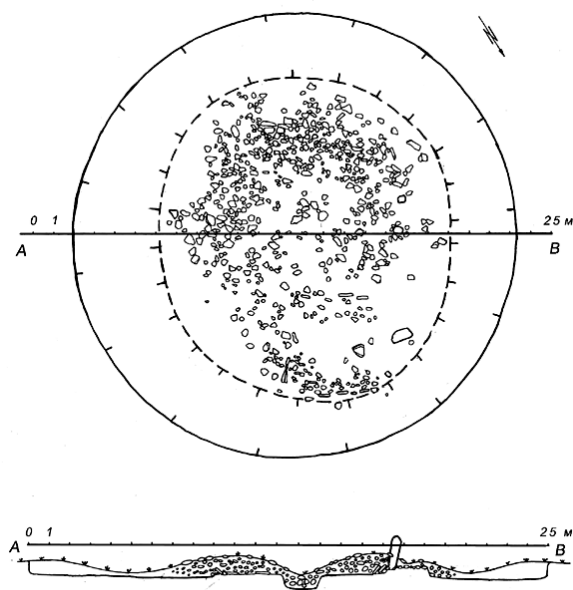

Рис. I. Могильник Чондобо.
План поминального объекта 24:
абрис и разрез

объекта были отмечены выступающие края вертикально врытых плит, расположенных двумя линиями в разных местах насыпи; в одном случае частично сохранился угол.

После снятия дернового слоя выявились стенки сооружений – двух прямоугольных оградок из вертикально вкопанных плит. Оградки ориентированы углами по сторонам света и располагались в 1 м друг от друга. Причем северо-восточная оградка выложена из розоватого сланца, а юго-западная – из мраморовидных скальных пород.

Северо-восточная оградка, получившая обозначение Объект 24-А, была забутована каменно-земляной наброской. После ее расчистки было выявлено, что плиты от стенок расположены плашмя, хотя первоначальное положение плит, наверняка, частично было изменено под тяжестью насыпи. Некоторые плиты от северо-западной стенки и северо-восточного угла отсутствуют. Размер оградки – 4,5 x 5 м (рис. II).

Отмеченная выше вторая стела была установлена снаружи, возле северо-западной стенки оградки. Ее размеры – 1,45 x 0,75 x 0,28 м (высота от защищенной поверхности). Широкие грани обращены на северо-запад и юго-восток.

В юго-западной части оградки было найдено незначительное количество фрагментов зубов лошади.

После снятия насыпи в южном углу был выявлен отгороженный прямоугольный участок размером 1,8 x 2,7 м. Отгораживающие плиты частично отсутствовали. Внутренняя пло-

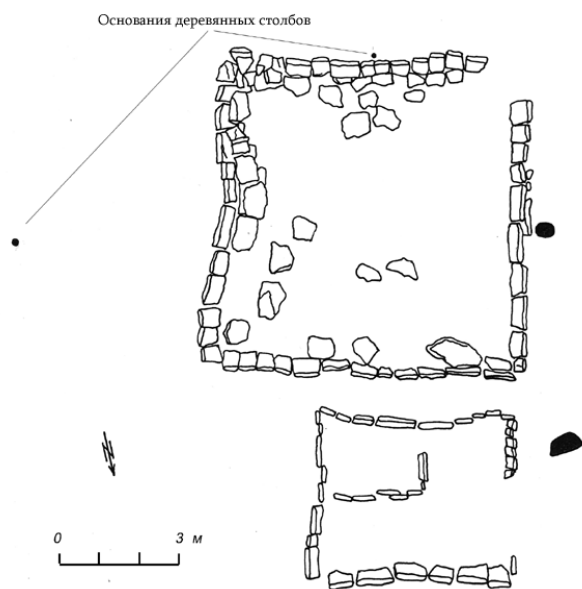

Рис. II. Могильник Чондобо.
План поминального объекта 24:
оградки А (СВ) и Б (ЮЗ)

площадь этого участка была зачищена на глубину до 0,8 м. На уровне 0,2-0,3 м от поверхности найдены обломки костей ног лошади. Других находок в оградке 24-А не обнаружено.

Юго-западная оградка, получившая наименование Объект 24-Б, имеет размеры 8 x 8 м. Сооружена из массивных скальных плит, которые зафиксированы с наклоном наружу. Почти все плиты находились на первоначальных местах. Внутреннее пространство оградки было забутовано обломками крупных камней и плит.

После снятия забутовки вдоль северо-западной и частично северо-восточной стенок выявлены горизонтально уложенные в один-два ряда массивные каменные плиты. Кроме того, отдельные плиты в горизонтальном положении были зафиксированы в разных местах внутри оградки. В центре выявлена яма глубиной около 1 м, также забутованная крупными камнями.

У середины наружной стороны северо-западной стенки оградки обнаружен фрагмент вкопанного, вертикально установленного бревна диаметром около 0,1 м, сохранившаяся высота которого – 0,2 м. Второе бревно зафиксировано в 5 м за юго-восточной стенкой оградки в таком же положении (рис. II).

При зачистке, начиная с дернового слоя насыпи, повсеместно встречались фрагменты зубов лошади. В самой оградке от уровня горизонтально уложенных плит и ниже на 0,2 м, включая вышеотмеченную яму, найдены обломки отдельных костей ребер и ног лошади. С наружной стороны у северо-восточной стен-

ки была найдена нижняя челюсть лошади. Других находок в оградке 24-Б обнаружено не было.

Объект 28. К моменту раскопок был почти полностью разрушен проложенной через него дорогой. Сохранилось три вкопанных ребром плиты от западного угла. Судя по их положению, оградка была ориентирована углами по сторонам света. Ввиду частичной сохранности размеры сооружения не устанавливаются (рис. III).

При проверочном раскопе к юго-западу от сохранивших свое положение плит обнаружены слабо корродированные железные кольцо (диаметр – 3,5 см, толщина – 0,3 см) и гвоздь (длина – 5 см, сечение – 0,4 x 0,2 см). Кольцо аналогично подпружному из комплекта конского снаряжения, а гвоздь мог быть использован для подковки лошади. Но, ввиду хорошей сохранности, они могут быть и современными. Других находок не обнаружено.

На небольшом расстоянии к западу от объекта 28 лежали два каменных изваяния и валун, которые были зафиксированы в свое время Я.А. Шером [Шер 1964: 68–69, рис. 18, 5–6]. Их первоначальное местонахождение выяснить не удалось.

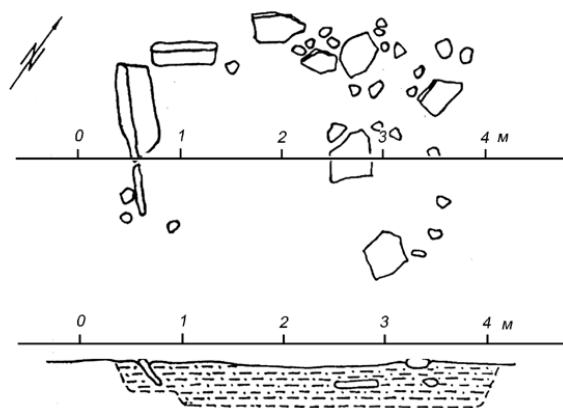

Рис. III. Могильник Чондобо.
План поминального объекта 28:
оградка и разрез

Объект 31. До раскопок представлял собой слабо выраженный холм высотой до 0,1 м, на поверхности которого прослеживались края нескольких плит, установленных на ребро. С западной стороны возле одной из них был вкопан необработанный вытянутый камень – валун высотой 0,14 м от поверхности земли. Обломки еще двух аналогичных валунов, найденных *in situ*, были зафиксированы вдоль той же западной стенки.

После снятия дерна были выявлены расположенные по линии север-юг четыре смежные оградки, ориентированные сторонами по стра-

нам света с отклонением на север в 20° , забутованные каменно-земляным грунтом. Их общий размер – 2,90 x 10 м. Плиты стенок находились

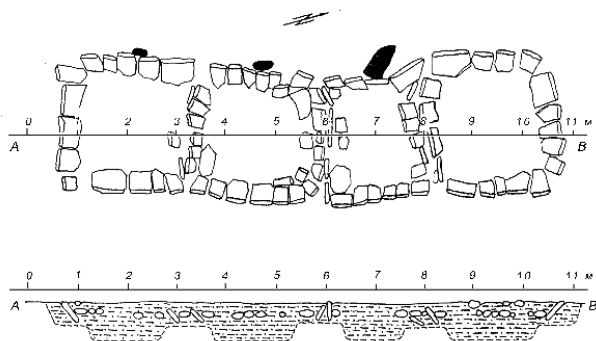

Рис. IV. Могильник Чондобо.
План поминального объекта 31:
оградки и разрез

в горизонтальном или наклоненном наружу положении; смежные стенки соседних оградок соприкасались друг с другом. Оградки подквадратной формы. По размерам они мало отличаются друг от друга (рис. IV).

Площадь каждого сооружения была зачищена на глубину до 0,5 м. По всему объекту, как внутри оградок, так и между стенками, были найдены в незначительном количестве зубы лошади. Также были обнаружены обломки костей ног и ребер лошади в центре оградки Б (на глубине 0,3 м) и берцовая кость барана (на глубине 0,4 м) в центре оградки В. Других находок не обнаружено.

Объект 32. До раскопок объект представлял собой слабо выраженный холм высотой до 0,1 м, на поверхности которого, среди лежащих камней, прослеживался только край одной вертикально выткнутой плиты.

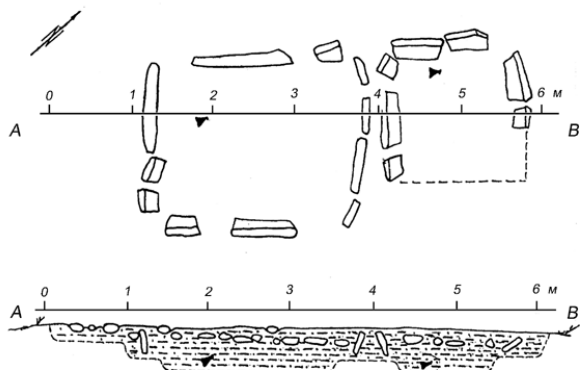

Рис. V. Могильник Чондобо.
План поминального объекта 32:
оградки и разрез

После снятия дерна обнажились две смежные оградки подквадратной формы, ограниченные плитами, врытыми ребром.

Они ориентированы углами по сторонам света и расположены по линии юго-запад – северо-восток. Размеры: оградка 32-А (юго-западная) – 2,75 x 2,30 м; оградка 32-Б (северо-восточная) – 1,85 x 1,90 м. Внутренняя поверхность объекта забутована землей с обломками скальных плит и камней (рис. V).

После снятия насыпи было произведено вскрытие по всей поверхности объекта до уровня 0,5 м. На глубине 0,4 м было найдено по одной лопатке овцы: у северо-западной стенки в оградке 32-А и в западной части оградки 32-Б. Других находок не обнаружено.

Объект 33. До раскопок объект представлял собой слабо выраженный холм высотой до 0,1 м, на поверхности которого прослеживались края плит. На северо-западном краю насыпи лежал необработанный вытянутый валун подпрямоугольной формы размером 1,25 x 0,42 x 0,22 м.

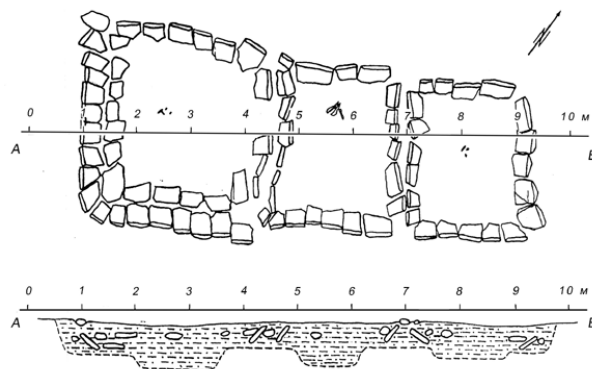

Рис. VI. Могильник Чондобо.
План поминального объекта 33:
оградки и разрез

После снятия дерна оконтурились три смежные оградки подквадратной формы, расположенные по линии юго-запад – северо-восток. Оградки ориентированы углами по сторонам света. Плиты стенок оградок уложены плашмя с некоторым наклоном наружу. Внутри оградки 33-А вдоль юго-западной и юго-восточной стенок был выявлен дополнительный ряд горизонтально уложенных плит. Оградки забутованы землей с обломками камней и плит. Размеры: 33-А (юго-западная) – 3,6 x 3,75 м; 33-Б (центральная) – 2,25 x 3 м; 33-В (северо-восточная) – 2,5 x 2,9 м (рис. VI).

В ходе снятия дерна и насыпи в разных местах, особенно между стенками, встречались фрагменты зубов лошади. В центральной части каждой оградки прослежены ямы глубиной до 0,5 м. В ямах найдены отдельные кости коня: в оградках 33-А и 33-В на глубине 0,3 м – кости ног и ребро; в оградке 33-Б на глубине 0,4 м – кости ног и нижняя челюсть. Других находок не обнаружено.

Объект 35. К началу исследования был фактически уничтожен сооруженной здесь взлетно-посадочной полосой аэродрома и вырытыми вдоль нее канавами – на поверхности земли зафиксировано скопление скальных плит и камней со следами задернованности, указывающей на их некогда вертикальное расположение. Здесь же найдено зарытое в грунт каменное изваяние (рис. VII).

Количество оградок объекта, их размеры, следы ритуальных действий выявить не удалось.

Изваяние сделано из подтесанного, призматической формы камня серого цвета размером 1,05 x 0,3–0,4 x 0,2 м. На одной из плоских граней нанесено рельефное изображение лица, которое занимает третью часть камня. Голова из монолита скульптурно не выделена. Лицо очерчено желобком – сверху округлых очертаний, снизу треугольной формы, передающей заостренный подбородок или клиновидную бородку. Глаза миндалевидные. Слабо изогнутые брови соединены с узким носом. Ноздри широкие. Кончики усов опущены вниз. Небольшой рот передан овальным рельефом. Щеки переданы рельефными полукругами. На боковых гранях камня изображены уши.

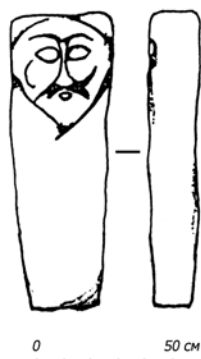

Рис. VII. Могильник Чондобо.
Каменное изваяние у поминального объекта 35

Объект 36. До раскопок представлял собой слабо выраженный холм высотой до 0,1 м, на поверхности которого прослеживались края двух плит, установленных на ребро.

После снятия дерна выявлена одиночная оградка подквадратной (?) формы, ориентированная углами по сторонам света. Плиты стенок находились в наклонном наружу положении. Северо-западная стенка практически не сохранилась, северо- и юго-восточная – частично разрушены. Оградка забутована землей с камнем. Размер – 4,6 x 4 м (рис. VIII).

В ходе исследования были найдены обломки костей овцы и фрагменты зубов лошади. На глубине 0,4 м выявлены два зольных пятна – диаметром 0,1 и 0,14 м и толщиной до 1 см – с вкраплениями угольков. Под ними зафиксиро-

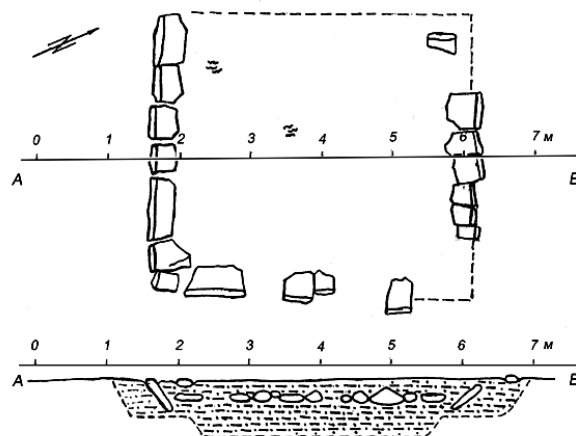

Рис. VIII. Могильник Чондобо.
План поминального объекта 36:
оградка и разрез

ван прокал земли. Среди углей найдены мелкие фрагменты двух кальцинированных костей. Других находок не обнаружено.

Таким образом, на основании проведенных исследований можно заключить, что поминальные оградки Сонкуля располагались в северо-западной части могильника как по одной, так и отдельными группами до четырех смежных сооружений. Все изученные оградки имели подквадратную в плане форму. Их размеры варьируются от 1,85 x 1,9 м до 8 x 8 м. Плиты стенок оградок на момент исследования находились с отклонением в наружную сторону до 45°, что несколько отличается от ранее изученных оградок Тянь-Шаня и связано, по всей видимости, с произошедшими трансформациями от давления грунта насыпи.

Находки в оградках представлены, в основном, остеологическим материалом – «рассыпанными» обломками зубов и отдельными костями лошади и овцы.

В работах историков при описании создания тюркского каганата в середине VI в. отмечается, что западные тюрки, основные земли которых находились на Тянь-Шане, представляли собой относительно самостоятельное целое, входящее составной частью в общетюркское государство [Бернштам 1998: 257]. По нашему мнению, это дает право считать, что проведение поминальных (и погребальных) обрядов, имеющих следы разнообразных культовых действий, совершаемых в оградках, проходило в русле единых культурных традиций и в хронологически близкие отрезки времени, однако на территории Кыргызстана не ранее VI в. И действительно, в целом вышеописанные оградки Сонкульской долины особо не отличаются от большинства по-

добных поминальных памятников Центральной Азии.

Лишь объект 24 имеет внешние конструктивные особенности, выделяющие его из общего ряда сонкульских оградок – большие размеры, деревянные столбы, наличие округлого рва, окружающего центральную насыпь, и прочее. Ров окружал, как отмечалось выше, две оградки разной величины.

Оградка 24-Б монументальна; плиты, из которых она сооружена, тщательно обработанные, крупные, длиной до 1 м. Плохо обработанные плиты, иногда бесформенные, были уложены вдоль стенки в один ряд, в некоторых местах в два-три слоя. Зафиксированные на площади оградки хаотично расположенные другие каменные плиты лежали примерно на одном уровне над грунтом. Возможно, они составляли каменный панцирь насыпи или вымостку пола. Подобное положение «горизонтальных» плит отмечалось в поминальных комплексах Алтая и Монголии. Например, горизонтально уложенные на материковый грунт в несколько слоев плиты (вымостка), в основном по внутреннему периметру оградок, были зафиксированы в алтайских комплексах Ян-Гобо и Дьер-Тебе [Кубарев 1979: 136; Кубарев 1984: 54–55]. Аналогичные конструкции отмечены в монгольских комплексах Бугут и Гиндин-Булак [Войтов 1996: 70]. Плиты, уложенные в один ряд вдоль внутренней стороны стенок, отмечены в оградке 33-А описываемого в работе памятника и в могильнике Беш-Таш-Короо II Кочкорской долины (оградка 64).

Нетипичным является внутреннее сооружение в оградке 24-А, отгораживающее в южном секторе почти четвертую часть. Пристройку (ящики), сооруженные по середине стенок главных оградок, известны по могильнику Кудыргэ [Гаврилова 1965: 16]. Миниатюрные пристроенные ящики из четырех плит были изучены в поминальных памятниках тюркских могильников Сутту-Булак, Беш-Таш-Короо II и III в Кочкорской долине [Солтобаев, Сулайманова, Табалдиев 1995: 76; Сулайманова 1996: 32–33].

Вероятно, оградки объекта 24 были сооружены не одновременно. Во-первых, стенки оградок состоят из двух разных скальных пород. При этом для сооружения оградки 24-А использованы естественные, небольшие, плохо обработанные обломки скал, а для оградки 24-Б – хорошо обработанные, почти одинаковых размеров. Во-вторых, длина стенок оградки 24-А почти в два раза меньше стенок оградки 24-Б, в то время как в других смежных оградках они примерно равны. В-третьих, оградка 24-Б была устроена почти в центре площади, окруженной валом, и занимала «главное» местоположение. К северо-востоку от нее располагалась малая

оградка 24-А. Примечательно, что ров сужается как раз у малой оградки. Такое расположение приводит к предположению о более позднем устройстве последней.

Однако, нельзя полностью исключить и одновременное устройство оградок. Так, возле их северо-западных стенок установлены стелы из одинакового материала, что, впрочем, не является прямым свидетельством одновременного сооружения оградок этого объекта.

Как охарактеризовано выше, чондобинский объект 24 по ряду параметров отличается как от исследованных оградок Тянь-Шаня, так и от большинства оградок на сопредельных территориях: округлый ров, величина «главной» оградки и прочее. Совокупность этих параметров позволяет считать его «княжеским». Заметим, что памятники такого рода в Кыргызстане изучены впервые.

Среди тюркских поминальных княжеских комплексов Монголии В.Е. Войтов предложил различать четыре типа. Но только Севжуулский комплекс (Центральный аймак, сомон Угтал-Цайдам), отнесенный к первому типу, отличается округленными в плане валами и рвами (диаметр около 22 м). В центре этого памятника устроено подквадратное в плане сооружение (9 x 9 м) из вертикально поставленных плит, от восточной стенки которого отходил ряд балбалов [Войтов 1996: 27]. Таким образом, памятник Севжуул по общим очертаниям является единственным типологически близким аналогом сонкульского объекта 24.

Однако на одной площадке последнего устроены две оградки, что напоминает памятники Алтая аютинского типа, который характеризуется устройством оградок (от одной до трех) и подквадратных ящиков из четырех плит, окруженных окруженных валами и рвами. Сдвоенные и строенные многоплитовые оградки этого типа, имеют меньшие размеры, чем одиночные [Кубарев 1984: 52, 55].

Другим интересным фактом сонкульского объекта 24 является наличие остатков двух деревянных столбов, найденных у северо-западной и юго-западной стенок главной оградки (24-Б). Подобные элементы отмечены у многих древнетюркских поминальных оградок Алтая и Монголии. Например, пять столбовых ямок с остатками обгоревших кольев (диаметром 6–7 см) – четыре расположены по углам, а пятая в центре – были найдены в оградке из четырех плит в местности Макажан (долина реки Коксу) [Кубарев 1984: 52]. У поминальной оградки в местности Ян-Гобо в урочище Джилыкыдал отмечено шесть столбовых ямок на равном расстоянии (1,5–2 м) друг от друга вдоль восточной стенки с наружной грани плит. В трех ямах сохранились ос-

татки столбов из деревьев лиственничных пород [Кубарев 1984: 54]. В комплексе из двух оград, на левом берегу реки Актру в Курайской степи при раскопках также выявлены ямки диаметром 25–35 см и глубиной 50–90 см с остатками деревянных столбов диаметром 18–20 см и длиной сохранившейся части 40–50 см [Кубарев 1984: 55].

Все упомянутые оградки с остатками деревянных столбов имели вал и ров, т.е. являются оградками княжеского типа.

Однако и в оградках без вала и рва, как элемент комплекса, встречаются остатки столбов. Так, в четырех смежных оградках холма Дьер-Тебе по центру зафиксированы остатки нижних частей стволов лиственницы с обрубленными корневищами [Кубарев 1978: 136].

Остатки деревьев, стоящие как по центру и углам, так и по сторонам каганско-княжеских оградок и ящиков, отмечались и в поминальных памятниках Монголии (Хушо-Цайдам II и III, Бугут, Унгету II, Эрдэнэмандал IV, Гиндин-булак II и др.) [Войтов 1996: 115–116].

Сопоставляя результаты раскопок восточно-алтайских оградок с этнографическими данными, такие основания деревянных столбов, расположенные с внешних сторон поминальных оградок, В.Д. Кубарев считает остатками деревянных конструкций поминальных жилищ и остовами храмов, которые зафиксированы и в каганско-княжеских мемориалах Монголии [Кубарев 1984: 79–80].

Кроме того, на площадках поминальных сооружений, иногда возле оснований деревянных столбов фиксировали обломки костей конечностей и черепов лошадей и овец [Кубарев 1984: 70]. Это верифицирует сведения китайских письменных источников об обряде вывешивания шкуры жертвенного коня вместе с головой и конечностями на дереве или специально установленных жердях. Такой обряд, хотя и в корне трансформированный временем, существовал еще в начале XX в. у алтайцев и бурятов [Потапов 1953: 85; Вяткина 1968: 120–121]. Исходя из вышеизложенного, столбы, отмеченные нами в чондобинской оградке 24, также могли быть предназначены для вывешивания шкуры жертвенного коня в честь умершего. Аргументом в пользу такой интерпретации могут служить обломки зубов, найденные в дерновом слое, и нижняя челюсть черепа, обнаруженная за северо-восточной стенкой «главного» сооружения. Примечательно, что большинство фрагментов зубов зафиксировано между стенками большой и малой оградок.

В дерновом слое объекта 33 также найдены обломки зубов, а череп и кости ног коня – под

насыпью, в неглубокой яме. Но следов столбовых ям не обнаружено.

Таким образом, можно говорить об использовании коня (или его частей) в ритуальных действиях в могильнике Чон-добо, но конкретизация формы его использования возможна лишь после дальнейшего изучения.

В исследованных поминальных оградках Сонкуля, как изложено выше, находки, за исключением остеологических материалов³, отсутствуют, что затрудняет датировку памятников.

В других исследованных древнетюркских оградках Тянь-Шаня находки также скудны, но более разнообразны: найдены целые и потревоженные скелеты коней с полным конским снаряжением и предметы из металла (железная пряжка, бронзовые кинжал и бляшка), фрагменты керамических сосудов, зольные пятна с углями и кальцинированные кости [Табалдиев 1996: 73–77]. Близкие аналоги этим металлическим предметам известны в Сросткинском могильнике, датируемом IX–X вв., и в могильнике Юрт-Ак-балык 8, датируемом VI–VII вв. [Табалдиев 1996: 76].

Основанием для датирования могут служить и сами конструкции изучаемых объектов. Чондобинские оградки в конструктивном аспекте принципиально не отличаются от рядовых поминальных памятников Центральной Азии V–IX вв., датировка которых опирается на вещественные материалы.

Учитывая конструкцию поминальных сооружений, можно утверждать, что типологически оградки древних тюрков Сонкуля наиболее близки Кудыргинским коллективным оградкам, датируемым по ранним типам вещей V–VI вв., а также одиночным и смежным оградкам Тянь-Шаня (см. выше) [Гаврилова 1965: 16–17; Табалдиев 1996: 71–72], то есть они должны датироваться VI–X вв.

Очень важна дата сооружения чондобинской поминальной оградки 24. По внешним признакам она очень близка к княжеским мемориалам древнетюркских знатных кочевников Алтая и Монголии. Алтайские княжеские оградки аютинского типа датируются VII–X вв. [Кубарев 1979: 156]. Княжеские комплексы Севжуул (1 тип), наиболее близкие рассматриваемому сооружению, относятся ко времени Первого тюркского каганата (551–630 гг.) [Войтов 1996: 27]. Остальные типы оградок Монголии датируются в более узких пределах: 2 тип (ящики из 4 плит) – VIII в., 3 тип – VII в., 4 тип (с наличием статуй и балбалов) – VII–VIII вв. [Войтов 1996: 66]. Но правильно ли будет относить нашу оградку к тому же времени?

По мнению К.Ш. Табалдиева, поминальные оградки, имеющие каменные изваяния или стелы с западной стороны, как и объект 24, датируются со времени западно-тюркского каганата до X в. [Табалдиев 1996: 81]. К тому же, в севжуулском комплексе каменные изваяния или стелы вовсе отсутствуют, но от стенки оградки на восток отходит ряд в 400 балбалов, чего нет в нашем объекте.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что делать однозначные выводы по датировке рассматриваемого объекта пока преждевременно. Он может быть отнесен ко времени поминальных памятников, имевших следы жертвоприношений коня и вывешивания шкур. Однако следует учитывать, что этот обряд существовал долгое время у ряда

тюркских и монгольских племен. Предварительно же, учитывая особенности конструкции объекта 24, зафиксированные остатки деревянных столбов и костей лошади, его можно отнести к VII-X вв., то есть ко времени алтайских оградок аютинского типа.

Примечания

1. Выражаю свою признательность К.Ш. Табалдиеву за разрешение публикации данных о поминальных объектах могильника Чондобо.

2. Раскопки поминальных оградок произведены автором под общим руководством Д.Ф. Винника.

3. Железные предметы из объекта 28, ввиду сомнительности их древности, не учитываются.

Таблица 1

Некоторые характеристики оградок могильника Чондобо

№ объектов	Количество оградок	Размеры оградок	Ориентировка по сторонам света	Количество стел, изваяний	Размещение стел, изваяний	Вещественные материалы
24	2	А: 4,5 x 4 м	Углами, с отклон. к В в 31°	2 стелы	СЗ	Обломки зубов и ребер, кости ног, нижняя челюсть лошади, дерево
		Б: 8 x 8 м				
28	1	?	?	–		Железные кольцо и гвоздь (поздние -?)
31	4	2,9 x 10 м – общ. размер	Сторонами, с отклон. к С в 20°	3 стелы (?)	З, ЮЗ (три оградки)	Обломки зубов и ребер, кости ног лошади, берцовая кость овцы
32	2	А: 2,75 x 2,30 м	Углами	–	–	2 лопатки овцы
		Б: 1,85 x 1,90 м				
33	3	А: 3,60 x 3,75 м	Углами	1 стела	СЗ	Обломки зубов и ребер, кости ног, нижняя челюсть лошади
		Б: 2,25 x 3 м			–	
		В: 2,5 x 2,9 м			–	
35	?	?	?	1 изваяние	?	–
36	1	4,6 x 4 м	Углами	–	–	2 зольных пятна, фрагменты 2 кальцинированных костей

Abstract

ANCIENT TURKIC ENCLOSURE FOR COMMEMORATION FROM SONKUL VALLEYS

A.T. Sulajmanova

In the article data on ritual objects of Turkic time in Sonkul's valley are entered in a science. Among the investigated objects the Object 24 is most interesting. It is presented with the sizes and some other characteristics. The given object is related to type primarily, investigated on territory of Kyrgyzstan for the first time. The resulted analogies allow to date the considered ritual objects to be of VII-X centuries.

Литература

- Бернштам 1998 – Бернштам А.Н. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского завоевания // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 2. – Бишкек, 1998.
Винник 1995– Винник Д.Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек, 1995.

- Винник и др. 1995 – *Винник Д.Ф., Жаманкараев А., Умурзаков С.* Таш-Тулга // Манас. Энциклопедия. Т. 2. – Бишкек, 1995.
- Войтов 1996 – *Войтов В.В.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М., 1996.
- Вяткина 1968 – *Вяткина К.В.* Культ коня у монгольских народов // СЭ, 1968, № 6.
- Гаврилова 1965 – *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л., 1965.
- Иванов 1885 – *Иванов Д.Л.* По поводу некоторых Туркестанских древностей // ИГРО. Т. 21. – СПб., 1885.
- Кибиров 1959 – *Кибиров А.К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // ТКАЭЭ. Т. 2. – М., 1959.
- Кубарев 1978 – *Кубарев В.Д.* Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.
- Кубарев 1984 – *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск; 1984.
- Отчет 1977 – Отчет о полевых исследованиях Тянь-Шанского археологического отряда в 1977 году.
- Потапов 1953 – *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. – М.-Л., 1953.
- Солтобаев и др. 1995 – *Солтобаев О.А., Сулайманова А.Т. Табалдиев К.Ш.* Новые сведения из древнетюркских поминальных оградок // Происхождение кыргызов. – Бишкек, 1995.
- Сулайманова 1996 – *Сулайманова А.Т.* Поминальные памятники древнетюркского времени в могильнике Сутту-Булак // Материалы XXXIX международной научной студенческой конференции. – Новосибир., 1996.
- Табалдиев 1996 – *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996.
- Табалдиев 1998 – *Табалдиев К.Ш.* Древнетюркские поминальные памятники на Центральном Тянь-Шане // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. – Алматы, 1998.
- Фетисов 1881 – *Фетисов А.М.* Экскурсия в за-Нарынские горы в 1878 г. // Туркестанские ведомости, 1881, № 51.
- Худяков, Табалдиев 1997 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.* Эволюция поминальной обрядности древних тюрков на Тянь-Шане // Верования и культы домусульманской Средней Азии. ТД. – М., 1997.
- Шер 1964 – *Шер Я.А.* Археологические разведки на озере Сон-Куль (1960-1962 гг.) // КСИА, Вып. 98. – М., 1964.
- Anke & other 1997 – *Bodo Anke, Michail Moskalev, Oroz Soltobaev, Kubatbek Tabaldiev.* Ausgrabun auf dem Graberfeld von Suttuu-Bulak // Eurasia Antiqua. Bd 3. – Berlin, 1997.

ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ С. БАРСКООН

А. Жумабаев *

*Барскаун / Иссык-кульская область / инвентарь погребения / тюркское время
site Barckoon / Issyk-Kul region / grave's inventory / Turk's period*

В 1998 г. на правом (восточном) берегу реки Барскоон (Жети-Огузский район Иссык-Кульской области) местными жителями во время проведения земляных работ были найдены человеческие кости и изделия из железа и бронзы. Находки, по словам обнаруживших, располагались на глубине 30–40 см от дневной поверхности.

Осенью 2003 г. нами было осмотрено место на-ходки. В результате осмотра было зафиксировано частично разрушенное погребение, доисследование которого мы произвели.

В ходе работ выяснилось, что объект является погребением с конем. Костяк человека, уложенный на спине в вытянутом положении, был ориентирован головой на восток. Конь был уложен на левом боку с поджатыми под себя ногами, с правой стороны от человека, головой на запад. Погребение было совершено на

глубине 25–35 см от поверхности. В погребении были найдены предметы сопроводительного инвентаря – наременные накладки, наконечник стрелы, сабля и стреме́на.

Наременные накладки, бронзовые, 8 штук. По внешнему виду они были нами разделены на три группы. В первую входят три изделия прямоугольной формы с прямоугольным вырезом в центральной части. Длина – 4,5 см, ширина – 2 см. Лицевая сторона гладкая. На обороте сохранились шпеньки крепления и заклепки (рис. I. 1–3).

Во вторую группу входят четыре полукругло-подтреугольных накладки с прямоугольным горизонтальным вырезом. Длина – 3,4 см, ширина – 2,3 см. Первое изделие декорировано тремя дополнительными узкими, раздваивающимися в верхней части окончаниями, прорезями, как бы расходящимися от центра (рис. I. 4). Вторая накладка аналогична первой, но несколько меньшего размера (рис. I. 7). Третье изделие

* *Жумабаев Асхат* – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, г. Бишкек

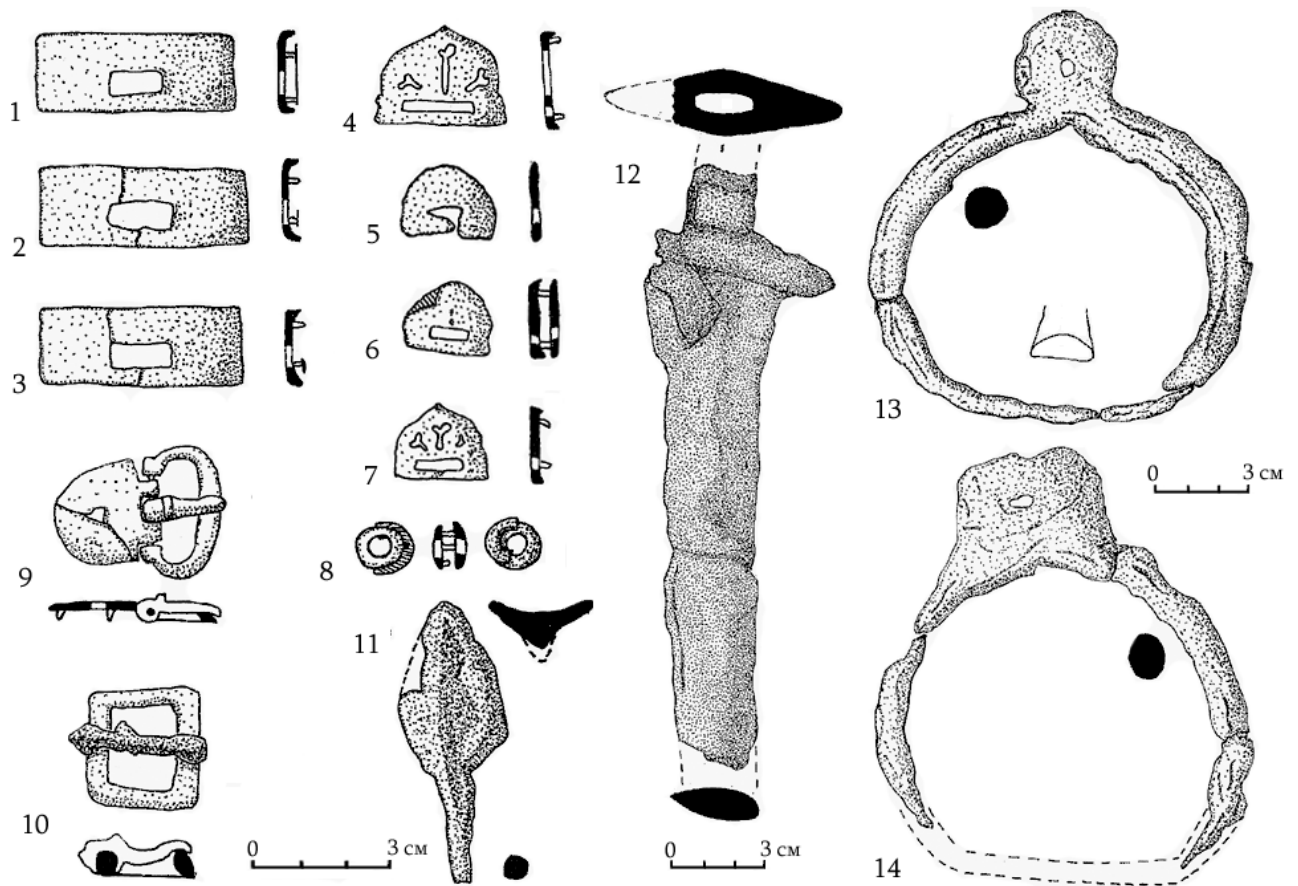

Рис. 1. Погребение у с. Барскоон.
Сопроводительный инвентарь: 1-9 – бронза; 10 – бронза и железо; 11-14 – железо

состоит из двух параллельных пластинок, скрепленных заклепками. Один из верхних углов поврежден. Выше прорези два небольших круглых отверстия (рис. I. 6). Четвертая накладка этой группы повреждена – в нижней части имеется залом (рис. I. 5).

К третьей группе отнесено одно изделие – округлой формы накладка, состоящая из двух параллельных частей, скрепленных заклепками, с круглым вырезом в середине. Диаметр – 1,3 см (рис. I. 8).

В погребении найдено две пряжки. Первая из них – бронзовая, с подвижной рамкой овальной формы. Щиток пряжки с подовальным окончанием, язычок – хоботовидной формы (рис. I. 9).

Вторая пряжка с бронзовой рамкой прямоугольной формы и железным подвижным язычком (рис. I. 10). Она была найдена к востоку от костяка коня. Аналогичная пряжка была найдена в могильнике Беш-Таш-Короо II [Табалдиев 1996: 43].

Наконечник стрелы – железный, трехлопастной, удлинненно-ромбической формы. Имеет остроугольное острие, широкие лопасти и покатые плечики. Длина – 3 см, ширина – 2,7 см (рис. I. 11). Наконечники подобной формы рас-

пространены с рубежа нашей эры. Аналогичные наконечники второй половины 1-го тыс. н.э. из могильников Тянь-Шаня отнесены К.Ш. Табалдиевым к 1 типу I группы [Табалдиев 1996: 44].

Стремена представлены двумя экземплярами. Они зафиксированы по бокам скелета коня. Первое стремя имеет округлую петлю для стременного ремня, отделенную от дужки шейкой. Высота – 9,3 см, ширина – 8,5 см (рис. I. 13). Второе – округлой формы, с прямой петлей. Общая высота – 9,7 см, ширина – 8,4 см (рис. I. 14). Аналогичные стремена были найдены в могильниках Беш-Таш-Короо и Койсу [Москалев и др. 1996: 66].

Фрагмент однолезвийной железной сабли. Часть перекрестья и рукоять повреждены. Перекрестье массивное, ромбовидной формы. Клинок, шириной 2,9–4 см, каплевидный в сечении. Сохранилась лишь его часть длиной 19 см (рис. I. 12).

Доисследованное нами погребение продолжает немногочисленную серию работ на тюркских памятниках Иссык-Куля. Впервые археологические раскопки достоверно тюркских

погребений были проведены в северном Прииссыккулье в 1954–1955 гг. Л.П. Зяблиным. Среди 26 вскрытых им в трех могильниках погребений два были безусловно тюркскими, так как совершены по обряду труположения с конем. Следует заметить, что полученный вещевой материал оказался весьма скудным [Зяблин 1959]. В начале 1970-х гг. В.П. Мокрынин и П.П. Гаврюшенко на южном берегу озера в

районе реки Тон исследовали еще два погребения с конем [Мокрынин, Гаврюшенко 1975]. Последними по времени изучения являются аналогичные захоронения на правом берегу реки Тосор (Тонский район), обнаруженные во время проведения работ Российско-Кыргызской археологической экспедиции в 1999 году (материал не опубликован).

Abstract

THE BURIAL OF A MAN WITH HORSE FROM THE TURK'S TIME NEAR THE VILLAGE BARSKOON

A. Djumabaev

In the article is described the destroyed burial of a man with horse near the village Barskoon, Issyk-Kul. In the burial was found a complex of metal artifacts.

Литература

- Бернштам 1996 – *Бернштам А.Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. – Бишкек, 1997.
- Зяблин 1959 – *Зяблин П.Л.* Средневековые курганы на Иссык-Куле (по материалам раскопок 1954–1955 гг.) // ТКАЭЭ, Т. 2. – М., 1959.
- Мокрынин, Гаврюшенко 1975 – *Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П.* Древнетюркские памятники долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккулья. – Фрунзе, 1975.
- Табалдиев 1996 – *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996.
- Москалев и др. 1996 – *Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А.* Культура средневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек, 1996.

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ С ГОРОДИЩА КУЗНЕЧНАЯ КРЕПОСТЬ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ

В.А. Кольченко *

Кузнецкая Крепость / Чуйская долина / керамика / средневековье
Kuznechnaja Krepost / Chuy valley / ceramics / middle ages

Летом 2000 г. было проведено обследование городища Кузнецкая Крепость, носившее разведывательно-рекогносцировочный характер. Городище расположено в северо-восточной части г. Бишкек, его центральная часть ограничена улицами Жибек-Жолу, Суеркулова, Куренкеева, Ибраимова. В специальной литературе впервые сведения о нем приведены в монографии П.Н. Кожемяко [Кожемяко 1959: 153], который датировал его VIII–XII вв.

С южной стороны основного холма городища расположено значительное всхолмление высотой до 3–4 м над прилегающим пространством и диаметром до 15–20 м. Полы этого холма со всех сторон подрезаны современной антропогенной деятельностью; с западной стороны они образуют вертикальный срез.

В его юго-западной части были обнаружены остатки средневековой конструкции. Эта часть холма представляет собой сужающийся на нет останец, северо-западная грань которого и составляет часть вышеуказанного вертикального среза.

* *Кольченко Валерий Анатольевич* –
Институт истории НАН КР.
Кыргызстан, г. Бишкек, archak@mail.ru

Выявленная конструкция была округлой в плане (диаметр по дну – 137–141 см); в разрезе она имела вид усеченного конуса со слабо сходящимися кверху стенками. Фактически от нее сохранилась лишь стенка с северной стороны высотой 118 см; с южной стороны она срезана профилем холма до 3–5 см. Дно конструкции и плотно утрамбованная площадка вокруг нее располагались на глубине 130 см от поверхности холма в этой части. Ширина останца на отметке площадки составляет около 150–160 см; в 1 м находится остроугольный западный край холма. Таким образом, выявленные остатки зафиксированы в отрыве от контекста своего бытования в живой культуре, что затрудняет интерпретацию. По характеру стенок и размерам конструкция напоминает основание тандыра, не успевшего побывать в употреблении.

В 7–10 м к востоку были зафиксированы выходы керамической ошлаковки на поверхности жженных кирпичей. Возможно, в этом месте располагалась керамическая печь, каким-то образом связанная с описываемыми остатками.

Однако в публикации речь пойдет не о выявленных остатках сооружений, а о комплексе керамики, извлеченном из заполнения зачищенной конструкции.

Вся керамика найдена в слое мощностью 30–40 см, перекрытом сверху натечно-надувными наслоениями. В последних зафиксированы крайне фрагментированные единичные включения керамики и костных остатков. Керамика залегала в 10–15 см от дна на стерильном слое натечной глины: снизу располагались частью раздавленные и фрагментированные кувшины; выше, с несколько меньшей плотностью залегания, были зафиксированы остальные изделия. Таким образом, на основании стратиграфии можно говорить о практически одновременном выпадении из употребления всей группы изделий и рассматривать полученную группу как закрытый комплекс [Клейн 1991: 375]. Отсутствие нумизматических и других находок, однозначно датирующих комплекс, оставляет в нашем распоряжении для выяснения времени его бытования лишь метод аналогий со всей его относительностью результатов. Учитывая же единичность публикаций средневековой керамики Чуйской долины, носящих характер суммарного анализа изделий разных объектов одного городища [Распопова 1960] или даже различных городищ долины [Бернштам 1950; Кожемяко 1959] и немногочисленность состава комплекса, представляется оправданным дать максимально подробное описание изделий, подбирая круг аналогий в опубликованных

материалах Чуйской долины и сопредельных историко-культурных областей для каждой группы отдельно, сопоставив полученные результаты в конце работы.

В комплексе наиболее полно представлены средние и крупные по градуировке Б.И. Маршака [Маршак 1970: 37, 40] кувшины (рис. 1). Найдено и составлено три археологически цельных формы. Еще от двух сосудов сохранились верхние части, включая плечики тулова. В группу также входят два небольших фрагмента горловин. Все они сделаны на гончарном круге и имеют четко выраженный рельеф на внутренней поверхности. Сосуды сформованы на песчанной подсыпке из хорошо отмученного теста без примеси крупнозернистых фракций из красножгущейся глины и имеют светлую поверхность. Лишь один сосуд имеет красно-коричневый ангоб (рис. 1. 5). Тулово сосудов яйцевидной формы с покатыми плечиками. О высоком профессионализме мастеров и качестве изделий свидетельствует толщина стенок: на тулове, где они наиболее тонки, всего 0,45–0,5 см, постепенно утолщаясь ко дну до 1,2–1,35 см.

Горловины имеют различную форму, но все составляют от 0,2 до 0,26 части высоты сосуда. В трех случаях (рис. 1. 3–5) они слабоконические, почти цилиндрические, сужающиеся к венчику, а в двух других (рис. 1. 1–2) – биконические, с наименьшим диаметром в средней части. Переход горловины к тулову очень плавный, четко не обозначенный. Лишь в одном случае (рис. 1. 5) он хорошо выражен. А еще в одном (рис. 1. 3) это место выделено двумя волнистыми линиями, нанесенными до обжига щепой.

Форма венчика также имеет значительную вариабельность. В двух случаях (рис. 1. 1,7) они заострены со скосом вовнутрь. В другом случае (рис. 1. 5) слабоотогнутая закраина венчика имеет выраженную площадку с уклоном наружу. В третьем случае (рис. 1. 2) закраина имеет ступенчатый уступ наружу с небольшими горизонтальными площадками. В оставшихся трех случаях венчики – с утолщением наружной стороны, образующими валик различных очертаний: овальный сверху с заостренным ребром в средней части (рис. 1. 6); овальный сверху с максимальным расширением овальных очертаний в нижней части валика (рис. 1. 4); с уплощенной площадкой с округлыми краями в верхней части и максимальным расширением, горизонтально срезанным, в нижней части (рис. 1. 3).

Такие кувшины имеют, как правило, одну вертикальную коленчатую ручку, на внешней поверхности которой имеются один-два небольших валика-ребра. Ручки пластинчатые в сечении. Причем правый (рис. 1. 1,3–4) или левый (рис. 1. 2,5) край сечения несколько толще

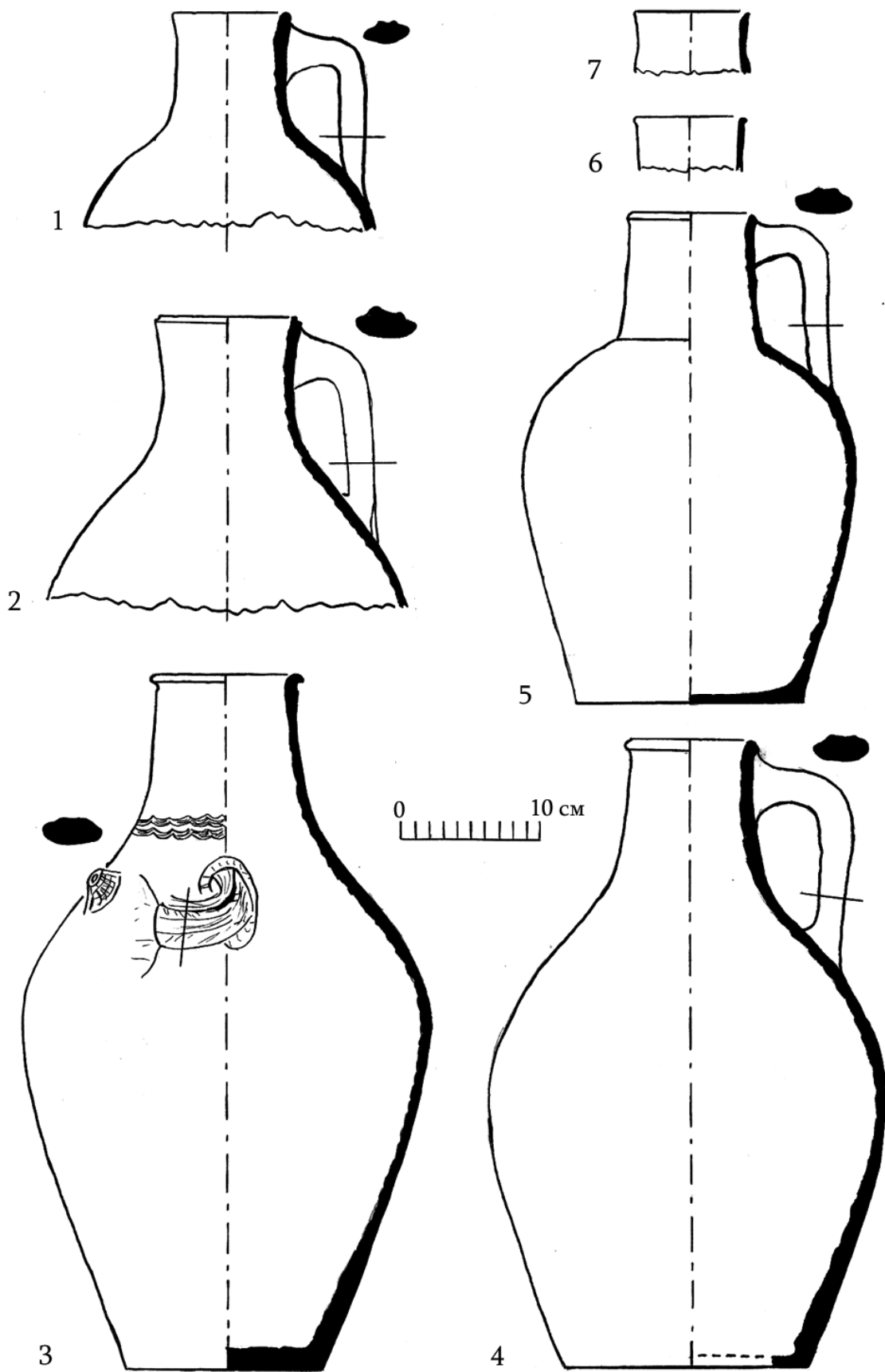

Рис. 1. Городище Кузнечная Крепость. Крупные и средние кувшины

и более округлый, тогда как противоположный – заострен. Вероятно, такое явление связано с тем, какой рукой мастер доформовывал ручку после ее прикрепления к сосуду. Представляется, что этот показатель может служить одним из факторов, но не основным, при выделении сосудов одной мастерской.

В верхней части ручки крепятся к горловине под венчиком, в 1–2 см от верха сосуда. Здесь они примыкают горизонтально или с некоторым наклоном вниз от сосуда; примазываются, как правило, по нижней плоскости ручки. Сверху же накладывается небольшое количество глины, но так, что поверхность венчика переходит плавно в ручку, не сохраняя при этом своей профилировки.

Длинное колено ручки крепится вертикально в средней части плечиков (рис. I. 2,4) или же ближе к точке максимального расширения тулова (рис. I. 1,5). При этом, в последнем случае в рассматриваемом материале ручка примазывается только с внешней стороны, образуя с внутренней острый угол. В первом же случае для примазки добавляется глина и на внутреннюю поверхность сочленения, что придает ему округлый, плоскостной характер.

Однако ручка на крупных кувшинах может не только соединять горловину с плечиками, что является почти обязательным, широко распространенным явлением, но и располагается на плечиках (рис. I. 3) в плоскости, близкой к горизонтальной. При этом короткое колено ручки примыкает к плоскости вертикально и равномерно примазывается со всех сторон, а длинное – как бы накладывается и примазывается только с внешней стороны, как и в случаях, отраженных на рис. I. 1,5. Наличие короткого, в 1,3 см длиной, уплощенного носика с отверстием 1,2 см, лежащего на уровне ручки, делает данный сосуд весьма специфичным. Взаимное расположение носика и ручки таково, что радиальные сечения, проходящие через короткое колено и носик, образуют прямой угол. Для наливания из такого кувшина необходимо было держать его левой рукой за ручку, а правой приподнимать за дно и не иначе. Впрочем, о назначении этого сосуда речь пойдет ниже.

Некоторые данные обмеров крупных кувшинов сведены в таблице 1.

«Столовые» кувшины, объемом до 4 л, в рассматриваемом комплексе представлены туловом сосуда с лощением по темно-красному ангобу (рис. II. 1). Он сделан на гончарном круге из теста с небольшой примесью песка, давшего красный цвет при обжиге. Сформован на песчаной подсыпке. Тулово сферической формы. Горловина, судя по слову диаметром у основания в 4,6 см, не сохранилась. На плечиках,

ближе к точке максимального расширения тулова, след от отходившей вверх округлой в сечении ручки. Она примазана и залощена равномерно со всех сторон. Сосуд украшен двумя врезными горизонтальными линиями, расположенными в средней части плечиков на высоте 11,4 и 12,6 см от дна, и четырехлепестковой розеткой. Лепестки имеют лавровидное очертание и тройной контур, вписанный один в другой. Нанесены они штампом (?). В центре розетки лепестки не соединены между собой, а по внешнему краю оканчиваются нанесенными отдельным штампом пунсонами. За верхний из них розетка «подвешена» между горизонтальными линиями диаметрально противоположно от ручки.

К столовым сосудам относится крупный фрагмент небольшой приземистой чашечки, дающей археологически целую форму (рис. II. 2). Сделана она на гончарном круге из тщательно промышленной глины, давшей при обжиге светлый, желтоватый цвет. Дно подрезано так, что необработанность краев среза образовала небольшой псевдоподдон. Нижняя часть тулова коническая, со слегка выпуклыми стенками. Плечики короткие, но отчетливо выраженные, со сглаженным переходом к нижней части тулова и к короткой, почти вертикальной, горловине. Горловина прямая, со скругленным во внутреннюю сторону скосом заостренной закраины. Следов ручки на фрагменте нет. Судя по чашечке, найденной нами в 1991 г. в одной из размытых руслом реки бадрабных ям Буранинского городища, являющейся наиболее близким из известных нам аналогов, ручка была петлевидной, уплощенной, овальной в сечении и крепилась к плечикам и горловине, возвышаясь над верхом сосуда на 1 см. Аналогичный фрагмент с ручкой был встречен и при раскопках водопроводной ветки на Буране [Винник и др. 1990: рис. 41, 16].

Другой, характерной именно для Семиречья, Чуйской долины, формой является сосуд-ступка [Бернштам 1950: 128, Табл. LXX] или, как форма названа в другой работе, «чашевидный кубок на выделенном поддоне» [Распопова 1960: 143]. В нашем случае это был толстостенный сосуд, изготовленный на гончарном круге (рис. II. 5). Массивный поддон с глубокими пальцевыми вдавлениями по периметру имеет следы песочной подсыпки. Тесто хорошо промешено, с небольшой фракцией мелкого песка, из красножгущейся глины. Стенки прямые, отходящие вверх под углом около 65°. Верхняя часть сосуда отсутствует.

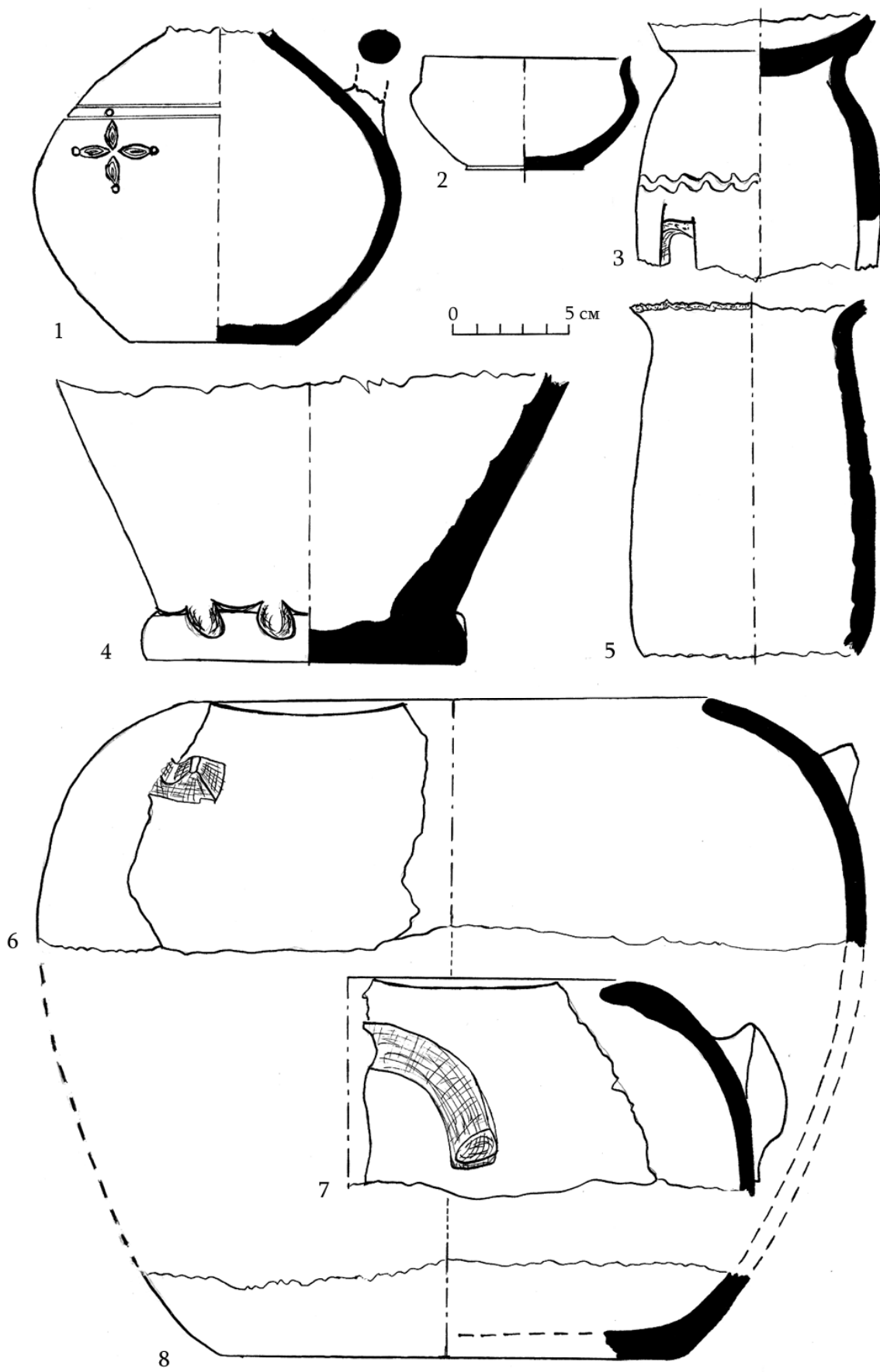

Рис. II. Городище Кузнечная Крепость. Сосуды разных форм

В составе комплекса найдено всего шесть фрагментов, черепок которых характерен для котлов и другой кухонной посуды, т.е. включает примеси песка, мелкого гравия, шамота и выгоревшей органики. Из них три дают некоторое представление о форме сосуда (рис. II. 6–8). Причем на одном – часть ручки, идентичной ручке на другом фрагменте (не включенном в иллюстрацию), все фрагменты лепные. Только венчики в 2–3 см от устья сформованы (доведены – ?) на гончарном круге. На фрагментах с венчиком стенки в нижней части находятся в вертикальной плоскости, т.е. сломаны в месте максимального расширения тулова. Выше, изгибаясь почти шарообразно, они достигают горизонтальной плоскости. Закраина имеет уплощенное окончание со скругленными переходами на внешнюю и внутреннюю поверхности стенок (рис. II. 6). Некоторое нарушение плавности изгиба профиля закраины с внутренней стороны и утолщение с внешней на одном из фрагментов (рис. II. 7) может быть объяснено, с одной стороны, меньшей пластичностью формовочной массы из-за включения большого числа отощителей и, с другой стороны, некоторой небрежностью мастера при примазке ручки (другой край того же фрагмента, на котором нет ручки, имеет более плавную и ровную профилировку). Фрагмент нижней части (рис. II. 8) говорит о плоском дне и меньшем диаметре, чем у устья. Переход ко дну несколько сглажен. На двух фрагментах, как уже указывалось, сохранились части одинаковых ручек, образованных примазыванием по дуге валика, треугольного в сечении. Его торцевые края приматы большим пальцем. Еще на одном фрагменте сохранилось полтора зубца пирамидальной конфигурации от горизонтального налепа-ручки. Подковообразные ручки и горизонтальный налеп расположены на одном уровне у исхода плечиков в вертикаль. Если допустить, что все фрагменты принадлежат одному изделию (а это представляется вероятным ввиду их малочисленности, визуальной схожести фактуры черепка, близости профиля на одних фрагментах и ручек на других), то его форма должна быть реконструирована, как это показано на рис. II. 6–8. Такой котел (?) должен был быть изготовлен комбинированной техникой, а две подковообразные ручки, фрагменты которых сохранились, должны располагаться диаметрально противоположно и чередоваться с двумя горизонтальными налепами.

Последний фрагмент, входящий в комплекс, принадлежал сосуду, сформованному на гончарном круге из плотного теста, давшего красноватый оттенок при обжиге. Он имел цилиндрическое тулово в нижней части. Дно и преддонная часть сосуда сколоты. Короткие покатые плечики переходят в расширяющуюся раструбом горловину. Форма ее закраины не определяется, т.к. в узкую часть горловины вставлено «верхнее дно» (если допустим такой термин), от которого формовалась ныне утраченная верхняя часть сосуда, включавшая и горловину нижней части. О том, что первоначально формовался обычный сосуд, свидетельствует характер слома фрагмента, в котором четко просматриваются верхняя и нижняя половины. Верхнее дно снизу неровное, со следами уплощавших комков глины пальцев. Сверху же оно доформовывалось при вращении на гончарном круге. Верхняя часть цилиндра тулова украшена волнистой линией, нанесенной до обжига тонкой, округлой на конце стекой. В нижней части фрагмента сохранились остатки прорезанных в тулове до обжига узких, в 1,5 см, щелей. Первоначальную их высоту в настоящее время установить невозможно. Таких прорезей на одном уровне, вероятно, было четыре, т. к. диаметры, мысленно проведенные через две сохранившиеся прорезы, образуют прямой угол.

Некоторые данные обмеров изделий, изображенных на рис. II также приведены в таблице 1.

Высокое качество керамики комплекса подталкивает искать аналоги среди изделий рубежа 1–2-го тысячелетий. При этом базовой по Чуйской долине является керамика, опубликованная в работах П.Н. Кожемяко [Кожемяко 1959] и К.М. Байпакова [Байпаков 1972; Байпаков 1986]. Но прежде необходимо акцентировать внимание на принципах формирования групп керамики и мотивировке хронологических рубежей между ними в этих работах.

П.Н. Кожемяко в 1952–1954 гг. выполнил 57 шурфов и 17 разрезов крепостных стен на 26 городищах долины, самый значительный из которых, площадью 84 кв.м, – на городище Ак-Бешим, где 7,5 м культурные толщи «хорошо датируемые временем с VI по X вв. стратиграфической последовательностью и монетами, которых найдено свыше двух десятков». Керамика, добытая во время этих работ, и приведена в монографии. Следуя принятой в

его время «исторической периодизации», исследователь выделяет три периода: «керамика времени тюркского каганата VI–VIII вв., керамика карлукского периода VIII–X вв., керамика времени господства караханидов X–XII вв.». При этом он замечает, что «слои, накопленные в отдельные периоды, не разделялись стерильными прослойками» и «вещевой материал, содержащийся в более ранних слоях, попадал наверх и затем включался в последующие слои». Учитывая недостаточность «разработанности схемы хронологической классификации керамики Семиречья», П.Н. Кожемяко заключает, что «можно пока только наметить основные этапы, совпадающие с этапами усовершенствования технического производства» [Кожемяко 1959: 22–24]. Иными словами, во времена П.Н. Кожемяко, как и сегодня, не было четких, формально выраженных критериев для абсолютной археологической периодизации керамических комплексов. Предложенная им относительная периодизация керамики, построенная с учетом стратиграфии залегания материала на разных городищах, с неодинаковым количеством строительных горизонтов и удаленных в некоторых случаях на 150 км друг от друга, наложена на принятую историческую периодизацию. Она не рассматривалась самим исследователем как окончательная и завершенная. Определение VIII и X вв. как верхней и нижней границ разных периодов (табл. 2) говорит о том, что П.Н. Кожемяко не видел объективных причин для более точного разделения их началом, серединой или концом столетия (или не считал нужным разделять).

К.М. Байпаков выделяет юго-западное Семиречье как единый историко-культурный район и противопоставляет его, в определенном смысле, Южному Казахстану (Присырдарьинская географическая провинция) и северо-восточному Семиречью (Илийская долина). Само юго-западное Семиречье подразделяется им на три «центра»: верховья Таласа – «рудничная область Шельджи»; его среднее и нижнее течение с центром в г. Тараз; Чуйскую долину с центрами в Суябе и Баласагуне [Байпаков 1986: 9–11]. Раннесредневековый «керамический комплекс из юго-западного Семиречья – по заключению этого исследователя – датируется VII – первой пол. IX вв. Керамики, которую можно датировать раньше VII в., здесь нет» [Байпаков 1986: 63]. В основу выделения комплекса К.М. Байпаков кладет материалы «из цитадели Краснореченского городища и раскопок замка и усадь-

бы Луговое А и Б» [Байпаков 1986: 61], т. е. фактически только две точки Чуйского «центра» в выделенном им же регионе, разделенных 200 км. Аналогичен подход и при выделении «археологического комплекса второй половины IX–X вв.» [Байпаков 1986: 112]. А для XI–нач. XIII вв. в паре с материалами из Краснореченского городища заявляются находки Тараза, т. е. из другого «центра» единого района [Байпаков 1986: 118]. К сожалению, материалы раскопок цитадели Краснореченского городища, осуществлявшиеся под руководством К.М. Байпакова в 1979–1983 гг., до сих пор не опубликованы; об их масштабах можно судить лишь весьма приблизительно по предварительной информации [Байпаков, Горячева 1989: 72–73]. Что касается материалов из Лугового, то в основной их публикации они членятся несколько иначе: VII–VIII вв.; IX–X вв.; XI–XII вв. В основании датировки первого из этих периодов лежит использование «характерных ... строительных приемов и элементов архитектуры», наличие «эпиграфической находки ... и керамики». При датировке второго периода среди прочих предметов материальной культуры названо появление поливной керамики. Материалы третьего периода, как явствует из публикации, датированы по аналогиям с Семиреченских городищ. Ни в одном случае не упомянуты нумизматические находки [Байпаков 1972: 78–79]. Иными словами, исходя из материала собственно Лугового городища, не прибегая к аналогиям, возможно лишь построение относительной, основанной на стратиграфии, но не абсолютной хронологии. Вероятно, именно из-за этого и произошли сдвиги в полстолетия в разделии периодов в разных публикациях, т. е. изменен подход к интерпретации результата. Впрочем, в более поздней работе хронология достаточно откровенно привязывается к историческим фактам письменной традиции – установлению в Мавераннахре власти саманидов и их походам на Испиджаб и другие окраины мусульманского мира того времени [Байпаков 1986].

Вернемся к рассматриваемому материалу. Наименьшие сложности вызывает поиск аналогий для тувака (рис. II. 4). Уже А.Н. Бернштам, называющий такую форму сосуда «сувак», относил их появление к средневековью: в одной таблице он помещен среди керамики «карлукско-караханидского времени X–XI вв.», а в другой, сводной – отнесен к караханидскому времени (XI–XII вв.) [Бернштам 1950: 135, табл. LXXIX. 5, табл. XCV. 213].

П.Н. Кожемяко нижнюю часть банкообразного сосуда с Ново-Покровского-1 городища относит к VIII таб.Х вв. Впрочем, приведенный им сосуд миниатюрный, с максимальным диаметром тулова 6 см и едва ли может быть признан близкой аналогией [Кожемяко 1959: табл. XII.1]. В этой его работе среди материалов X–XII вв. туваков нет [Кожемяко 1959: 55–61]. Но при раскопках на Красной Речке в 1961–1963 гг., в т.н. доме № 5 (Раскоп IX), датированном X–XII вв. на основании, в том числе, трех караханидских (не читанных – ?) монет, зафиксированных на полу и суфах, нашли «очень типичную для XI–XII вв. форму банкообразных сосудов» [Кожемяко 1967: 86].

К.М. Байпаков сосуды аналогичной формы в выделяемый им «археологический комплекс юго-западного Семиречья IX–нач. XIII вв.» не включает [Байпаков 1986: 112–120].

Туваки отмечаются М.А. Бубновой в материалах раскопок на городище Ак-Тобе 1 (Орловском) в верховьях Таласа среди керамики XI–XII вв. [Бубнова 1963: рис. 13. 26]. Сосуды аналогичной формы, но глазурованные, выделяются и Т.Н. Сениговой для Тараза X–XII вв. [Сенигова 1972: 155].

Хотя К.М. Байпаков не включает туваки и в археологический комплекс Южного Казахстана [Байпаков 1986: 101–112], но они там бытовали в XI–XII вв. [Агеева, Пацевич 1958: рис. 105]. Известен поливной тувак и из Отрара, из слоев X–XI вв. [Акишев и др. 1972: 97].

Туваки были широко распространены по всей Средней Азии и датируются разными исследователями X–XIII вв. Впрочем, в литературе их рисунков приведено не очень много. Один из пунктов, где был найден тувак, – Ходжент. Но предложенная для этого сосуда датировка – V–VI вв. [Беляева 1984: 338–342] – вызывает серьезные сомнения. Часто сосуды этой формы покрывали глазурью, как тувак из Канки, датированный IX–X [Буряков 1982: 91] или X–нач. XI вв. [Брусенко, Галиева 1982: 123]. Н.Н. Вактурская при анализе керамики средневекового Хорезма глазурованный тувак помещает среди материалов XII–XIV вв. [Вактурская 1959: 319]. В большой керамической коллекции из Мерва С.Б. Лунина отмечает неглазурованный тувак в материалах мастерской № 3 из Раскопа 1, датированных ею XII–нач. XIII вв. [Лунина 1962: 389].

Безусловно, на основании приведенных единичных аналогий нельзя делать выводы о направлении распространения сосудов этой формы в Средней Азии, но можно говорить о бытова-

нии этой группы изделий с начала 2-го тысячелетия. В будущем интересно было бы проследить соотношения глазурованных и неглазурованных туваков, известных в Чуйской долине, например, по коллекции Синусова – Черкасова, а также некоторые нюансы в форме закраины, тулова и донной части в хронологическом и эволюционном аспектах.

Ступкообразные сосуды для Чуйской долины одним из первых также отметил А.Н. Бернштам, датировав их VIII–X вв. Для последующего времени этой формы он не называет [Бернштам 1950: 128, табл. LXX, табл. XCV, 176].

П.Н. Кожемяко первоначально соглашается с ним в такой датировке [Кожемяко 1959: 44–46]. Однако при работах на Раскопе 1 Краснореченского городища в 1962–1963 гг. в бадрабной яме № 3 был найден фрагмент такого сосуда среди материала, отнесенного к X–XII вв. [Кожемяко 1989: 32].

В.И. Распопова, по материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953–1954 гг., относит сосуд этой формы к IX в. и проводит параллели, на наш взгляд не совсем корректные, с чашевидными кубками Согда и Чача V–VI вв. [Распопова 1960: 143].

В верховьях Таласа на городище Ак-Тепе 1 (Орловское) М.А. Бубнова находила их в слоях XI–XII вв. [Бубнова 1963: рис. 13. 23–24].

Как новая для VIII–IX вв. форма ступкообразные сосуды фиксируются в Таразе и приводится 15 фрагментов их донных частей; для X–XII вв. отмечено их «почти» исчезновение из употребления [Сенигова 1972: 93, 152].

В комплексы VII–VIII вв. и IX–нач. XIII вв. ни юго-западного Семиречья, ни Южного Казахстана К.М. Байпаков не включает ступкообразных сосудов [Байпаков 1986: 41–63, 101–120], хотя при раскопках в Луговом сосудах этой формы находили и отнесли к IX–X вв. [Байпаков 1972: 93–94]. В слоях этого же времени ступкообразные сосуды фиксируются на поселениях северо-восточного Семиречья [Байпаков 1986: 76], но лишь для XI–нач. XIII вв. К.М. Байпаков называет их «традиционной формой» в северо-восточном Семиречье [Байпаков 1986: 124].

Для Чача Ю.Ф. Буряков этой формы не отмечает ни для мингурюкского, ни для кавардановского комплексов [Буряков 1982: 80–99]. Не приводит этой формы и Л.М. Левина в монографии о керамике 1-го тысячелетия [Левина 1971].

Таким образом, можно заключить, что ступкообразные сосуды являются локальной формой керамики, бытовавшей в Семиречье в VIII–нач.

XIII вв. В настоящее время более узкие хронологические рамки аргументированно определить невозможно. Но со временем, как представляется, они могут быть значительно сужены как за счет нижней, так и за счет верхней границ.

Для сосуда, изображенного на рис. II. 3 аналогий найти не удалось. При датировке, в определенной мере, можно опереться на технологию – гончарный круг быстрого вращения. Нижняя же часть формовалась для сосуда баночной формы с выраженной горловиной. Похожий по абрису на него сосуд из строительного горизонта, датированного XIII–XIV вв., был найден на городище Ашпара в западной части Чуйской долины [Ерзакович 1968: 89, рис. 3, 5]. Глазурованные аналоги такой формы керамики имеются в Чуйской долине в материалах XI–XII вв. [Бернштам 1950: Табл. LXXXVI. 2, Табл. XCV. 233], северо-восточного Семиречья [Байпаков 1986: Рис. 47, 41] и Чача [Буряков 1982: Рис. 10, Рис. 12] X–нач. XIII вв. и других регионов Средней Азии означенного времени. Функциональное назначение сосуда в том виде, каком он был сделан, по мнению А.И. Торгоева – мышеловка. При этом прорези в тулове необходимы для более эффективного распространения ароматов приманки.

Котлы, судя по количеству находимых фрагментов, являются одной из самых широко бытовавших керамических групп на протяжении всего средневековья и отмечаются всеми исследователями. По форме дна, тулова и оформлению устья (венчика) их делят на подгруппы. Какой-либо устоявшейся схемы такого членения для Чуйской долины пока не предложено, впрочем, как и остальных регионов. При поиске аналогий мы будем исходить из предложенной реконструкции формы (рис. II. 6–8).

А.Н. Бернштамом котлы с интересующим нас абрисом не зарегистрированы [Бернштам 1950]. В работе П.Н. Кожемяко в комплексах VI–VIII и VIII–X вв. они выделяются отдельной подгруппой среди «горшкообразных сосудов», но являются меньшими по габаритам. Формы сосудов X–XII вв. в этой работе представлены явно недостаточно [Кожемяко 1959: 26, 40, 53–59]. Среди керамики, полученной при раскопках городища Ак-Бешим в 1953–1954 гг., судя по опубликованным материалам, присутствуют котлы только с небольшой горловиной. Стратиграфически эти материалы датированы временем до X в. [Распопова 1960: 157]. Верхние части котлов без выраженных горловин с горизонтально лежащей закраиной есть в

коллекции Синусова – Черкасова, в том числе собранные с городищ, расположенных в 5–10 км от Кузнечной Крепости: Ключевом, Кызыл-Аскерском, Ново-Покровских I–V. Эти материалы, будучи подъемными, сами нуждаются в датировке, но указывают на распространенность формы в Чуйской долине. Привлекать для уточнения датировки форму и орнаментацию ручек, их расположение и взаимовстречаемость представляется преждевременным ввиду отсутствия эволюционно-хронологических схем для котлов Чуйской долины и других регионов.

В работах К.М. Байпакова хотя и отмечается, что котлы являются одной из ведущих форм керамики юго-западного Семиречья VIII–нач. IX вв. и сер. IX–X, XI–нач. XIII вв., но фактическое представление об их форме дается весьма расплывчато, тем более – о вариантах форм. Свое внимание исследователь сосредоточивает преимущественно на описании ручек. Из приведенных иллюстраций можно сделать вывод об отсутствии котлов с коническим в нижней части туловом и горизонтально лежащими плечиками с завершающей их закраиной [Байпаков 1972; Байпаков 1986: 60–61, 114–120].

Из материалов Ак-Тобе 1 (Орловское) явствует, что в верховьях Таласа уже в VII–VIII вв. имелись котлы с закраиной (чаще утолщенной или выделенной желобком), являющейся завершением плечиков без всяких перегибов профиля, и котлы, плечики которых лежат в плоскости, близкой к горизонтальной, с небольшой вертикальной горловиной. Но приводимые варианты ручек этих котлов – скобообразные, крепящиеся горизонтально, только двумя концами – отличны от ручек в рассматриваемом материале [Бубнова 1963: 138]. Котлы следующего периода, IX–X вв., представлены весьма скудно. А вот в приводимых среди материалов XI–XII вв. вышеозначенные особенности показаны. В этом плане показателен «новый тип горшков», имеющий абрис, близкий к реконструируемому нами. Но у этих горшков [Бубнова 1963: рис. 13. 32–36], судя по изображению, нет ручек, которые являются важной характеристикой при типовом выделении. Также не известна фактура теста этих изделий, но указывается, что они «станковые», т.е. сформованные на гончарном круге [Бубнова 1963: 142]. Увы! Мы имеем дело не с «конкретами», а с «археограммами», пропущенными через «тезаурические структуры» «плана познания (интерпретации)» [Клейн 1991: 345, 350–351]. Поэтому, исходя из уровня отражения материала, прямых аналогий из раско-

пок в верховьях Таласа к нашему котлу проводить нельзя.

По форме закраины и положению плечиков близки к рассматриваемым котлы выделяемой первой группы из Тараза VIII–IX вв. Однако нижняя часть тулова и ручки, «прикрепленные только концами» [Сенигова 1972: 83], отличают их от нашего реконструируемого варианта. В следующем периоде, XI–XIII вв., интересующие нас особенности формы затушевываются, но не исчезают полностью. Показательными в этом плане являются изделие с коническим в нижней части туловом, пологими плечиками, но с невысокой прямой горловиной, называемое «горшком», и сосуд с закраиной, непосредственно оканчивающей линию тулова, но абсолютно иной, открытой его формой [Сенигова 1972: 150–151, табл. XI. 23, 41a].

В приводимых К.М. Байпаковым комплексах из Южного Казахстана ближайшую аналогию можно усмотреть в одном из горшков IX–X вв., но в последующее время, в XI–XII вв., в этой группе горловины эволюционируют в сторону увеличения высоты [Байпаков 1986: 103–106].

В таблицах керамики из северо-восточного Семиречья показаны формы верхних частей котлов с закраиной-венчиком, лежащим на пологих плечиках тулова. Но среди приводимых изделий этой категории таких меньшинство. Кроме того, все приведенные рисунки ручек отражают их горизонтальные, крепящиеся на концах, варианты [Байпаков 1986: 120–123, рис. 47. 5,7,37–40 и др.].

В Чаче у ряда котлов с шарообразным туловом, т.е. у изделий выделяемого второго типа в мингурюкском комплексе (сер. VI–сер. VIII вв.), описание закраин напоминает рассматриваемые. При описании имлакского комплекса (кон. VIII–X вв.) говорится лишь о сохранении у котлов шарообразной формы тулова и круглодонности, а среди иллюстраций к каварданскому комплексу (XI–нач. XIII вв.) приводится верхняя часть котла с пологими, почти горизонтальными плечиками, но небольшим, четко профилированным венчиком. Тулово этого изделия уже не назовешь шарообразным, но его абрис далек и от нашего [Буряков 1982: 88–95].

Единственными известными нам статьями, специально посвященными формам котлов, являются старые, но во много не устаревшие работы И. Ахрарова по материалам Ферганы. Среди сосудов IX–X вв. близки к нашему по форме тулова изделия т.н. третьего типа. Одна-

ко они имеют небольшую горловинку-венчик. По приведенным рисункам абрис тулова никак нельзя назвать шаровидным, как это формулирует исследователь [Ахраров 1966: 127–129]. Как видно из иллюстраций к материалам XI–XII вв., означенные варианты – пологие, иногда горизонтальные плечики при небольшом венчике, лежащем на них, – продолжают бытовать [Ахраров 1969]. По этим двум статьям можно заключить, что котлы Ферганы лишь частично схожи с нашими.

Таким образом, как видно из примеров, приведенных и оставшихся за рамками статьи, в т.ч. из южных и западных районов Средней Азии – Согда, Уструшаны, Тохаристана, Хорасана, Хорезма и др., котлы с подобной формой тулова встречаются в материалах как раннего, так и развитого средневековья. Но они там не являются ведущей формой этой группы изделий. А форма закраины, оканчивающая стенки тулова сосуда без какого-либо изменения линии профилировки, ее выделение утолщением или рисунком-линией является особым вариантом, характерным именно для Чуйской долины, наряду с другими формами закраин, и бытует с VI–VIII до XI–нач. XIII вв.

Поиск аналогий для чашечки и прост, и сложен одновременно. Подобная форма хорошо известна в Чуйской долине. А.Н. Бернштам приводит несколько лепных чашечек с Сокулукского городища, датируемых им сер. VI–VIII вв. по аналогиям с керамикой «кушанского времени из Ферганы». Технология обработки их поверхности характеризуется исследователем срезами ножом на внешней стороне и краснофонным лощением либо покрытием плотным слоем красной или коричневой краски. По размерам они крупнее рассматриваемой чашечки с городища Кузнечная Крепость, а горловина во всех случаях наклонена наружу. Значительно разнятся пропорции: в изделиях, приводимых А.Н. Бернштамом [Бернштам 1950: 122, табл. LXIII. 2–8] высота тулова (H_3 (тул.)) к высоте горловины (H_1 (горл.)) и плечиков (H_2 (плеч.)) относится почти как 1 : 1, а в нашем случае ($H_3 : (H_1 + H_2)$) – как 3 : 1,7, т.е. в 1,5–2 раза тулово выше. Но по профилю и принципу строения формы они могут вполне являться отправной точкой для круга аналогий.

В приводимых А.Н. Бернштамом чашечках карлукского времени пропорции меняются за счет уменьшения горловин; но они по-прежнему наклонены наружу. У изделий появляется поддон. Эти кружечки-кубки сделаны

уже на гончарном круге [Бернштам 1950: 128, табл. LXXV. 4–6]. Судя по приведенному, но не оговоренному в тексте рисунку, в «карлуко-караханидское время», X–XI вв., чашечки стали иметь прямые расширяющиеся стенки без разделения на тулово и горловину, а ручки венчаться плоской пятой [Бернштам 1950: табл. LXXIX. 2]. Но А.Н. Бернштам в своих работах не дает ответа на вопрос: посудой какой формы пользовались для питья в собственно караханидское время? Впрочем, с предложенной им эволюцией чашечек можно и не соглашаться.

П.Н. Кожемяко несколько иначе представляет эволюцию сосудов для питья. В комплексах VI–VIII вв. он выделяет станковые кружки, имеющие «небольшой выпуклый корпус и высокий, раструбом сверху бортик» и чаши с «узким плоским дном сложного профиля туловом без венчика» [Кожемяко 1959: 37], т.е. имеющие мало общего с искомым. В следующем хронологическом периоде, VIII–IX вв., он отмечает чаши четырех различных вариантов. Ни один из них нельзя генетически связать с чашами предыдущего периода. Из выделенных – чашечка варианта «б», представленного изделием с Ново-Покровского городища (вероятно с 1-го, на котором в 1955 г. было сделано три шурфа), очень близка к рассматриваемой как по пропорциям и размерам, так и по абрису стенок. Три остальные варианта имеют, насколько позволяют судить описания и рисунки, более простую профилировку корпуса [Кожемяко 1959: 48–50, 108–111]. Выделяются П.Н. Кожемяко и кружки [Кожемяко 1959: 50–52]. Они близки по форме и размерам к чашечкам V–VIII вв. (по А.Н. Бернштаму) с Сокулукского городища, но сделаны на гончарном круге. Попутно отметим две аналогичные кружки с городища Ак-Бешим, найденные на полах в «христианском комплексе» (Объект VIII), датированном X–нач. XI вв. [Семенов 2002: рис. 68, рис. 71]. Впрочем, полноценная публикация и анализ керамического комплекса акбешимского Объекта VIII – дело будущего. Возвращаясь к работе П.Н. Кожемяко, отметим, что в керамике X–XII вв., по его мнению, чаши «повторяют формы IX–X вв.» [Кожемяко 1959: 59]. Таким образом, изделия интересующей нас формы бытовали в Чуйской долине, согласно точке зрения данного исследователя, с VIII по XII вв.

В.И. Распопова все кружки, найденные при раскопках на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг., подразделяет «на три основных типа». В первый из них включаются достаточно разнородные, на

наш взгляд, изделия, но с четким членением на тулово и горловину. В основном, они весьма близки к сокулукским чашечкам V–VIII вв. и акбешимским кружкам X–нач. XI вв. по абрису, размерам и пропорциям. По строению (коническая нижняя часть, короткие плечики, вертикальная горловина) лишь кружка, изображенная в статье В.И. Распоповой на рис. 2.6, близка к атрибутируемой, но по пропорции высот и это изделие не позволительно считать близким аналогом. По пропорциям и размерам близка к нашей кружка на рис. 2.17 в рассматриваемой работе, которая в подстраничном пояснении выделена в «ферганский» тип. Если он (тип) соответствует «третьему» в описании, что логически вытекает из сопоставления текста и рисунка, то ее борта должны быть волнистыми, а это стирает немногие черты сходства. Получается, что среди кружек с городища Ак-Бешим, полученных в результате раскопок 1953–1954 гг., время бытования которых стратиграфически фиксируется до X в., при их общей схожести, прямых и близких аналогий нет.

При раскопках на Луговом городище, в слоях, отнесенных к VII–VIII вв., были найдены кружки двух типов: с прямыми расширяющимися вверх стенками (не относящиеся к нашей теме) и имеющие «приземистое тулово с широким устьем диаметром 6 см и вдвое меньшим дном». По строению и пропорциям последний тип кружек весьма близок к рассматриваемой нами чашечке, хотя и несколько меньше в размерах [Байпаков 1972: 83–85]. Для IX–X вв. на городище выделяется один тип кружек – «с округлым туловом». Общие пропорции этого «типа» вытягиваются вверх и в целом он достаточно далек от нашего экземпляра [Байпаков 1972: 94]. Эти изделия включены исследователем в «археологический комплекс юго-западного Семиречья» VII–нач. IX и сер. IX–нач. XIII вв. соответственно. Во втором случае подчеркивается их преимущественное бытование в отрезке времени до XI века [Байпаков 1986: 62–63, 116–118].

В «верхнеталасском центре» юго-западного Семиречья аналогичные кружки (1-я группа) отмечены в слоях VII–VIII вв. Для IX–X вв. в приведенных двух фрагментах схожесть утрачивается, но, вероятно, они продолжали бытовать, т.к. достаточно большая их группа фиксируется в слоях XI–XII вв. [Бубнова 1963: 138–143].

В материале VIII–IX вв. городища Тараз «появляется» близкая к нашей форма чаш. Выделяется и категория «кружки», которые в слоях VIII–IX вв. являются «новыми». Их тулово вытя-

нуто вверх. Кружки, несколько видоизменяясь, продолжают бытовать и позднее, в XI–XII вв. А вот неглазурованные чаши уже не упоминаются среди материалов этого времени, но появляется новая форма сосудов для питья – глазурованные пиалы [Сенигова 1972: 92–93, 98, 148–154].

В северо-восточном Семиречье для IX–нач. XIII вв. выделяются кружки с грушевидным туловом. Есть и категория «чаши», но отсутствие отсылок к рисункам не позволяет понять, что конкретно имеется в виду исследователем в обоих случаях [Байпаков 1986: 121–124].

В Ташкентском оазисе средневековые сосуды для питья имеют местные корни от кружек и мисочек каунчинского времени. В мингурюкском комплексе форма кружек характеризуется «устойчивым донцем, ..., шаровидным туловом и слегка отогнутой наружу закраиной», а форма чаш-мисочек представлена изделиями «небольших размеров, плоскодонными, невысокими, с округлым туловом и вертикально поставленным или слегка изогнутым наружу венчиком» [Буряков 1982: 84]. Провести между ними грань, исходя только из описания, крайне сложно, особенно после разнобоя применения терминов «круж[еч]ка», «чаш[еч][к]а», намеренно выделенных нами в вышеприведенных примерах, а прямые отсылки к рисункам в рассматриваемой работе отсутствуют. Если же исходить из рисунка, то чашечка (в принятой нами терминологии), изображенная второй сверху в правой колонке [Буряков 1982: рис. 9] принципиально схожа с атрибутируемой, но пропорции, значительная наклоненность вовнутрь стенок горловины и отчерчивание ее от тулова прорезной линией не позволяют считать изделие близким аналогом. Уже на первом этапе существования имлакского комплекса (кон. VIII–IX вв.) кружки «входят в число исчезающих форм», а на втором этапе (X в.), как констатируется, «почти полностью исчезают». В этом комплексе они характеризуются «округлой нижней частью тулова и цилиндрической или чуть суженной к устью верхней и петлевидной ручкой». Однако специфика работы с археограммами, не полностью отражающими конкрет, не позволяет сделать однозначные выводы о степени схожести двух артефактов. В каварданском комплексе в номенклатуре бытовавших форм кружки уже не называются [Буряков 1982: 89–91, 96–98]. Таким образом, можно констатировать, что кружки как форма бытовали в Чаче до X в. включительно, а с сер. V по сер. VIII вв. были одной из ведущих

форм. Судя по приводимым Ю.Ф. Буряковым и другими исследователями [напр.: Тереножкин 1950; Буряков, Зильпер 1960; Крашенинникова 1960; Левина 1971: 90–192] рисункам и описаниям, они лишь отчасти похожи на нашу чашечку – более вытянуты и с иным соотношением частей.

В этой статье мы стремимся использовать параллели с изделиями из Чуйской долины и ее ближайшего окружения, ибо считаем привлечение материалов из более отдаленных районов – Ферганы, Согда, Хорезма, Хорасана – методологически спорным. Но при анализе чашечек (/кружек) такого сравнения не избежать, потому что их генезис уводит в раннее средневековье, а при его характеристике широкое распространение имеет гипотеза о согдийской колонизации Семиречья [Кольченко 2003]. В верхнем слое городища Пенджикент, во многом являющегося эталонным не только для Согда, но и Средней Азии в целом, прежде всего, ввиду своей изученности, выделяется большая серия кружек с четким делением на тулово и горловину. Часто такое членение усилено прорезной линией. Пропорции, размеры и абрис отдельных частей формы имеют значительную вариабельность. Среди изделий, приведенных в работе И.Б. Бентович [Бентович 1964: 279–285] есть экземпляры, по той или иной характеристике близкие к Чуйским, особенно ранним сокулукским [Бернштам 1950: 122]. Но нет аналогичных атрибутируемому изделию по всей совокупности критериев. К сожалению, согдийские кружки саманидского времени по просмотренной литературе остались нам не известными. Поэтому, в контексте нашего предмета, изделия из Пенджикента VIII в. [Распопова, Шишкина 1999] могут рассматриваться, в лучшем случае, как заимствованная отправная форма, эволюция которой протекала в Чуйской долине параллельно согдийским прототипам, возможно – с некоторым влиянием согдийской и/или чачской традиции.

Суммируя все вышеизложенное по поводу рассматриваемой чашечки с городища Кузнечная Крепость, можно предположить ее местный (Чуйский или «юго-западного Семиречья») генезис от форм, близких чачским сер. VI–сер. VIII вв. или согдийским VII–VIII вв. прототипам. Критериями для такого суждения служили абрис стенок, прежде всего горловины, и пропорции (Н_{тул.} : (Н_{горл.} + Н_{плеч.}); Н_{общ.} : D_{тул.} (D_{закр.})). В опубликованных комплексах керамики Чуйской долины VI–X вв. (т.е. до-караханид-

ских) близких аналогов не приводится. Однако просматриваемая эволюция формы в указанный период логично подводит к нашей форме через сокращение высоты горла в VIII в. и уменьшение диаметров в X–нач. XI вв. Позже, в XI–нач. XIII вв., все формы сосудов для питья заменяются на глазурованные эквиваленты. Правильность этой версии можно будет проверить через стратиграфические наблюдения и количественную устойчивость выделенного типа – в настоящее время нам известно лишь три изделия: рассматриваемый с городища Кузнечная Крепость и два, упоминавшихся при его описании, с бурачинского городища.

Кувшины с шарообразным туловом не были в Чуйской долине, насколько позволяют судить имеющиеся материалы, широко распространенной формой керамики на протяжении всего средневековья. А.Н. Бернштам отмечает кувшины с шарообразным туловом только для караханидского времени (XI–XII вв.). Правда, все сосуды с таким туловом, приводимые им, имеют носик, крепящийся на плечиках [Бернштам 1950: 134–135]. В остальном же – абрис (с узкой горловиной), размеры, наличие красного ангоба и лощения, орнаментация (в определенной степени) – они соответствуют нашей форме (рис. II.1). Что касается декора, то А.Н. Бернштам публикует часть сосуда с Александровского городища, в отделке которого используется лощение по красному, менее плотному, ангобу и прочерченная трехлепестковая розетка, который датирует более ранним временем – VIII в. Фактически розетка является копией, но с отсутствующим нижним лепестком, розетки на рассматриваемом сосуде с Кузнечной Крепости. Впрочем, дата – VIII век – весьма условна и так указана только в пояснении к табл. LX его работы. Само же описание сосуда с этой розеткой помещено в параграфе «Согдийская культура и тюркский каганат», т.е. среди материалов V–сер. VIII вв. (по датировке автора), но в описании неоднократно упоминается «карлукское» времени – сер. VIII–X вв. [Бернштам 1950: 120–121]. Как явствует из отчета VII отряда археологического надзора при строительстве БЧК, сосуд был найден в «нижних горизонтах» [Михельс, Сорокин 1950: 98], т.е., возможно, непосредственно в горизонте, подстилающем слои с обильным количеством глазурованной (караханидской) керамики. А в таком случае его можно датировать и X веком!

По наблюдениям П.Н. Кожемяко кувшины с близким абрисом стенок и иными характеристиками существовали в Чуйской долине в VIII–X вв. Изделие с Ново-Покровского городища, приводимое им, имеет шаровидное тулово, красный ангоб и украшен тремя врезными бороздками на плечиках. Размеры не намного меньше, чем у нашего кувшина [Кожемяко 1959: 46]. Что касается в целом сосудов с лощением по красному ангобу, то П.Н. Кожемяко был склонен относить верхнюю границу бытования изделий с такой обработкой поверхности «вплоть до XI в.». При этом он основывается на стратиграфических наблюдениях. Так, на городище Шиш-Тюбе (Карабалтинское), в западной части долины, краснолощенные фрагменты зафиксированы в одном слое с «поливной караханидской керамикой» [Кожемяко 1959: 32].

К.М. Байпаков при описании керамического комплекса юго-западного Семиречья VII–сер. IX вв. абрис столовых кувшинов определяет термином «грушевидные сосуды», что, сопоставив с рис. I4.28 его работы, можно считать аналогией рассматриваемому изделию [Байпаков 1986: 63]. Для комплекса сер. IX–X вв. описание еще более приближается к искомому: «Обычно сверху покрывали красным ангобом и лощением. Тулово круглое, длинное узкое горло» [Байпаков 1986: 116]. Для выделения комплексов XI–нач. XIII вв. им делается важное наблюдение о смене красного ангоба оранжевым [Байпаков 1986: 118].

В керамике Ак-Тобе 1 (Орловское) материалы VII–X вв., вероятно, были не достаточны для характеристики тулова столовых кувшинов [Бубнова 1963: 137–138, 141]. Зато, исходя из таблицы керамики, сосуды с такой формой тулова были доминирующими среди столовых кувшинов XI–XII вв. [Бубнова 1963: 142, рис. I3.67, 70, 72, 75, 76 и др.].

Среди кувшинов третьего центра юго-западного Семиречья – Тараза – для VIII–X вв. выделяется группа изделий небольших размеров со сферическим туловом [Сенигова 1972: 88–89]. Однако они имеют иной характер орнаментации, специфичный именно для данного центра. В материалах XI–XII вв., приведенных Т.Н. Сениговой, сосуды с шарообразным туловом имеют специфические особенности, в которых теряются элементы схожести с атрибутируемым кувшином [Сенигова 1972: 149–150].

В комплексе VI–сер. VII вв. Южного Казахстана (Кок-Мардан), по наблюдениям К.М. Байпакова, столовые кувшины покрывались крас-

ным ангобом с лощением. Часть из них была гончарной, часть – лепной. Судя по приведенному рисунку в ряде случаев корпус был шарообразный [Байпаков 1986: 47]. При характеристике куйрук-тобинского комплекса (сер. VII–сер. IX вв.) керамика описана слишком обобщенно, чтобы делать конкретные выводы [Байпаков 1986: 58]. В материалах сер. IX–X вв. в группе столовых кувшинов отражены и узкогорлые. Отмечается, что они покрывались «светлым и красным ангобом с лощением» и украшались прорезными концентрическими кругами и оттисками штампов [Байпаков 1986: 104]. Для X–XII вв. говорится о покрытии кувшинов «светлым ангобом, брызгами и потеками минеральной краски» [Байпаков 1986: 106]. Е.И. Агеева только в керамике X–XII вв. выделяет группу сосудов, называемую ею «небольшими графинчиками», близких по абрису к рассматриваемому и приводит некоторые особенности их декора [Агеева, Пацевич 1958: 188–189, 193].

В Чаче уже для первого этапа мингурюкской культуры выделяется тип (четвертый) кувшинов с шарообразным туловом и округлой в сечении коленчатой ручкой, в декоре которых «иногда применялся разноцветный ангоб». Тип оценивается как «не столь устойчивый» и на втором этапе уже специально не отмечается, т.е. если он и продолжал бытовать, то в небольшом количестве. В рисунках мингурюкского керамического комплекса эта форма не отражена [Буряков 1982: 84–85, рис. 9]. В иллюстрациях к имлакскому археологическому комплексу есть формы сосудов, позволяющие говорить о существовании кувшинов с шарообразным туловом в кон. VIII–X вв. По описанию этого нельзя ни отрицать, ни утверждать. В интересующем нас аспекте можно выделить замечание Ю.Ф. Бурякова о сохранении «коричневато-красной» окраски [Буряков 1982: 89, рис. 10]. О существовании сосудов с шарообразным абрисом стенок в каварданском комплексе также нельзя сказать ничего определенного. Но среди сосудов, в том числе кувшинов, с городищ предгорий, как отмечается исследователем, были «облицованные красным покрытием, зачастую с лощением» [Буряков 1982: 94–96]. Таким образом, исходя из рассмотренной работы, можно заключить, что кувшины с шарообразным туловом не были весомой формой сосудов Чача и выделяются в отдельную группу лишь для сер. VII–нач. VIII вв., причем без указания размеров и отделки поверхности.

Суммируя все вышесказанное о кувшинах с шарообразным туловом, вынуждены констатировать разногласия исследователей. Если их точки зрения объединить, то получается, что изделия с подобными характеристиками существовали в Семиречье и на сопредельных территориях с VI–сер. VIII вв. до XII–нач. XIII вв. Что же касается хронологической атрибуции конкретного сосуда, с учетом всех его особенностей, то наиболее приемлемым временным отрезком представляется X–XI вв.

Археологически целых форм крупных кувшинов по всей Средней Азии, судя по публикациям, сохранилось не много. Чаще всего приводят фрагменты донных частей и горловин, реже – верхних частей, включая плечики и ручки. Это положение справедливо и для Чуйской долины, хотя исследователи в описаниях приводят средние размеры таких сосудов. Известно и несколько целых форм. Один из целых крупных кувшинов, высотой 75 см, А.Н. Бернштам датировал «карлуко-караханидским временем, X–XI вв.». Его пропорции ($H_1 : H_{\text{общ.}}$; $H_{\text{общ.}} : D_{\text{тул.}}$) практически совпадают с пропорциями сосуда на рис. 1. 3 с городища Кузнечная крепость. Характер крепления ручки в верхней части (нижней на рисунке не видно), профилировка закраины, разделение тулова и горла прорезными линиями, нанесенными при вращении на гончарном круге – делают этот сосуд ближайшей аналогией, несмотря на более крупные размеры. Средними же размерами для кувшинов этой группы А.Н. Бернштам считал 25–28 см в диаметре при 48–50 см высоты [Бернштам 1950: 135, табл. LXXVIII. 1], что опять-таки прекрасно согласуется с данными атрибутируемых кувшинов (см. табл. 1).

Другой археологически целый крупный кувшин был найден в 1953–1954 гг. на городище Ак-Бешим. Однозначная датировка его, как и всего материала, в работе В.И. Распоповой не приводится; указывается лишь X в. как верхняя граница. Круг убедительных аналогий для него находится исследователем в материалах VII–VIII вв. Согда, Чача, Уструшаны и даже Тувы [Распопова 1960: 149]. И хотя его размеры ($H_{\text{общ.}}=48$ см, $H_1_{\text{горл.}}=8,25$ см, $D_{\text{тул.}}=32,25$ см – по масштабу рисунка) близки рассматриваемой группе с Кузнечной Крепости, что может указывать на общее функциональное назначение, но пропорции иные: он более приземист ($H : D$) и с более короткой горловиной ($H_1 : H$). Кроме того, он имеет примятый слив и конфигурацию ручки значительно отличных очертаний – на-

правленность вверх от горла «горизонтальной» части и наклон к нему «вертикальной». Представляется, что этот акбешимский кувшин может служить ориентиром нижней границы для кувшинов с городища Кузнечная Крепость.

В распоряжении П.Н. Кожемяко, вероятно, не было крупных сосудов, но были фрагменты средних. Рисунки их венчиков с ручками весьма схожи с рассматриваемыми. Приведены они среди материалов VIII–X и XI–XII вв. [Кожемяко 1959: табл. VI. 1,2, табл. X. 5, табл. XIV. 1–3, 6].

При описании керамики из раскопок Лугового городища в комплексе VII–VIII вв. выделяются «водоносные кувшины» высотой в 30–35 см [Байпаков 1972: 83–86], т.е. это, при соответствующих пересчетах, средние кувшины по градуировке Б.И. Маршака [Маршак 1970: 37]. В комплексе IX–X вв. эта же категория изделий характеризуется «коротким широким горлом». Почти так же – «невысокое горло» – определено оно при описании материалов XI–XII вв. [Байпаков 1972: 94–95], но понять, что подразумевается в последнем субъективном суждении, без числового или визуального подкрепления сложно.

В материалах Ак-Тобе 1 (Орловское) крупных сосудов, судя по публикации, не было. Среди приводимых фрагментов средних кувшинов в комплексах IX–X и XI–XII вв., как гончарных, так и лепных, есть ручки с закраинами близких форм, но есть и отличные [Бубнова 1963: 137–143].

Т.Н. Сенигова также не говорит о крупных сосудах, что можно рассматривать как их отсутствие в доступных материалах. Критерии, используемые ею при выделении типов кувшинов, вторичны для нашего исследования и фактически не позволяют пользоваться ее описаниями. Не всегда корректны, с позиции сегодняшнего дня, и иллюстрации в ее работе. Поэтому в данном случае мы воздержимся от проведения параллелей с материалами из ее работы [Сенигова 1972].

В северо-восточном Семиречье «водоносные кувшины» отмечаются как самостоятельный вид продукции IX–X вв., но указанная их высота – до 20 см – говорит о явном несовпадении терминов и понятий, стоящих за ними, с принятыми нами. В керамике XI–XIII вв. «водоносные кувшины» также выделяются в отдельную группу. Согласно описанию они имели «широкое низкое горло, плавно переходящее в округлое тулово». Цифровых данных или рисунков не приводится [Байпаков 1968: 76–81; Байпаков 1986: 120–124]. Иными словами, в

северо-восточном Семиречье крупных и средних кувшинов с близким к атрибутируемой группе абрисом не зафиксировано.

В материалах с северных склонов Каратау Е.И. Агеева для X–XII вв. выделяет группу «больших размеров кувшинов» с диаметром широкой части 25–32 см, профиль которых, судя по описанию, сходен с рассматриваемыми кувшинами. Но высота горловин и ручки, приведенных на рис. 61 ее работы, сближают сосуды в большей степени с акбешимским кувшином из раскопок 1953–1954 гг. [Агеева 1962: 198–200].

В Южном Казахстане крупные кувшины с абрисом, близким к нашим, насколько можно судить по публикациям, появляются в X–XI вв. [Акишев и др. 1972: 91] или в IX–X вв. [Байпаков 1986: 104]. В последней из указанных работ приводится высота – до 40 см, что сближает их с рассматриваемой группой с городища Кузнечная крепость, но, в то же время, наличие слива отдаляет эту аналогию.

О крупных кувшинах в мингурюкском комплексе Чача по приведенным данным судить сложно. При описании второго этапа имлакского комплекса (X в.) сообщается, что среди кувшинов «развивается форма ... более крупных размеров – кувшин-куза», у которых исчезают слив и носик. Значит, в предшествующие периоды такая категория изделий не фиксировалась. В каварданском комплексе «керамика представлена теми же типами, что имлакская» [Буряков 1982: 83, 85, 90, 96].

В последние годы появились публикации целых форм крупных кувшинов, к примеру – из Асхикента XI–XII вв. [Анарбаев 1999: 258] и Афрасиаба кон. IX–сер. X вв. [Иневаткина, Соколовская 1998: 123–124]. Примечательно, что более ранние из них, афрасиабские, ближе к акбешимскому кувшину (1953–1954 гг.), в частности, по форме ручек, а более поздние, асхикентские, – рассматриваемым кувшинам с городища Кузнечная Крепость.

Исходя из вышеизложенного о крупных кувшинах, можно заключить, что изделия, аналогичные атрибутируемой группе, бытовали с XI в. Ранее, примерно с кон. VIII–IX вв., крупные кувшины фиксируются как вид, но имеют иные черты – более низкую горловину и ручку, направленную вверх от горла в «горизонтальной» части.

Крупные кувшины использовались, в основном, для переноски воды, поэтому они называются некоторыми исследователями «водоносными». Отсутствие их фиксации в раннесредневековых слоях, во всяком случае, на памятниках Чуйской долины и Семиречья, Южного

Казахстана, Ташкентского оазиса, может быть фактом неполного представления комплекса керамики (археологический акцент в интерпретации), но может быть связано с природными или/и социальными причинами: с большей доступностью воды ввиду большей влажности и, как следствие этого, более высокого уровня грунтовых вод, а значит и меньшей глубиной колодцев, и с полноводностью рек – из них также могла браться вода для пищевых и иных нужд. Иным объяснением может быть численный рост семей, а потому рост единовременного потребления воды. Можно выдвинуть еще ряд гипотез, но все они будут недостаточно аргументированы.

Кувшины крупных и средних размеров с ручкой на тулове и небольшим сливом, расположенным рядом с ним (рис. I. 3), принято считать, со ссылкой на этнографические параллели, приводимые, в частности, Е.М. Пещеревой [Пещерева 1959: 304, рис. I7.14], – маслобойками. Они известны по Пенджикенту VII–VIII вв. [Бентович 1964: 275–276], городищу Большое Кызтепа в Согде (VIII–IX вв.) [Усманова, Кабанов 1975: 108, 111], находке в Душанбе, датированной по сопутствующему комплексу X–XII вв. [Марфиев 1964], серии изделий X–XIII вв. с городища Хон Яйлив [Негматов 1978: 154]. Ю.Ф. Буряков включает маслобойки в перечень изделий каварданского комплекса, но их рисунков или описания он не приводит [Буряков 1982: 96]. Публикуемое в этой статье изделие, насколько нам известно, открывает счет находкам подобных сосудов Семиречья. Подчеркнем, что угол между носиком-сливом и ручкой на нем заметно больший, чем в приведенных примерах, что позволяет предполагать его использование не только в качестве маслобойки, но и в качестве водоносного сосуда.

Закончив обзор аналогий сосудам, представленным в комплексе с городища Кузнечная Крепость, можно датировать комплекс целиком. Напомним наши выводы по отдельным группам изделий: крупные и средние кувшины, аналогичные рассматриваемым, бытовали с XI в.; столовые кувшины с шарообразным туловом – в X–XI вв.; сосуды для питья, типа небольших чашечек – в XI в.; туваки – с начала 2-го тысячелетия; ступкообразные сосуды, по доступным на сегодняшний день материалам, – в VIII–нач. XIII вв.; котлы с соответствующим абрисом стенок – с VI–VIII по XI–нач. XIII вв. Перекре-

щивание этих дат позволяет определить время бытования (и выпадения из употребления) рассмотренного комплекса с городища Кузнечная Крепость в Чуйской долине – XI в.

В заключении хотелось бы сказать о трудностях, сопровождавших работу над этой статьей. Их можно разделить на две группы.

Первая из них связана с относительной неразработанностью терминологии, применяемой как для описания отдельных морфологических частей сосудов (устье, венчик, закраина и т. д.), так и для номенклатуры сосудов в целом, что мы пытались показать при рассмотрении круга аналогий чашечки.

Другая группа сложностей возникала в связи с размытостью критериев, применяемых исследователями для разбивки материала по хронологически обособленным группам и вычленения самих этих групп. О последнем красноречиво свидетельствует сопоставление вариантов периодизации оседло-земледельческой культуры Чуйской долины, Семиречья и сопредельных территорий, предложенных разными исследователями и отображенных в таблице 2. В большинстве рассматривавшихся работ комплекс изделий периода (рамки на который накладываются в соответствии с данными письменных источников) формируется путем объединения доступных фактических данных. А наложение на такие периоды этнических названий добавляет дополнительные ассоциативные сложности. Например, трудно понять связь между кочевниками-карлуками и оседлой культурой Семиречья. Безусловно, это племенное объединение обладало политической властью в регионе, но достаточный ли это повод для наименования этапа развития, лицо материальной культуры которого определяется городской жизнью?

Поэтому представляется необходимым создание собственно археологической периодизации культуры Чуйской долины, основанной на относительной периодизации комплексов, вычленяемых путем корреляции частных, желательных, комплексов, в противовес исторической и историко-археологической периодизациям. Осуществление предложенных мероприятий и сопоставление комплексов разных городищ позволит аргументированно ставить и решать проблему культурного единства долины в средневековье и, возможно, этапов становления оседлой цивилизации здесь.

НЕКОТОРЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОБМЕРОВ СОСУДОВ

Название сосуда	№ рис.	D1 (закрайны)	D2 (горловины)	D3 (тулова)	D4 (дна)	H (общая)	H1 (горловины)	H2 (плечиков)	H3 (тулова)	В стенок	В дна	Примечания
Кувшин (верхняя часть)	I. 1	9	8,8	21*	?	15*	7,5	8	?	0,6-0,8	?	
Кувшин (верхняя часть)	I. 2	10,5	12	26,6*	?	20,6*	10	10,6	?	0,45-0,6	?	
Кувшин	I. 3	11,5	10	30	14,5	50	10	13,8	26,2	0,5/1,2	1,5	
Кувшин	I. 4	10,2	9,2	29,5	18	45	10,5	14,5	20	0,5/1,35	0,8	
Кувшин	I. 5	10	9/10,4	24,5	17	35,2	9,2	9	16-17	0,5-0,6	0,5	
Кувшин (фр. горловины)	I. 6	8	7,5	?	?	3,8*	?	?	?	0,4	?	
Кувшин (фр. горловины)	I. 7	8	7,5	?	?	4,5*	?	?	?	0,45	?	
Кувшин (тулово)	II. 1	?	4,6*	15,5	7,1-7,3	16,5*	?	3,3	6,5	0,5	0,7	Н рис. =11,4 и 12,6
Чашечка	II. 2	8,5	9,2	9,5	5	4,7	1,05	0,65	3	0,38 /0,7	0,5	
Сосуд-мышеловка (?)# (фрагмент)	II. 3	10*	6,9-7,2	10*	?	11	1,7	2	6,3*	0,6-1	0,8	D*верх. части =9,7
Тувак (фрагмент)	II. 4	10*	8,4	10,2	9,2*	15,0*	1,5*	12,5	1	0,8	?	
Ступкообразный сосуд (фр.)	II. 5	?	-	22*	12,3	12*	?	-	?	0,9-1	1,3-1,8	D подд. =13,5 H подд. =2-2,2
Котел (?) (фр. с закр.)	II. 6	21,8	-	36	?	10,5*	9	-	?	0,7	?	Н рек. =28,5
Котел (?) (фр. с закр.)	II. 7	22,5	-	36	?	9,3*	9,3	-	?	0,6	?	Н рек. =28,5
Котел (?) (фр. дна)	II. 8	?	-	25,6*	20	3,5*	?	-	?	0,9	1,1	Н рек. =28,5

Примечания:

D – диаметр

H – высота

В – толщина (стенки, дна)

H_{3 тул.} – высота нижней части сосуда от дна до точки максимального расширения тулова

Цифры после знака “/” – замер в преддонной части

Цифры, со значком “*” – замер по уровню сохранности

Знак “?” в ячейке – невозможность замера из-за фрагментарности

Знак “-” в ячейке – отсутствие данного промера на сосуде

Знак “*” в строке – замеры, кроме H_{общ.}, нижней части сосуда

Регион	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	в в.
Бернштам А.Н., 1950	Чуйская долина														
Кох емяко П.Н., 1959	Чуйская долина														
Располова В.И., 1960	Чуйская долина														
Байпаков К.М., 1986	Юго-западное Семиречье														
Бубнова М.А., 1963	Верховья Таласа, Ак-Тобе														
Сенигова Т.Н., 1972	Тараз														
Агеева Е.А., 1962	Северные склоны Каратау														
Байпаков К.М., 1986	Северо-восточное Семиречье														
Байпаков К.М., 1986	Южный Казахстан														
Буряков Ю.Ф., 1982	Ташкентский оазис / Чац														
Регион	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	в в.

Бернштам А.Н., 1950	торко-согдийский пер.	карлукский пер.	караханид.вр.	монголо-тимур.период
Кох емяко П.Н., 1959	вр.тюркского каг-та	карлукский период	вр.госп.караханидов	
Располова В.И., 1960				
Байпаков К.М., 1986				
Бубнова М.А., 1963	вр.тюрк.каг.	карлукск.пер.	вр.караханид.	
Сенигова Т.Н., 1972	кангуйско-усуньский пер.	торко-	карлукск.пер.	караханид.-кыпчак.
Агеева Е.А., 1962	позднекангуйский период	кенткресский период	карлукский период	вост.-кыпчакский пер.
Байпаков К.М., 1986				
Байпаков К.М., 1986	кок-мард.	куйрук-тобе		
Буряков Ю.Ф., 1982	каунчи 1-3	мингурюк	импак 1-2	кавардан 1-3

Примечание: Хронологические отрезки, выражаемые через понятия "начало века", "середина века", "конец века" и т.п. условно приравнены

Abstract

THE CERAMICS COMPLEX FROM THE ANCIENT SITE KUZNECHNAYA KREPOST', CHUY VALLEY

V.A. Kol'chenko

In the article is described and analyzed a complex of ceramics from the site Kuznechnaya Krepost' in the Chu valley. This complex was found during the excavation of the author in 2000. On the basis of the analogies it can be dated XI century AD.

Литература

- Агеева 1962 – *Агеева Е.И.* Общий обзор находок / Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау / ТИИАЭ АН КазССР, Т. 14. – Алма-Ата, 1962.
- Агеева, Пацевич 1958 – *Агеева Е.Б., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР, Т. V, Археология. – Алма-Ата, 1958.
- Акишев и др. 1972 – *Акишев К.А., Байпаков К.М., Елеулов Л.Б.* Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972.
- Анарбаева 1999 – *Анарбаева А.А.* Изучение одного из ремесленных кварталов средневекового Ахсикента // ИМКУ, Вып. 30. – Самарканд, 1999.
- Ахраров 1966 – *Ахраров И.* Кухонная керамика Ферганы IX – X вв. // ИМКУ, Вып. 7. – Ташкент, 1966.
- Ахраров 1969 – *Ахраров И.* Кухонная керамика Ферганы XI – XII вв. // ИМКУ, Вып. 8. – Ташкент, 1969.
- Байпаков 1968 – *Байпаков К.М.* Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968.
- Байпаков 1972 – *Байпаков К.М.* Керамика средневекового Кулана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972.
- Байпаков 1986 – *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986.
- Байпаков, Горячева 1989 – *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* Основные итоги археолого-топографического изучения Краснореченского городища в 1978-1983 гг. // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Беляева 1984 – *Беляева Т.В.* Некоторые итоги работы Ходженского отряда в 1978 г. // АРТ, Вып. XVIII (1978 год). – Душанбе, 1984.
- Бентович 1964 – *Бентович И.Б.* Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII – VIII) // ТТАЭ, Т. IV. – М.-Л.: Наука, 1964. – (МИА № 124).
- Бернштам 1950 – *Бернштам А.Н.* Опыт классификации археологических находок // Чуйская долина / ТСАЭ, [Т. 2]. – М.-Л., 1950. – (МИА № 14).
- Брусенко 1982 – *Брусенко Л.Г., Галиева З.С.* Материалы раскопок квартала X – начала XI вв. на городище Канка // ИМКУ, Вып. 17, – Ташкент, 1982.
- Бубнова 1963 – *Бубнова М.А.* Средневековое поселение Ак-Тобе 1 у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.
- Буряков 1982 – *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Ташкент, 1982.
- Буряков, Зильпер 1960 – *Буряков Ю.Ф., Зильпер Д.Г.* Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-урюк в Ташкенте // ТТашГУ, Нов. серия, Вып. 172, Археология Средней Азии, V. – Ташкент, 1960.
- Вактурская 1959 – *Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX – XVII вв.) // Керамика Хорезма / ТХАЭЭ, Вып. IV. – М., 1959.
- Винник и др. 1991 – *Винник Д.Ф., Ведутова Л.М., Омаров Н.М.* Отчет о полевых исследованиях на городище Бурана в 1990 году. – Бишкек, 1991. – РФ сектора археологии ИИ НАН КР, Инв. № 820.
- Ерзакович 1968 – *Ерзакович Л.Б.* О поздне-средневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968.
- Иневаткина, Соколовская 1998 – *Иневаткина О.Н., Соколовская Л.Ф.* Археологический материал с объекта Цитадель городища Афрасиаб // ИМКУ, Вып. 29. – Самарканд, 1998.
- Клейн 1998 – *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – Л., 1991.
- Кожемяко 1959 – *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.
- Кожемяко 1967 – *Кожемяко П.Н.* Раскопки жилищ горожан X – XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967.
- Кожемяко 1989 – *Кожемяко П.Н.* Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962-1963 гг. // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Кольченко 2003 – *Кольченко В.А.* К вопросу о «согдийцах» в Чуйской долине // Диалог цивилизаций, Вып. 3. – Бишкек, 2003.
- Крашенинникова 1960 – *Крашенинникова Н.И.* Археологические наблюдения на Чаш-тепе // ТТашГУ, Нов. серия, Вып. 172, Археология Средней Азии, V. – Ташкент, 1960.
- Левина 1971 – *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. / ТХАЭЭ, VII. – М., 1971.
- Лунина 1962 – *Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // ТЮТАЭ, Т. XI. – Ашхабад, 1962.

- Марафиев 1964 – *Марафиев С.* Археологические находки в г. Душанбе // АРТ, Вып. IX (1961 год). – Душанбе, 1964.
- Маршак 1970 – *Маршак Б.И.* Код для описания керамики Пенджикента V – VI вв. // СКМА. – М., 1970.
- Михельс, Сорокин 1950 – *Михельс Г.Л., Сорокин С.С.* Отчет начальников археологических отрядов (I – X) экспедиции по археологическому обследованию подгорной части Чуйской долины // Чуйская долина / ТСАЭ, [Т. 2]. – М.-Л., 1950. – (МИА № 14).
- Негматов 1978 – *Негматов Н.Н.* К проблеме компактных поселений Уструшаны и Ходжентской области в средние века // МКТадж, Вып. 3. – Душанбе, 1978.
- Пещерева 1959 – *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии / ТИЭ, Нов. серия, Т. 42. – М.-Л., 1957.
- Распопова 1960 – *Распопова В.И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // ТКАЭЭ, Т. IV. – М., 1960.
- Распопова, Шишкина 1999 – *Распопова В.И., Шишкина Г.В.* Согд // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – (Археология [СССР]).
- Семенов 2002 – *Семенов Г.Л.* Суяб – Ак-Бешим. – СПб., 2002.
- Сенигова 1972 – *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. – Алма-Ата, 1972.
- Тереножкин 1950 – *Тереножкин А.И.* Согд и Чач // КСИИМК, Вып. XXXIII. – М.-Л., 1950.
- Усманова, Кабанов 1975 – *Усманова З.И., Кабанов С.К.* К стратиграфии верхних (VIII–XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // ИМКУ, Вып. 12. – Ташкент, 1975.

УЧ-ЧАТСКИЙ АРХЕОЛОГО-АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС

М.И. Москалев *

*Местность Уч-Чат / Внутренний Тянь-Шань / Нарынская область / караван-сарай / средневековье
Site Uch-Chat / Internal Tien-Shan / Naryn region / caravanserai / Middle Ages*

По инициативе концерна «Кыргызалтын» и «Кумтор оперейтинг компании» проводилось археологическое изучение района золоторудного комбината Кумтор, который находится во Внутреннем Тянь-Шане, на западном склоне массива Ак-Шийрак.

Впервые этот высокогорный район Кыргызстана был обследован в 1857 г. русским географом П.П. Семеновым-Тянь-Шанским, который со своей экспедицией дошел до истоков рек Нарын и Сары-Джаз. В результате всесторонних исследований он определил особенности геологического строения этого региона нашей республики [Семенов-Тянь-Шанский 1948: 156].

В дореволюционный период эту часть Внутреннего Тянь-Шаня посещают геологи, топографы, военные и т.д. В 1886 г. Императорским Русским географическим обществом была организована экспедиция по изучению Хан-Тенгри. В ее составе находился А.Н. Краснов, который в своем отчете сообщает о выявлении наскальных рисунков в этом районе [Краснов 1887: 472–474]. Больше никаких сведений о древностях в этом регионе в досоветский период мы не имеем.

После Октябрьской революции 1917 г. систематическое и планомерное всестороннее изуче-

ние Внутреннего Тянь-Шаня проводилось сотруниками Среднеазиатского государственного университета, а с 1924 г. большой вклад внесли экспедиции АН СССР. После открытия в 1943 г. Киргизского филиала АН СССР, а затем АН Киргизской ССР в 1954 г. исследования проводились специалистами нашей республики. Впрочем, в сферу научных интересов археологов район золоторудного комбината Кумтор долгое время не попадал.

Только в 1993–1995 гг. в этом районе были проведены первые специализированные археологические разведки Д.Ф. Винником. Этим ученым на левом берегу р. Арабель-Суу был открыт могильник Кашка-Суу и взяты на учет отдельные курганы. В радиусе 1,5 км от высокогорной метеостанции Тянь-Шань было зафиксировано два камня с наскальными рисунками, которые представлены фигурками козлов. В 18 км от рабочего поселка, вниз по течению р. Кумтор, на ее правом берегу, в 100–120 м от старой дороги, в местности Джожурок Д.Ф. Винником была открыта еще одна группа петроглифов, выбитых на огромном камне длиной 15 м и высотой 4,2 м. На нем насчитываются десятки изображений козлов, оленей, собак, сцен охоты, всадников и т.д. Особый интерес вызывают два рисунка китообразных существ. Не исключена возможность того, что в древности это было своеобраз-

* Москалев Михаил Иванович – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, Бишкек

ное святилище, которое служило местом для молитв и религиозных обрядов. Эти изображения, датирующиеся VII в. до н.э. – XII в.н.э., представляют большую ценность для археологов, историков и искусствоведов. К сожалению, результаты исследований Д.Ф. Винника опубликованы не были и вышеприведенные данные излагаются по его устным сообщениям.

В 1997 г. в район Кумтора была направлена археологическая экспедиция исторического факультета Кыргызского государственного национального университета [Москалев 1998: 106]. Особое внимание она уделила проведению археологических разведок и раскопок могильников, которые дали интересный материал для воссоздания истории культуры населения этого высокогорного района нашей республики. В местности Чат на правом берегу р. Сары-Чат была зафиксирована пещера Сасык-Үнкүр, которая требует дальнейшего изучения на предмет выявления здесь следов стоянок эпохи камня. В целом в районе Кумтора археологами экспедиции были открыты памятники позднего палеолита 40–10 тысячелетнего возраста, найдены мезолитические орудия труда 10–7-го тыс. до н.э., выявлены и частично вскрыты курганы ранних кочевников VII в. до н.э. – V в.н.э. и тюркского времени – VI–X вв. К исследованным памятникам средневекового периода, обнаруженным здесь экспедицией, относятся ритуальные оградки, каменные изваяния, ранние мусульманские погребения, караван-сарай и поселение X–XII вв.

Наибольшее количество разновременных типов памятников археологии было выявлено в местности Уч-Чат. Эта местность представляет собой долину правого берега р. Май-Тор; начинается с выхода этой реки из тесного каньона ущелья и тянется на юг до впадения ее в р. Арабель-Суу. Площадь этой местности примерно 4–5 кв. км. Она обладает особым микроклиматом – в течение трех полевых сезонов мы наблюдали, что дождь и снег обходят ее стороной.

По полученным археологическим данным можно с большой уверенностью говорить о том, что эта местность была освоена человеком, по крайней мере, в 10–7-м тыс. до н.э. Руководителем археологической экспедиции К.Ш. Табалдиевым в 1998 г. у слияния рек Май-Тор и Арабель-Суу обнаружены мезолитические орудия. В одном из ущелий, которое находится в 800–900 м от выхода реки Май-Тор, он нашел несколько орудий этого времени, представленных микролитами, отщепами и нуклеусами, служившими для изготовления составных орудий труда. В 1999 г. в этой же местности он открыл мезолитическую стоянку. А в первый год работы (1997 г.) К.Ш. Табалдиевым и студентами исторического факультета КГНУ были обнаружены мезолитические скребки, нуклеусы и отщепы при

раскопках могильника Кашка-Суу, находящегося в 5–7 км к востоку от местности Уч-Чат. Эти находки говорят о том, что данный район Внутреннего Тянь-Шаня в 10–7-м тыс. до н.э. привлекал древних охотников. Не исключена возможность того, что люди освоили эту местность в еще более отдаленное время. Аргументом к такому утверждению является то, что в 3–4 км от местности Уч-Чат, в междуречье рр. Кум-Тор и Арабель-Суу, археологической экспедицией были найдены орудия труда, относящиеся к верхнему палеолиту. Достаточно большая концентрация местонахождений эпохи камня на этой высокогорной территории интересна еще и тем, что древние охотники могли находиться здесь только с июня по сентябрь, т.к. в районе Кум-Тора климат резко континентальный – летом температура превышает +30 °С, а зимой достигает -40 °С и более. Иногда и летом выпадает снег.

Приятной неожиданностью для исследователей было открытие в местности Уч-Чат караван-сарая. Он расположен на правом берегу реки Май-Тор при выходе ее в долину, в 20–30 м от ее береговой линии. Предварительное описание и фотографирование этого памятника было выполнено в 1997 г. Тогда же было выполнено два разведочных шурфа с целью определения мощности культурного слоя и получения датирующего материала, снят план, собрана коллекция артефактов. Это позволило датировать памятник X–XII вв.

В 1998–1999 гг. археологи КГНУ проводили раскопки памятника. У юго-восточного угла был заложен раскоп, который дал материал для некоторой характеристики объекта. Было зачищено более половины восточной и южной стен и выявлена их толщина: южной – 170 см, восточной – 165 см. Также было выявлено, что к западной стене с внешней стороны была сделана глинобитная пристройка.

Стены караван-сарая были построены из камней размером 65 x 40 x 25, 50 x 30 x 18, 55 x 45 x 40, 25 x 18 x 12 см, которые брали с реки или приносили с гор. Наружные грани стен выложены крупными камнями, а внутреннее пространство закладывалось мелкими камнями и речной галькой. Камни стен с наружной стороны были подтесаны инструментами. На отдельных камнях прослеживаются их следы. Связывающим материалом служила глина; толщина швов – 2–4 см.

Исходя из анализа микрофотографии и полученных раскопками данных можно считать, что караван-сарай имеет форму квадрата с длинной стороной 27 м. Ориентирован стенами по сторонам света. С внешних сторон северной и западной стен прослеживается ров шириной 5–6,5 м, служивший, вероятно, для отвода талых вод со склонов гор.

В центре этой постройки находился квадратный дворик с длиной сторон около 11 м. Он служил местом отдыха, приема пищи и молитв.

Въезд в караван-сарай находился в восточной стене. Его ширина составляет 2–2,2 м. Предвратных конструкций не выявлено.

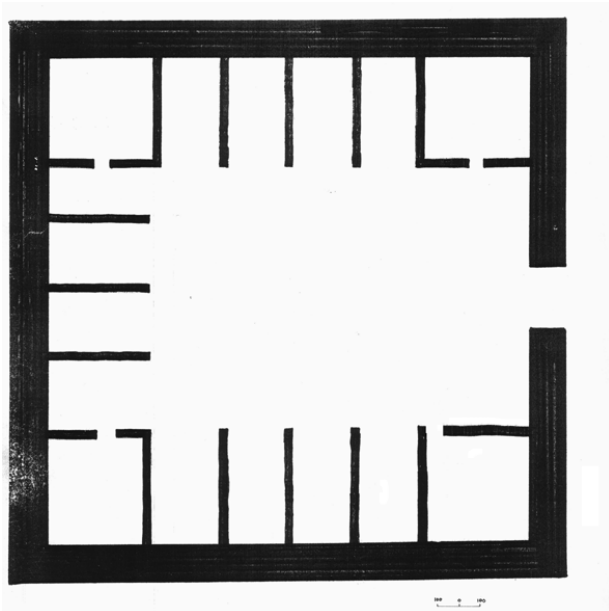

Рис. 1. Реконструкция плана караван-сарая в местности Уч-Чат

В юго-восточном углу сооружения было зачищено помещение 1 площадью более 20 кв.м. Оно было заполнено обломками жженого кирпича, камнями, землей и золой. В северо-западном углу находился проход шириной в 1 м, который вел в помещение 2. Здесь же, в 30 см от пола, зафиксирован очаг прямоугольной формы размером 48 x 60 см. Он сложен из плоских овальных галек размером 10 x 12 x 6 см, 10 x 12 x 16 см, 8 x 6 x 5 см. Мощный завал из обломков целых обожженных кирпичей, камней, костей домашних животных и золы зафиксирован в юго-восточном углу. Кладка западной стены этого помещения – комбинированная: основание – из камней, верхняя часть – из жженого кирпича. Она сохранилась на 180 см в длину и выложена в два ряда из жженого кирпича размером 24 x 12 x 4 см, 24,5 x 12 x 4,5 см, 24 x 24 x 4,5 см, 25 x 16 x 6,5 см. В этом помещении были найдены фрагменты котлов и кухонной посуды.

Помещение 2 находилось севернее помещения 1. Второй проход из него выводил во входной коридор караван-сарая.

Вдоль южной стены караван-сарая было выявлено еще два смежных прямоугольных помещения (пом. 3 и 4), открывавшихся во двор. Они разделены между собой каменной стеной толщиной 70 см, сохранившейся на высоту до 60 см. Стены сложены из обработанных камней сред-

них размеров. Помещения расчищены не до конца – лишь по верхнему уровню.

С внешней стороны зачищенных стен караван-сарая зафиксированы временные постройки или убежища площадью 12 кв.м и более. Судя по выявленным остаткам, они имели овальную форму и были сложены из камней размером 42 x 34 x 15 см, 45 x 22 x 17 см, 27 x 16 x 15 см. Стены толщиной от 30 до 47 см сохранились на высоту до 40 см. Иногда в кладке каменных стен этих построек встречаются жженые кирпичи. Здесь же находился огромный зольник мощностью от 16 до 40 см. Основным видом топлива, судя по составу, был кизяк. Надо полагать, что местность Уч-Чат после прекращения функционирования караван-сарая по-прежнему привлекала купцов, путешественников и чабанов своим благоприятным климатом, обилием кормов для вьючных животных и чистой водой. При сооружении своих временных пристанищ и очагов они использовали строительный материал из заброшенного караван-сарая, разбирая стены [Москалев 1998: 106].

В ходе раскопок караван-сарая были найдены изделия из керамики, стекла, железа, камня, косточки растений, а также монеты караханидского облика. Здесь же, в переотложенном состоянии были найдены артефакты, относящиеся к эпохе камня.

Основную массу находок составляют фрагменты кухонной и бытовой посуды: котлов для приготовления пищи, кувшинов, чаш, мисок. Отдельные из них были изготовлены способом ручной лепки, а основная масса сделана на гончарном круге. Из раскопа получены венчики, ручки, сливы, боковинки. На некоторых из них встречается геометрический орнамент в виде прямых или зигзагообразных линий.

Интерес представляют два глазурованных светильника-чирага и их фрагменты. Один миниатюрный, украшенный разбросанными по белому фону коричневыми точками диаметром 3–4 мм. От него сохранился резервуар, носик и ручка. Второй – монохромный, светло-коричневый. Он дошел в хорошем состоянии, лишь с утраченной ручкой.

Археологами найдены железные звено от цепи, пластины и бесформенные куски металлических изделий. Одна из пластин, размером 5,5 x 3 см, предназначалась, по-видимому, для пластинчатого или чешуйчатого панциря. На ней имеются три отверстия диаметром 3 мм, которые служили для крепления. Другие пластины, размерами 5 x 3,3 см и 5 x 2,8 см, могли быть заготовками для этого защитного вооружения. Возле южной стены найдены фрагменты наконечников стрел монголо-тимуридского времени [Табалдиев, Солтобаев 1995: 124].

Изделия из железа также представлены гвоздями кузнечной работы. Длинной они до 4 см и имеют овальную шляпку диаметром от 2,5 до 3,5 см. Подобные гвозди были широко распространены на территории средневековой Центральной Азии. На караван-сараях Май-Тор они были обнаружены с внешней стороны юго-восточного угла, а отдельные из них найдены в швах стен.

Стекло малочисленно. Оно представлено кусочками чашечки. От нее сохранились 3 ручки петлеобразной формы. Стекло светло-голубого цвета, толщиной до 1 мм. В нем имеются пузырьки воздуха. Аналогичные изделия широко известны по всей Средней Азии и характерны для рубежа 1–2-го тыс. н.э. [Абдразакова, Безбородов 1966: 95].

О том, что купцы торговали украшениями, говорит находка бусинки конической формы. Она изготовлена, по определению геолога П. Литвинова, из черного янтаря, месторождение которого находится на территории Армении.

В раскопе у южной стены обнаружены косточки персика, урюка, сливы и семечки арбуза.

Особый интерес для датировки представляют две монеты караханидского облика. На них читаются легенды, перевод которых позволит определить дату их чеканки, монетный двор и имя правителя, при котором они ходили. На фрагменте третьей монеты прослеживаются отдельные буквы арабского алфавита, а четвертая монета по своей сохранности и вовсе не читабельна.

Архитектура, изделия из керамики, стекла и железа, монеты позволяют говорить о том, что караван-сарай на р. Май-Тор интенсивно функционировал в X–XII вв. [Москалев 1999: 142].

В ходе раскопок караван-сарая в переотложенном состоянии были обнаружены микролиты, отщепы, нуклеусы, датированные по аналогиям эпохой мезолита. Они дают основание говорить о том, что на месте этой постройки могла находиться стоянка бродячих охотников 10–7-го тыс. до н.э.

В 15–18 м к северо-востоку от майторского караван-сарая по рельефу местности можно было предполагать наличие еще одной постройки квадратной формы, разделенной на ряд помещений. Ее общая площадь – около 100 кв.м. В результате предварительных раскопок на небольшой площади была выявлена каменная стена и найдены жженный кирпич, фрагменты средневековой керамики, зольники, кости диких и домашних животных. Обнаруженная стена толщиной 120 см сохранилась на высоту до 40 см. Можно предполагать, что эта постройка составляла единый комплекс с караван-сараями и в ней проживали наиболее уважаемые гости.

В 150–200 м к юго-западу от караван-сарая был зарегистрирован торткуль – квадрат оплывших завалованных стен длиной по 30 м. Стены сохранились на высоту 60–80 см. По основанию их оплыв составляет 9–10 м. Они возведены из битой глины. Следы башен отсутствуют. С внешней стороны западной стены проходит ров, в современном состоянии шириной 5 м и глубиной 70 см. Оплыв вдоль внутренней стороны восточной стены составляет 19 м. Не исключена возможность, что под ним находились постройки жилого и хозяйственного назначения. По археологическому материалу, полученному из шурфов, это поселение можно датировать X–XII вв.

В местности Уч-Чат в 500–800 м от караван-сарая, при впадении реки Май-Тор в Арабель-Суу было выявлено два могильника. Они находятся на вершине двух естественных холмов, высота которых составляет 30–40 м.

Могильник Уч-Чат насчитывает десять каменно-земляных курганов диаметром от 2,8 до 5 м и высотой от 15 до 17 см. В нем выделяется курган, высота которого – 53 см. Вокруг его подошвы зафиксировано пять округлых каменных выкладок диаметром 85, 110, 130, 104, 160 см. В этом могильнике было вскрыто два кургана.

Курган № 4. После снятия дернового слоя была выявлена овальная выкладка, ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Ее длина 170 см. После разборки под ней оказался скелет, лежавший головой на северо-запад. Погребенный был уложен на спине; кисть правой руки покоилась на животе, а кисть левой – на тазовых костях. Длина скелета – 163 см. Погребение принадлежало женщине с резко выраженными монголоидными чертами. При зачистке погребения справа от головы была найдена деревянная палочка. В могильной яме также были найдены кусочки кожи, которая могла являться частью одежды или подстилки погребенной.

Курган № 5. После снятия дернового слоя были найдены альчик и нижняя челюсть барана. В ходе дальнейших раскопок каких-либо конструкций и артефактов обнаружено не было. По всей видимости под курганной насыпью оказался кенотаф.

Могильник Уч-Чат 1 находится в 150–200 м к югу от описанного выше могильника. В нем насчитывается четыре каменно-земляных кургана диаметром до 3,5 м, вытянутых в цепочку по линии юго-восток – северо-запад. В могильнике был раскопан один курган диаметром 3,5 м и высотой 30 см. По его основанию проходила кольцевая выкладка из камней размером 45 x 24 x 20 см, 31 x 14 x 11 см, 36 x 18 x 13 см. При зачистке верхнего слоя севернее центра кургана была зафиксирована выкладка из восьми камней. При дальнейших раскопках кургана ни-

каких следов погребения или культовых действий зафиксировано не было. Этот курган, по всей видимости, также оказался кенатафом.

Оба могильника относятся к X–XII вв. Не исключена возможность, что в них были похоронены купцы, путешественники и дипломаты, которые, двигаясь по Великому Шелковому пути, останавливались в майторском караван-сараяе, где их застигала смерть; вскрытые кенотафы могли принадлежать тем, чьи тела были увезены на родину.

Майторский караван-сарай, каменную постройку, поселение (торткуль) и могильники можно назвать Уч-Чатским археолого-архитектурным комплексом. Его ценность состоит в том, что на небольшой площади сконцентрированы

различные типы памятников археологии. Они дают возможность говорить о том, что, находясь на одной из трасс Великого Шелкового пути, этот археолого-архитектурный комплекс играл свою определенную роль в культурных и торговых связях образований на территории современного Кыргызстана с Восточным Туркестаном, Китаем, странами Ближнего Востока и Европы. Его наивысший расцвет приходится на X–XII вв., время правления династии Караханидов, которая способствовала развитию культуры, градостроительства и торговли. Дальнейшее изучение Уч-Чатского археолого-архитектурного комплекса позволит более полно воссоздать средневековую историю этого высокогорного района Кыргызстана.

Abstract

THE UCH-CHAT ARCHAEOLOGICAL-ARCHITECTURAL COMPLEX

M.I. Moskalev

The brief characteristic of objects of archeology found in 1997-2000 in the site Uch-Chat is resulted in article. This area is located on the western inclination of ridge Ak-Shiyrak, Internal Tien-Shan. Here artifacts Mesolithic epoch, tombs of early nomads and the Middle Ages, a caravanserai and other stationary constructions X-XII of centuries are found.

Литература

- Абдразакова, Безбородов 1966 – *Абдразакова А.А., Безбородов М.М.* Средневековое стекло Средней Азии. – Ташкент, 1966.
- Краснов 1887 – *Краснов А.Н.* Очерк быта Семиреченских киргиз // ИРГО, Т. 23. – СПб., 1887.
- Москалев 1998 – *Москалев М.И.* Археологические исследования в районе Кумтора // Вестник КГНУ, 1997 г., Вып. 3, обществ. науки, Ч. 2. – Бишкек, 1998.
- Москалев 1999 – *Москалев М.И.* Караван-сарай Иссык-Кульской области на Великом шелковом пути // Вестник КГНУ, Вып. 3, обществ. науки, Ч. 2. – Бишкек, 1999.
- Семенов-Тянь-Шаньский 1948 – *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань 1856–1857 гг. – М., 1948.
- Табалдиев, Солтобаев 1995 – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.* Предметы вооружения из погребения Центрального Тянь-Шаня // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.

КРЕСТЫ И ИХ ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОГО СЕМИРЕЧЬЯ

Ф.Г. Ротт *

Семиречье / христианские кресты и их фрагменты / средневековье
Semirech'e region / Christian crosses and their fragments / middle ages

В данной работе публикуется группа металлических крестов и их фрагментов, обнаруженных на территории городищ юго-восточного Семиречья (Чуйская долина) в период с

кон. 1990-х– нач. 2000 гг. Все предметы имеют случайное происхождение; для части из них известно точное место обнаружения: городище Красная Речка (рис. I. 1,3,8,15; II. 10), городище Ак-Бешим (рис. II. 4,7), городище Бурана (рис. II. 1), городище Кара-Джигач (рис. I. 2). В настоящее время предметы хранятся в коллекциях

* *Филипп Георгиевич Ротт* –
Германия, г. Берлин, philipp.rott@mail.ru

бишкекских антикваров и нумизматов А.М. Камышева (рис. I. 1–3,7,8,10,12,14–16; II.1.4.5.7.10)¹ и В.Г. Кошевара (рис. I. 5,6,13; II. 2,3,6,8). Один фрагмент креста, переданный автору археологом Л.М. Ведутовой, происходит, по ее сообщению, из Чуйской долины (рис. I. 11).

Кроме того, в работе приводятся описания ранее опубликованных и ставших доступными мне предметов, происходящих из Чуйской долины (рис. I. 4; II. 9) и с городища Красная Речка² (рис. I. 9,17). Последние хранятся в археологическом музее Института истории НАН КР.

В описании приводятся сохранившиеся размеры предмета; используются следующие определения, номенализирующие отдельные элементы креста: вертикальная и горизонтальная часть, центральная часть, верхний, нижний, боковой конец, раструб, ушко, перл. Определение верхнего и нижнего, лицевой и оборотной сторон, а также функционального назначения предметов в ряде случаев условно.

Описание крестов:

Рис. I. 1. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 4,4 см, горизонтальной – 5,7 см. Назначение достоверно определено быть не может. Деформирован, нижний конец утрачен. Концы оформлены в виде двух сросшихся внутренними поверхностями трехчастных полупальметт, образующих раструб фигурно-скобчатой формы. Правый и левый концы в целом аналогичны нижнему, но меньше по размеру. Внешние лепестки полупальметт имитируют перлы. В отверстиях между стволами полупальметт сохранились литники. Нижние части раструбов правого и левого концов имеют сломы. Центральная часть оформлена в виде выделяющейся окружности. Обратная сторона гладкая, со следами зеркального отображения некоторых элементов поверхности лицевой.

Рис. I. 2. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 3,5 см, горизонтальной – 3,3 см. Подвесной. В центральной части креста – выпуклина. В верхней части верхнего конца имеется отлитое вместе с крестом ушко, отверстие которого параллельно плоскости предмета. Обратная сторона гладкая, с углублением в центральной части

Рис. I. 3. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 4,2 см, горизонтальной – 2,2 см. Подвесной. Левый конец утрачен. По поверхности концов – слегка выпуклый бортик, описывающий форму конца. Концы декорированы перлами (по два). В центральной части – выпуклина. Верхний конец оканчивается отлитым вместе с крестом ушком, диаметр отверстия которого 0,3 см. Отверстие находится в плоскости, перпендикулярной плоскости предмета.

Оборотная сторона гладкая, с углублениями в центральной части, центральных частях концов и перлов.

Рис. I. 4. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 3,1 см, горизонтальной – 2,5 см. Предмет представляет собой медальон, основу которого составляет крест. Нижняя часть утрачена. Концы креста украшены перлами (по два). В центральной части креста имеется выпуклина. В верхней части медальона – ушко, отверстие которого находится в плоскости, параллельной плоскости предмета. Обратная сторона гладкая.

Случайная находка. Чуйская долина [Горячева, Перегудова 1994: рис. 23. 24], см. также прим. 2.

Рис. I. 5. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 2,8 см, горизонтальной – 2,8 см. Подвесной. Центральные части концов оформлены выпуклыми треугольниками, обращенными вершинами к центру. В центральной части – выпуклина. Раструбы украшены перлами (по два). В верхней части верхнего конца имеется отлитое вместе с крестом ушко, отверстие которого находится в плоскости, параллельной плоскости предмета. По граням креста имеются литники. Обратная сторона гладкая.

Рис. I. 6. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 2,9 см, горизонтальной – 2,6 см. По форме аналогичен вышеописанному кресту. Данный крест иного назначения – на оборотной стороне, в месте центральных частей концов – гвоздевидные, отлитые вместе с крестом шпеньки, два из которых утрачено (один частично). Их длина – до 1,2 см.

Рис. I. 7. Белый металл (серебро?). Литой. Фрагмент конца креста, размерами 1,5 x 1,8 см. На поверхности небольшое углубление. Обратная сторона аналогична.

Рис. I. 8. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 2,5 см, горизонтальной – 1,8 см. Подвесной. По поверхности концов – выпуклый бортик, описывающий форму конца. Центральная часть креста оформлена в виде окружности, соединенной с линиями бортиков. Раструбы правого, левого и нижнего концов вогнуты. В верхней части верхнего конца имеются следы ушка, которое не вышло при отливке. Предмет отлит в двустороннюю форму; на стыках по граням имеются необработанные литники. Таким образом, в данном случае речь идет о бракованном экземпляре. Обратная сторона гладкая со следами зеркального отображения некоторых элементов поверхности лицевой.

Рис. I. 9. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 3,8 см, горизонтальной – 3,2 см. Подвесной. В верхней части верхнего конца имеется ушко, отверстие которого параллельно

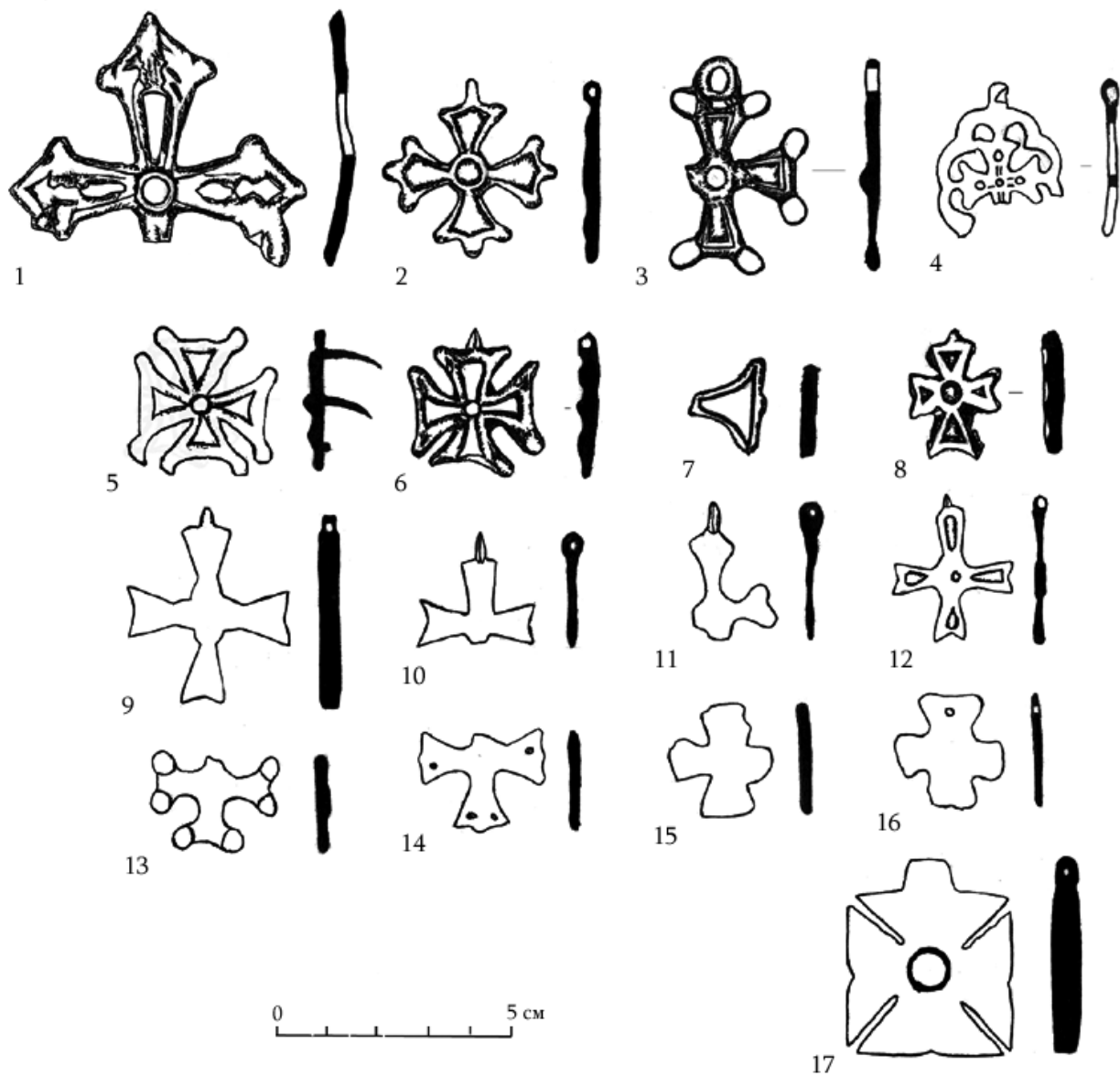

Рис. 1. Христианские кресты. Юго-восточное Семиречье.
Городище Красная речка (1, 3, 8, 15);
1-6, 8-16 – бронза, 7 – серебро (?), 17 – нефрит

плоскости креста. Раструбы всех концов, за исключением верхнего, вогнуты. Обратная сторона аналогична.

Случайная находка. Городище Красная Речка [Горячева 1988: 66, рис. 20. 1; Байпаков, Горячева 1999: 348, табл. 104 и др.].

Рис. I. 10. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 2,2 см, горизонтальной – 2,1 см. Подвесной. Нижний конец утрачен. Боковые концы имеют вогнутые раструбы. В верхней части верхнего конца имеется припаянное ушко, отверстие которого находится в плоскости, параллельной плоскости креста. Обратная сторона аналогична.

Рис. I. 11. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 2,8 см, горизонтальной – 1,6 см. Подвесной. Один из боковых и нижний концы утрачены. Сохранившийся боковой конец оформ-

лен в виде «рыбьего хвоста». В верхней части верхнего конца имеется ушко, отверстие которого параллельно плоскости предмета. Обратная сторона аналогична.

Рис. I. 12. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 2,9 см, горизонтальной – 2,4 см. Подвесной. В центральных частях концов – небольшие технологические углубления. В верхней части верхнего конца имеется ушко, отверстие которого находится в плоскости, параллельной плоскости креста. Обратная сторона аналогична.

Рис. I. 13. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 1,9 см, горизонтальной – 2,5 см. Верхний конец утрачен, вследствие чего назначение достоверно определено быть не может, вероятно, подвесной. Раструбы украшены перлами (по два). Обратная сторона аналогична.

Рис. I. 14. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 1,9 см, горизонтальной – 2,4 см. Назначение достоверно определено быть не может, вероятно, подвесной. Верхний конец утрачен. Раструбы концов трехчастны, несколько утолщены. На поверхностях концов и в центральной части имеются углубления. Обратная сторона аналогична.

Рис. I. 15. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 2,2 см, горизонтальной – 2 см. Подвесной. Асимметричен: один из боковых концов, часть которого утрачена, несколько смещен книзу. Верхний и нижний концы крупнее боковых. В верхней части верхнего конца имеются следы утраченного ушка. Обратная сторона аналогична.

Рис. I. 16. Бронза. Литой. Длина вертикальной части – 2,2 см, горизонтальной – 2,1 см. Подвесной. Часть боковых и часть нижнего концов утрачена. Асимметричен: один из боковых концов несколько смещен книзу. В верхней части верхнего конца находится отверстие, плоскость которого перпендикулярна плоскости креста. Обратная сторона аналогична.

Рис. I. 17. Нефрит. Размер вертикальной части – 3,8 см, горизонтальной – 3,3 см, толщина – 0,6 см. Подвесной. Центральная часть оформлена врезанной окружностью. Концы выполнены пропилами по диагоналям. На гранях пропилов имеются отверстия – следы сверла (по четыре). Сверление, по-видимому, было выполнено первоначально для облегчения процесса пропиливания. В верхней части верхнего конца имеется ушко, отверстие которого находится в плоскости, параллельной плоскости креста. Обратная сторона – гладкая.

Случайная находка. Городище Красная Речка, шахристан I [Памятники... 1983: 67–68, ил. 261а; Байпаков 1998: 31 и др.]; см. также прим. 2.

Рис. II. 1. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 2,7 см, горизонтальной – 1,85 см. Подвесной. Композиционную основу составляет «перевернутый» крест с расширяющимися раструбами, на конце которых в свою очередь (за исключением верхнего) имеются шаровидные фигуры с углублением в центре. Основой верхнего конца является шаровидная фигура, ограниченная с обеих сторон двумя другими фигурами уплощенных очертаний. В верхней части верхнего конца имеется сквозное отверстие, плоскость которого параллельна плоскости предмета. Случайная находка (?). Чуйская долина [Горячева, Перегудова, 1994: рис. 23, 16]; см. также прим. 2.

Рис. II. 2. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 3 см, горизонтальной – 2,2 см. Подвесной. Концы сложнопрофилированы. В верхней части верхнего конца имеется ушко,

отверстие которого находится в плоскости, перпендикулярной плоскости предмета. Однако отверстие ушка залито. Крест отлит в двустороннюю форму; на стыках имеются литники. Обратная сторона аналогична.

Рис. II. 3. Белый мягкий металл (свинец ?). Литой. Размер вертикальной части – 2,6 см, горизонтальной – 1,7 см. Подвесной. Асимметричен: правый конец несколько смещен книзу. В верхней части верхнего конца имеется обломок ушка, отверстие которого перпендикулярно плоскости креста. Обратная сторона в целом гладкая, имеется углубление в центре.

Рис. II. 4. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 3,6 см, горизонтальной – 2,7 см. Подвесной. Концы сложнопрофилированы, представляют собой примыкающие друг к другу шаровидные фигуры (по три), центральная из которых крупнее боковых. В верхней части верхнего конца имеется обломок ушка, отверстие которого параллельно плоскости предмета. В центральной части имеется углубление. Обратная сторона аналогична, за исключением центральной части, в которой она – гладкая.

Рис. II. 5. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 1,8 см, горизонтальной – 2,3 см. Верхний конец утрачен, вследствие чего назначение достоверно определено быть не может, вероятно подвесной. Концы сложнопрофилированы, представляют собой обращенные друг к другу (и вершинами к центру) фигуры конусовидной формы. Центральная часть представляет собой прямоугольную площадку, на которой помещено изображение врезанного креста «андреевского» типа. Обратная сторона в целом аналогична.

Рис. II. 6. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 4,2 см, горизонтальной – 4,4 см. Часть одного из концов (верхний ?) утрачена, в результате чего назначение достоверно определено быть не может, вероятно, подвесной. Боковые концы завершаются конусовидными фигурами, вершины которых обращены к центру и перехвачены валиком. Нижний конец имеет дополнительное завершение в виде конусовидной фигуры меньшего размера, также обращенной вершиной к центру. У верхнего конца сохранился только валик. Обратная сторона аналогична.

Рис. II. 7. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 4,9 см, горизонтальной – 2,1 см. Подвесной. Один из боковых концов утрачен. Основу концов составляет уплощенная шаровидная фигура, ограниченная снаружи аналогичной фигурой меньшего размера (за исключением верхнего конца). В центральной части находится прямоугольная площадка с круглым углублением в центре. В верхней части верх-

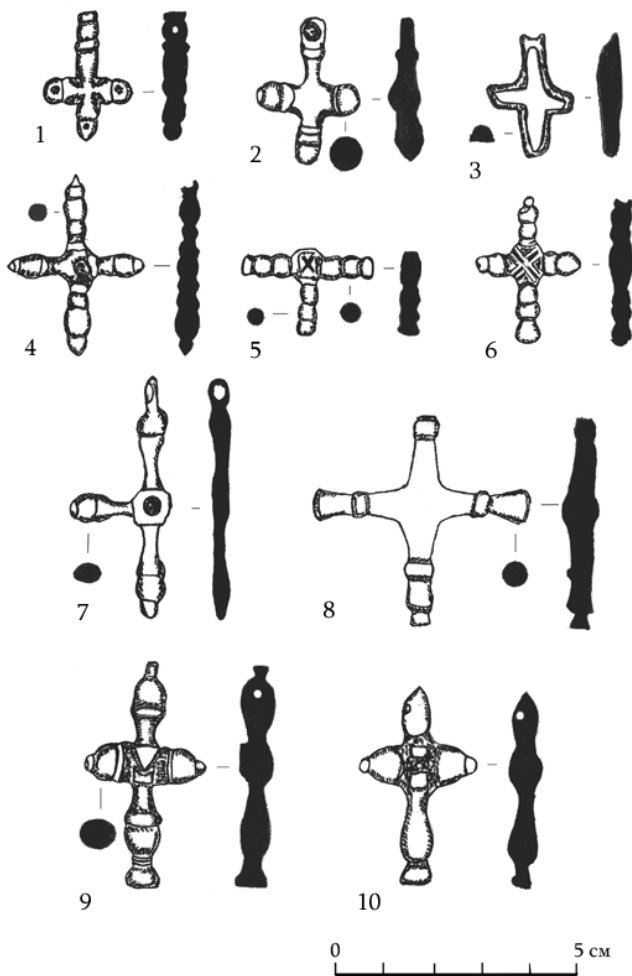

Рис. II. Христианские кресты. Юго-восточное Семиречье. Городища Кара-Джигач (2), Красная Речка (3), Ак-Бешиш (4, 7); 1-2, 4-10 – бронза, 3 – свинец (?)

него конца находится ушко, отверстие которого параллельно плоскости предмета. Обратная сторона аналогична.

Рис. II. 8. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 3,1 см, горизонтальной – 2,2 см. Подвесной. Концы сложнопрофилированы и представляют собой примыкающие друг к другу шаровидные фигуры (по две, нижний конец – три). В центральной части врезан крест «андреевского» типа. В верхней части верхнего конца имеется обломок ушка, отверстие которого находится в плоскости, параллельной плоскости предмета. Обратная сторона аналогична.

Рис. II. 9. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 4,1 см, горизонтальной – 2,5 см. Подвесной. Концы креста сложнопрофилированы. Основу каждого конца составляет шаровидная фигура, ограниченная с внутренней стороны валиком, а с внешней – бусинами (боковые концы) и грибовидным выступом (верхний конец); нижний конец «завершается» ножкой. В центральной части имеется выступающий треугольник, обращенный вершиной вниз.

В верхней части верхнего конца находится сквозное отверстие, плоскость которого параллельна плоскости предмета. Обратная сторона в целом аналогична, отличается лишь наличием в центре двух равнобедренных треугольников чуть меньшего размера, чем на лицевой стороне, расположенных вертикально и обращенных вершинами друг к другу.

Рис. II. 10. Бронза. Литой. Размер вертикальной части – 4 см, горизонтальной – 2,4 см. Подвесной. Концы сложнопрофилированы. В целом аналогичен вышеописанному, однако отличается отсутствием ярковыраженных валиков и грибовидного выступа, а также оформлением центральной части, которая четко не выделена. Крест отлит в двустороннюю форму; на стыках имеются литники. В верхней части верхнего конца находится сквозное отверстие, плоскость которого параллельна плоскости предмета. Обратная сторона в целом аналогична.

Прежде всего, хотелось бы отметить некоторые важные наблюдения. Определенно выделяется группа предметов локального изготовления, что проявляется в наличии необработанных литников (рис. I. 1,6,8, II. 2,10); имеются бракованные изделия, например крест, ушко которого не пролито (рис. I. 8) или залито (рис. II. 2).

Что касается датировки отдельных предметов, то, прежде всего учитывая их случайное происхождение, она едва ли возможна. Городища, с которых они происходят, многослойны и датируются в широких хронологических пределах. Отдельные экземпляры могут быть датированы на основании прямых аналогий, однако и это не должно переоцениваться.

Публикуемые кресты и их фрагменты представлены широким разнообразием форм. Однако я предпочитаю воздержаться от создания типологии (форм) крестов, например, как это было сделано Г.А. Терновой в вышеупомянутой работе³, учитывая, прежде всего, все еще ограниченное количество и качество фактического материала и отсутствие острой необходимости в этом. Мне хотелось бы рассмотреть лишь отдельные формы, представленные в публикуемом материале, причем в отрыве от функционального назначения того или иного предмета, что в данном контексте не является принципиальным.

Форма креста с удлиненной вертикальной частью, расширяющиеся концы которого декорированы двумя перлами (рис. I. 13). Крест такой формы появляется в византийской (сиро-палестинской) традиции, по-видимому, уже в V в. [Byzanz 2001: 147–150, 1.50] и получает широкое распространение на востоке христи-

анского мира; широко представлен в грузинской и армянской христианской традициях, а также в хазарской. Из ранних аналогий можно указать на так называемые «руки, держащие кресты», значительная часть из которых происходит из Сирии и предположительно датируется VI–VII вв. [Ross 1964: 101–103] (здесь же «вотивная рука с глобусом и крестом», предположительно происходящая из Малой Азии и датируемая VI–VII вв. [Byzanz 2001: 156–158, fig. 1. 55]), вотивный крест с греческой надписью, кон. VI–нач. VII вв. из Мадабы [Der Königs Weg 1987: 332, 328], сирийское блюдо-дискос с изображением ангелов по сторонам креста, предположительно датируемое VI в. [Христиане ... 1998: 190, 257] и др. Из более восточных аналогий можно назвать форму для отливки, вероятно, нательных крестов с городища Экр-кала, происходящую из слоя VII в. (?) [Никитин 2001: 39], предположительно процессионный крест с согдийской надписью с городища Ак-Бешим [Klein, Reck 2004: 147–156], нательный крест из погребения VII–VIII вв. (?) в некрополе городища Красная речка [История ... 1984: 373, цв. вкл. с. 320–321] и др.

Можно констатировать, что крест именно такой формы получает широкое распространение в несторианской традиции и становится в ней излюбленным, на что уже неоднократно обращалось внимание [Klein, Reck 2004: 153–154]. Это ярко демонстрируют достоверно несторианские памятники, например, стела из Сиань-Фу, Григорьевское блюдо и др. Однако, эта форма креста сосуществовала у несториан со многими другими, что также ярко демонстрируют, например, изображения крестов на семиреченских надмогильных камнях [Слущкий 1889: табл. III–V], большинство из которых традиционно признается несторианскими. Таким образом, данная форма креста не должна являться конфессиональным индикатором, как ошибочно полагают некоторые исследователи⁴. Украшение концов креста перлами (и драгоценными камнями) при этом связывается с особым восприятием креста в несторианской традиции, где крест почитался символом победы (триумфа) Христа над смертью, преодоления смерти [Hage 1970: 56].

Форма равностороннего креста, расширяющиеся концы которого, украшены двумя (или тремя?) перлами (рис. I. 2–3, 5–6). Среди западных аналогий по форме можно указать на кресты из Аин Дары, один из которых, в частности, нательный и предположительно происходит из слоя второй половины X–XI вв. [Die Kleinfunde ... 1996: Taf. 22, Nr. 83], а также нательный крест с городища Афрасиаб [Тереножкин 1950: 166, рис. 72, 2]. Важно отметить также, что именно такой крест широко представлен в

восточно-туркестанской художественной традиции [Le Coq 1979: 8; Grünwedel 1912: 339, Fig. 677, 340].

Жесткую границу между двумя названными формами провести часто не представляется возможным, т.е. сложно сказать, какая протоформа лежит в их основе – латинского или мальтийского креста, что сущностно кажется неважным.

Форма объемного креста со сложнопрофилированными концами (например рис. II. 9–10) довольно редка. Прямой аналогией кресту (рис. II. 9) является крест, обнаруженный в одном из погребений в церкви в Такрите (Ирак) [Harrak Amir 2001: 13, fig. 1]. Очень близкой аналогией является также крест, происходящий с Болгарского городища [Полубояринова 1993: 18, рис. 2. 14]. Как сообщает М.Д. Полубояринова, похожие кресты имеются в Каневе и в окрестностях Киева [Полубояринова 1993: 18]. Датируются такие кресты, как пишет исследовательница, XII–XIII вв. Учитывая своеобразие и редкость этой формы, можно говорить об определенном производственном центре (или нескольких, территориально близких), локализовать который пока довольно сложно, принимая во внимание значительную дисперсность находок.

Также необходимо отметить еще один важный момент. Особенностью ряда объемных крестов является наличие врезанного крестика андреевского типа в центральной части, как на одной, так и на обеих сторонах (рис. II. 5, 8). Аналогично оформлена центральная часть креста из 19-го науса некрополя Кос-Тобе [Терновая 2004: рис. 4.4]. Культурно-географически такой прием довольно широко распространен; здесь можно указать на известковый крест из материалов могильников Аджарисцкальского ущелья (Западная Грузия) [Рамшвили 2003: табл. 126, 25], крест из коптского Египта [Христиане ... 1998: 164, 224], перламутровый нательный крест с Райковецкого городища [Гончаров 1950: табл. XXII, 10] и др. Как представляется, такое изображение визуально должно было заменить или выразить фигуру (тело) распятого Иисуса Христа. В этой связи интересно отметить, что на Григорьевском блюде Иисус изображен не распятым, а крестообразно перехваченным по груди, по видимому, лоскутами материи (аналогично показаны разбойники, что, вероятно, было передано мастером по подобию изображения Иисуса) [Klein, Rott].

Все остальные формы крестов имеют многочисленные аналогии как в восточно-, так и в западно-христианской традиции.

Заманчиво предположить, что широкое разнообразие форм крестов, как в публикуемом материале, так и в целом в среднеазиатском реги-

оне, может быть связано с поликонфессиональным характером местного христианства (в данном контексте сосуществование нескольких конфессий-течений), что засвидетельствовано, в частности, письменными источниками. Однако необходимо учитывать, что проблема выделения конфессиональных признаков не только в восточном христианстве, но и в целом (каковым может являться, в частности, форма креста, получившая распространение или закреплённая в той или иной конфессиональной традиции) далека от разрешения, а многие существующие попытки ее решения остаются, к сожалению, лишь гипотезами.

Таким образом, можно заключить, что опубликованные экземпляры могли быть изготовлены христианами или для христиан, принадлежащих к различным, преимущественно восточно-христианским, конфессиям-течениям.

Примечания

1. Часть предметов из коллекции А.М. Камышева недавно опубликована Г.А. Терновой [Терновая 2004: 176-193]. Работа содержит множество фактических неточностей и ошибок. Так, в частности, в числе публикуемых «предметов христианского культа» называются такие, которые или не имеют к последнему никакого отношения, или их интерпретация более чем затруднительна. Так, предмет 3 на рис. 1, по-видимому, является фрагментом ключа, предмет 4 на рис. 1 является бляшкой. Изображение на «бронзовом ремennom шитке» (рис. 6) автор совершенно нелепым образом связывает «с христианством». Интерпретация предмета на рис. 7 как христианской лампы более чем спорна. Предмет не несет явных признаков, по которым возможно было бы определение его культовой принадлежности. Кроме того, приводятся неполные и неточные описания; используемые для описания термины не вполне корректны, как то: ветвь для конца, петля для ушка и пр. В связи с этим, а также учитывая то, что ряд предметов уже был мною обработан ранее, представляется целесообразным повторное их издание. Фотографическое воспроизведение части из них приводится в разных контекстах в работах: [Рымбекова 2000: 59; Klein, Reck 2004: 152, Abb. 3].

Кроме того, Г.А. Терновая все публикуемые ею предметы называет происходящими с городища Красная Речка, что неверно. Мы приводим данные, предоставленные их владельцем А.М. Камышевым.

О бесосновательности датировок ряда ранее опубликованных предметов, фигурирующих, в частности, в работе Г.А. Терновой, а также в настоящей работе, мне уже приходилось писать [Rott].

2. Ситуация с названными предметами весьма запутанна. О краснореченских крестах В.Д. Горячева пишет: «На городище ... было найдено ... три креста: один из нефрита поднят на территории шахристана-1, второй снят нами со скелета женщины, погребенной на городском некрополе. Третий бронзовый крестик передала нам сотрудник Чуйского отряда Киргизской археологической экспедиции Л.М. Ведутова (из находок 1972 г.)» [Горячева 1988: 67]. При этом на с. 66 приведено графическое воспроизведение двух крестов [Горячева 1988: рис. 20], однако определить, какой из последних был «снят ... со скелета женщины», какой же получен от Л.М. Ведутовой, не представляется возможным, так как автор по тексту не поясняет изображений в таблице. Графическое воспроизведение этих же крестов содержится в работе К.М. Байпакова и В.Д. Горячевой, где авторы также не поясняют их [Байпаков, Горячева 1999: 348, табл. 104]. Частично проясняется ситуация лишь в «Истории Киргизской ССР» – становится ясно, какой крест происходит из краснореченского погребения [История ... 1984: 373, цв. вкл. с. 320 и 321]. Тем не менее, датировка этого креста (VII–VIII вв.) остается спорной, так как материалы некрополя, в том числе погребение, в котором он был обнаружен, все еще не опубликованы. Таким образом, представленный в настоящей статье крест (рис. I. 9) является случайной находкой, как и нефритовый крест (рис. I. 17).

Место находки креста (рис. II. 9) и креста-медальона (рис. I. 4) остается неизвестным. Графическое воспроизведение обоих предметов приводятся в работе В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой [Горячева, Перегудова 1994: рис. 23. 16.24], однако о месте находки не сообщается.

Между тем интересно отметить, что в экспозиции археологического музея Института истории НАН КР эти предметы значатся как «нехристианские кресты (VI–X вв.)». Некрополь I. Красная Речка (раскопки В.Д. Горячевой)» [Klein 2000: Abb. 19], что явно не соответствует действительности.

Так как ни один из перечисленных предметов не сопровождается в публикациях описанием, мне показалось целесообразным привести его в настоящей статье.

3. Казахская исследовательница предложила типологию, которая, однако, вследствие методологических ошибок выглядит весьма эклектично и не вполне корректно.

4. О дискуссии в русскоязычной литературе см: [Кольченко 2002: 169].

Abstract

THE CROSSES AND THEIR FRAGMENTS FROM SOUTH-EASTERN SEMIRECH'Ē

Ph.G. Rott

In this article are described and discussed, finds of Christian crosses and their fragments, found in the south-eastern Semirech'e region (the ancient cities of Krasnaya Rechka, Ak-Beshim, Burana, Kara-Djigach). All artifacts have occasional origin. The author focuses on analysis of some forms of published crosses and also of their origin.

Литература

- Байпаков, Горячева 1999 – *Байпаков К.М. Горячева В.Д.* Семиречье // Средняя Азия и дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – (Археология [СССР]).
- Байпаков 1999 – *Байпаков К.М.* Исследования некрополя Джамуката в Таласской долине // Вестник КазГУ. Сер. истор., 1999, № 12.
- Байпаков 1998 – *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. – Алматы, 1998
- Гончаров 1950 – *Гончаров В.К.* Райковецкое городище. – Киев, 1950.
- Горячева 1988 – *Горячева В.Д.* Город золотого верблюда. – Фрунзе, 1988.
- Горячева, Перегудова 1994 – *Горячева В.Д. Перегудова С.Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. – Ташкент, 1994.
- История ... 1984 – История Киргизской ССР. В 5-и томах, Т. 1. – Фрунзе, 1984.
- Кольченко 2002 – *Кольченко В.А.* Заметки о христианстве в Чуйской долине в средние века // «Манас» университета коомдук илимдер журналы. – Бишкек, 2002.
- Никитин 2001 – *Никитин А.Б.* К истории христианства в Мерве // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. – СПб., 2001.
- Памятники ... 1983 – Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. – Л., 1983.
- Полубояринова 1993 – *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. – М., 1993.
- Раимкулов, Иванов 2000 – *Раимкулов А., Иванов Г.П.* Нательный крест с городища Кува // ИМКУ, Вып. 31. – Самарканд, 2000.
- Рамишвили 2003 – *Рамишвили Р.М.* Закавказье. Грузия // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. – М., 2003. – (Археология [СССР]).
- Рымбекова 2000 – *Рымбекова Н.* Археологические памятники Прииссыкулья как источник по истории Кыргызстана. – Бишкек, 2000.
- Слущкий 1889 – *Слущкий С.С.* Семиреченские несторианские надписи // Древности восточные. ТВК ИМАО, Т. 1, Вып. 1. – М., 1889.
- Тереножкин 1950 – *Тереножкин А.И.* Согд и Чач // КСИИМК, Вып. XXXIII, 1950.
- Терновая 2004 – *Терновая Г.А.* Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // Известия НАН РК. Серия общ. наук. 2004, № 1.
- Христиане ... 1998 – Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. – СПб. 1998.
- Assāf 1996 – *Assāf Alī Abū.* Die Kleinfunde aus Ain Dārā // Damaszener Mitteilungen. Bd. 9. – Mainz, 1996.
- Byzanz 2001 – *Byzanz.* Das Licht aus dem Osten. Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. bis. 15. Jahrhundert. – Mainz, 2001.
- Der Königs Weg 1987 – Der Königs Weg. 9000 Jahre Kunst und Kultur in Jordanien und Palästina. – Köln, 1987.
- Grünwedel 1912 – Grünwedel Albert. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan. Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašar und in der Oase Turfan. – Berlin, 1912.
- Hage 1970 – *Hage Wolfgang.* Untersuchungen zum Leben der Christen Zentralasiens im Mittelalter. – Marburg, 1970 (неопубликованная диссертация).
- Harrak 2001 – *Harrak Amir.* Recent archaeological excavation in Takrit and the discovery Syriac Inscriptions // Journal of the Canadian Society of Syriac Studies, Vol. 1 (2001).
- Klein 2000 – *Klein Wassilios.* Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh. – Turnhout, 2000.
- Klein, Reck 2004 – *Klein W., Reck Ch.* Ein Kreuz mit sogdischer Inschrift aus Ak-Bešim/Kyrgyzstan // ZDMG, Bd. 154, Heft 1, 2004.
- Klein, Rott – *Klein Wassilios, Rott Philipp G.* Einige problematische Funde von der Seidenstraße: Novopokrovka IV, V, Issyk-Kul'-Gebiet, Chotan. (в печати).
- Le Coq 1979 – *Le Coq Albert von.* Chotscho, Facsimile-Wiedergaben der wichtigsten Funde der ersten Königlich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkestan. – Graz, 1979.
- Ross 1964 – *Ross Marvin C.* Byzantine Bronze Hands Holding Crosses // Archaeology, Vol. 17, num. 1, March 1964
- Rott – *Rott Philipp G.* Finds of Christian crosses from Middle Asia. (в печати).

КЛАД КИТАЙСКИХ МОНЕТ ИЗ Г. КАРАКОЛ

В.Г. Кошевар *

г. Каракол / Иссык-кульская котловина / китайские монеты: Ушу, Кайюань Тунбао, Цяньюань Чжунбао
Karakol / Issyk-Kul / Chinese coins: Wu Shu, Kai Yuan Tong Bao, Qian Yuan Zhong Bao

Летом 2003 г. в экспертную службу частного предприятия «АЛВИАН» (г. Бишкек) для определения поступил комплекс бронзовых монет. Все они были случайно найдены на ограниченной площади при полевых работах в южной части г. Каракол (восточная часть Иссык-кульской котловины). Исходя из обстоятельств находки, можно предположить, что найденные монеты являлись кладом, часть которого, по словам нашедшего, разошлась по рукам. Сохранившаяся часть клада состоит из 23 монет. Их метрологические характеристики представлены в табл. 1, фотографии – доступны для просмотра на сайте: «АЛВИАН – Галерея частных коллекций» (Режим доступа: <http://alwian.host.net.kg>). Все монеты хранятся в частной коллекции в г. Бишкек. В иссыккульской котловине до настоящего времени были зафиксированы только случайные находки единичных экземпляров китайских монет. Сведений о находках здесь кладов китайских монет нет, поэтому описываемому кладу присвоен № 1.

Одна монета (в/к № 1) имеет легенду на лицевой стороне (Ушу, Wu Shu). Номинал монеты – 5 шу. Присутствие в составе клада такой монеты неожиданным не является. Для сопредельных регионов известны совместные находки таких монет с монетами других династий: в кладах из Чуйской долины с монетами династии Тан и Северная Сун [Камышев 1999: 60], в другом кладах из Чуйской долины – с монетами, имеющими единственный иероглиф в надписи (на одной – юань, на другой – чжун) и одной т.н. тухуской монетой [Камышев 2002: 25-26], а так же с монетами династии Тан в кладах из Восточного Туркестана [Восточный Туркестан... 1995: 435].

Остальные монеты клада относятся к правлению династии Тан, из них 17 монет с легендой на лицевой стороне **開元通寶** (Кайюань Тунбао, Kai Yuan Tong Bao) (в/к №2-18) и 5 монет с легендой на лицевой стороне **乾元重寶** (Цяньюань Чжунбао, Qian Yuan Zhong Bao) (в/к №19-23).

Все монеты Кайюань Тунбао имеют номинал один **文** (вэнь, cash). Классифицируя монеты по начертанию иероглифов легенды на лицевой стороне и наличию дополнительных знаков на оборотной стороне [Воробьев 1963: 134–136; Transasiart, Интернет], их можно отнести к эмиссиям разных лет (с 621 по 732 гг.). Монеты Кайюань Тунбао из клада имеют значительные отличия по качеству изготовления.

В переводах китайских письменных источников ничего не сообщается о выпуске монет с легендой Цяньюань Чжунбао диаметром 24–25 мм. Однако, судя по значительному количеству таких находок, можно предположить их выпуск «привычного» по монетам Кайюань Тунбао диаметра номиналом 1 вэнь. Следовательно, две монеты Цяньюань Чжунбао (в/к 19, 22), вероятно, можно отнести к этому номиналу. В Восточном Туркестане [Ивочкина 1975: 34; Rhodes 1997: 181; Thierry 1997: 152, 166] и восточной части Чуйской долины [Камышев 2002: 111–112] значительное количество находок составляют монеты с легендой Цяньюань Чжунбао, диаметром 21–22 мм, выпускавшиеся, вероятно, в Восточном Туркестане [Transasiart, Интернет]. Причем, если ранее исследователями только отмечался их «маленький» диаметр [Schjoth 1929: 22], то теперь такие монеты выделяют в особую группу [Rhodes 1997: 181]. Вопрос об их номинале остается пока открытым [Кошевар 2004: 39]. Время начала эмиссии монет этого типа – 758–760 гг. Качество изготовления монет Цяньюань Чжунбао из клада примерно одинаковое.

В кладах монеты Цяньюань Чжунбао являются датирующими и определяют нижнюю хронологическую границу времени формирования клада началом 760-х гг. Судя по отсутствию в его составе семиреченских монет, он имеет, вероятно, восточнотуркестанское происхождение. Предполагается, что в Восточном Туркестане интенсивное обращение монет прекратилось в кон. VIII–нач. IX вв. [Rhodes 1997: 184]. Вероятно, именно этим временем может определяться верхняя хронологическая граница сокрытия клада.

* Кошевар Вадим Григорьевич – частное предприятие "АЛВИАН". Кыргызстан, г. Бишкек, alwian@elcat.kg

МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ МОНЕТ 1 КАРАКОЛЬСКОГО КЛАДА

№ в/к (№ на сайте)	Легенда на лицевой стороне	Оборотная сторона	Диаметр (мм)	Вес (гр.)	Толщина (мм)
1 (42)	Ушу	гладкая	24,60	1,35	0,9
2 (33)	Кайюань Тунбао	гладкая	25,00	3,96	1,45
3 (34)	Кайюань Тунбао	гладкая	23,90	4,08	1,60
4 (35)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	25,35	4,00	1,50
5 (36)	Кайюань Тунбао	гладкая	24,20	3,84	1,70
6 (37)	Кайюань Тунбао	гладкая	24,25	3,18	1,40
7 (38)	Кайюань Тунбао	гладкая	24,15	4,18	1,60
8 (39)	Кайюань Тунбао	гладкая	25,10	3,97	1,45
9 (40)	Кайюань Тунбао	гладкая	24,85	4,15	1,45
10 (41)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	24,70	4,40	1,60
11 (43)	Кайюань Тунбао	гладкая	23,55	3,00	1,20
12 (44)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	24,80	3,85	1,50
13 (45)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	24,90	3,93	1,50
14 (46)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	25,00	3,94	1,40
15 (47)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	25,35	4,15	1,45
16 (48)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	24,90	4,11	1,45
17 (51)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	24,95	3,80	1,50
18 (52)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	25,10	3,53	1,35
19 (30)	Цяньюань Чжунбао	гладкая	24,90	4,75	2,00
20 (31)	Цяньюань Чжунбао	гладкая	22,90	2,65	1,20
21 (32)	Цяньюань Чжунбао	гладкая	22,50	3,03	1,30
22 (49)	Цяньюань Чжунбао	гладкая	24,80	4,21	1,60
23 (50)	Цяньюань Чжунбао	гладкая	23,15	2,95	1,20

Abstract

THE HOARD OF CHINESE COINS FROM KARAKOL

V.G. Koshevar

In 2003 a first hoard of Chinese coins was found in Karakol area (the eastern part of Issyk-Kul basin). The composition of the hoard is as follows: one Wu Shu, 17 Kai Yuan Tong Bao and five Qian Yuan Zhong Bao. The formation of the hoard can be referred to the period of 760s.

Литература и источники

- Воробьев 1963 – *Воробьев М.В.* К вопросу определения старинных Китайских монет «Кайюань тунбао» // ЭВ, Вып. XV, 1963.
- Восточный Туркестан 1995 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: хозяйство и материальная культура. – М., 1995.
- Ивочкина 1975 – *Ивочкина Н.В.* Монеты первой Восточнотуркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга // Культура и искусство Индии и стран Ближнего Востока. – Л., 1975.
- Камышев 1999 – *Камышев А.М.* Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии, Вып. IV. – Ташкент, 1999.
- Камышев 2002 – *Камышев А.М.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек, 2002.
- Кошевар 2004 – *Кошевар В.Г.* Новые нумизматические свидетельства торговых отношений в Семиречье VII-XII вв. // Диалог цивилизаций, 2004, № 2 (5).
- Rhodes 1997 – *Rhodes N.* Tang dynasty coins made in Xinjiang // Studies in Silk Road Coins and Culture. Silk Road art and archaeology. Special volume. – Kamakura, 1997.
- Schjoth 1929 – *Schjoth Fr.* The Currency of the Far East. – London-Oslo, 1929.
- Thierry 1997 – *Thierry F.* On the Tang coins collected by Pelliot in Chinese Turkestan (1906-1909) // Studies in Silk Road Coins and Culture. Silk Road art and archaeology. Special volume. – Kamakura, 1997.
- Transasiart, Интернет – *Transasiart* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transasiart.com>.

ПРОЧТЕНИЕ НАСКАЛЬНЫХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ КЫРГЫЗСТАНА

И.Л. Кызласов *

Кок-сай, Калмак-Таш, Куру-Бакайыр, Терек-сай / рунические надписи / средневековье
Kok-say, Kalmak-Tash, Kuru-Bakqyir / runiks inscriptions / middle ages

Опубликованные к настоящему времени в научной печати материалы позволяют насчитывать всего 15 или 16 рунических надписей, высеченных в раннем средневековье на скалах и отдельных валунах на горных склонах Кыргызстана. Пять-шесть из них найдены в горах, ограничивающих Таласскую долину, остальные – на юге Кочкорской долины, лежащей западнее Иссык-Куля. Настоящая статья посвящена новому прочтению одиннадцати и возможному пониманию двенадцатого из этих лаконичных камнеписных текстов. Остальные памятники не могут быть поняты по изданным воспроизведениям.

Рассмотрение надписей начну с последних находок. Они составляют компактную смысловую группу и обнаруживают местные эпиграфические и мировоззренческие особенности, важные для понимания нескольких давно известных надписей. Кроме того, ошибочно прочитанные и неверно понятые, они уже используются для значимых исторических и историко-культурных построений.

Надписи Кочкорской долины.

Письменные памятники обнаружены и скопированы археологами К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в 1998 и 2000 гг. Большинство надписей (девять разрозненных строк) открыто в местности Кок-сай на скоплении валунов по склону хребта Укек и одна строка – в близлежащей местности Калмак-Таш.

Описания и хорошие прорисовки надписей были без задержек обнародованы открывателями, как в научно-популярной, так и в академической периодике [Табалдиев, Солтобаев 1998; Табалдиев, Солтобаев 2001; Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002]. По доступным мне изданиям¹ в истории обнаружения памятников возникает одна неясность. В 1998 г. авторы указали на открытие восьми надписей в урочище Кок-сай,

позднее к этому сезону ими было отнесено только шесть строк, находки еще двух лаконичных текстов – уже к 2000 г. По-видимому, в том же году была сделана находка и в местности Калмак-Таш [Табалдиев, Солтобаев 1998: 33; Табалдиев, Солтобаев 2001: 69]. В публикации 2002 г. названо всего девять надписей [Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002; Tabaldiyev, Soltobaev 2002], хотя помещено десять рисунков.

Первый опыт прочтения и общего исторического истолкования семи надписей из Кок-Сая был трижды опубликован С.Г. Кляшторным [Кляшторный 2001; Кляшторный 2001-а; Кляшторный 2002]. Последнее по времени издание отличают помещенные в нем фотоснимки надписей I, IV и V, дополняющие прорисовки [Кляшторный 2002: рис. 1, рис. 4, рис. 6].

Исследование камнеписных тяньшанских текстов нельзя считать оконченным. Прежде всего, следует отвергнуть ошибочное и дать их точное прочтение.

Надпись Кок-сай I. Прочтение С.Г. Кляшторного (*er atim adiy on oq...* «Мое мужское имя Адыг ("Медведь"). Десять стрел...») исходит из признания неполноты текста, обозначенного в транскрипции и переводе многоточием. К тому же оно основывается на неверном отождествлении одного из рунических знаков, повлекшем ошибочную разбивку на слова второй половины надписи. Судя по прорисовке (рис. I. 1) и изданному фотоснимку, эта короткая строка сохранилась целиком и состояла не из 8, а из 9 знаков (последний не был на месте воспринят полностью).

Транскрипция: *(e)r (a)t(i)m s(i)yun(a)q {a}*

Перевод: *Мое имя мужа-эра – Сыгунак. (Боже, услышь меня).*

Словосочетание *er atim*, как хорошо известно, обычно для енисейских и таласских эпитафий (см. Т 1, Т 2, Т 14). Надписи Кок-Сая впервые показывают, что оно применялось и в наскальных начертаниях, выполненных таласским руническим письмом. В енисейских же наскаль-

* Кызласов Игорь Леонидович –
 докт. ист. наук, Институт археологии РАН.
 Россия, Москва, kyzlasovil@mail.ru

ных надписях этот речевой оборот до сих пор не встречен ни разу (см., однако, далее надпись Калмак-Таш). Переводить слово *er*, обозначающее в раннем средневековье не столько возраст, сколько социальный статус свободного полноправного мужчины, по-видимому, вовсе не стоит (а если и делать это, то предпочтительнее все же более точный вариант В.В. Радлова и С.Е. Малова – «герой», может быть, «витязь»).

Видеть в четвертом знаке надписи твердый *d'* ошибочно, поскольку две ломаных линии образуют не полную руну, а только ее верхнюю часть и завершаются они общим вертикальным стволом. Эта особенность буквы хорошо видна и в других надписях долины, содержащих то же самое мужское имя и выбитых одной рукой (рис. I. 4,5,7). Поскольку наскальный текст нанесен знаками таласского алфавита (о чем свидетельствует характерный облик пятой и восьмой рун: *y* и *q*), то и соответствие четвертой букве строки следует отыскивать среди его знаков. Таков знак для *s'*, имеющий в таласском письме самобытный вид вертикального ствола с двумя симметричными верхними коленчатыми отводками (см. надписи на валунах из урочища Айртам-Ой). В нашем случае писавший лишь развернул налево правый отводок. Вероятно, эта индивидуальная почерковая особенность сложилась в курсивной сфере применения таласского письма и в полной мере отвечает начертаниям, устремленным справа налево.

Исходя из классической орфографии, общей для всех трех разновидностей азиатской рунической письменности, существует три формальных возможности прочтения личного имени, записанного рунами 4–8: *s(a)yun(a)q*, *s(i)yun(a)q* или *s(o)yun(a)q*. Предпочтение зависит от восприятия морфологии слова. Аффикс *-aq* не может быть здесь отглагольным, поскольку искомой глагольной основы в известных текстах не зафиксировано. Полагаю, что это именно уменьшительный показатель. Исходя из этого отвергаю первый вариант прочтения – от слова *sayun*, обозначающего титул в карлукском обществе [ДТС 1969: 481], как и от иных почетных званий, уменьшительные формы не образовывались. Слова *siyun* и *soyun*, в равной мере означавшие оленя, марала-самца [ДТС 1969: 503, 507], вполне пригодны для образования личного имени с ласковым первоначальным значением «мараленок». Форма *soyun* встречена в прямом значении в третьей строке енисейской эпитафии Уйбат VI (E 98): ... *köök böri : q(a)ra soy(u)n : öl(ü)rt(i)m* – «... сивого волка, черного марала я убил». Однако в разбираемой тяньшанской надписи пропуск губного гласного в первом слоге противоречит нормам правописания. Следовательно, наиболее приемлемым прочтением остается слово *siyun*.

Личные мужские имена, имеющие в буквальном смысле не звучные и гордые, а уменьшительные, можно сказать, ласковые значения, уже не раз встречены среди наскальных рунических надписей. Они свидетельствуют о переносе детских имен на взрослых мужчин: *kul(u)n* «жеребенок» (Мугур-Саргол I), *k(e)nč* «детеныш» (Ялбак-Таш XVIII), *k(i)š* «соболь» (Ялбак-Таш XXV) и т.д. [Кызласов И. 1994: 194; Кызласов И. 2003: 67, 69, 87, 100, 101]. Важно обратить внимание на то, что, как и в рассматриваемом здесь случае, такие имена лишены титулов.

Два штриха, отмеченные на прорисовке надписи левее восьмой руны, представляются мне частями завершающего знака *a/ä*, не увиденного исследователями полностью. И хотя при рассмотрении фотографии [Кляшторный 2002: рис. 1] уверенность в этом убывает, предположение подкреплено серией иных наблюдений. В сходной позиции эта руна играет роль словоразделительной отметки в надписи VII, она также обозначает окончание текста во второй строке надписи IV и надписи IX (в двух последних случаях при копировании знак вновь не был передан полностью) (рис. I. 4,7,10).

Подобное применение этой буквы заслуживает особого внимания. Для известных таласских памятников оно вполне обычно (см. T 1 – T 5, T 10). Уже при анализе надписи первого таласского валуна (T 1) стало ясно, что данный знак не имеет фонетического значения² [Радлов 1899: 86; Малов 1929: 800, 803] (ср.: [Мелиоранский 1899: 272]). Справедливое утверждение, что «буква 'А' в текстах выступает в качестве знака, отделяющего слова» [Батманов 1971: 10, прим. 10], не в полной мере отражает ситуацию. Оно не учитывает применения руны как знака окончания фразы, завершения строки или всего текста.

Обе функции этого знака встречаем как непереносимый признак алтайского варианта енисейского письма, с IX–X вв. распространившегося на землях Горного Алтая и Северо-Западной Монголии. Особенно наглядно подобное применение руны *a/ä* в кратких наскальных надписях³ [Кызласов И. 2003: 101]. Надо отметить, что в алтайских текстах эта руна следует только за словами, завершающимися согласным звуком, т.е. сохраняет память о своем былом вокативном значении (ср.: [Боргояков 1960]). Не то находим в памятниках таласского письма. На валунах, судя по публикациям, обсуждаемый знак обыденно применяется также для отделения слов, завершающихся гласным звуком (негубным узким): *q(a)t(u)nī-{-a}* (T 1, стк. 2), *inil(e)ri-{-ä}* (T 1, стк. 3), *(a)tī-{-a}* (?) (T 2, стк. 8), *tuli-{-a}* (T 3, стк. 4), *(e)či-{-ä}* (T 5, стк. 1), *oyli-{-a}* (T 5, стк. 2), *(a)tī-{-a}* (T 10, стк. 1, 4), *(a)tisi-{-a}*

Рис. 1. Надписи Кочкорской долины.
 Кок-сай (1-10) и Калмак-Таш (11)
 (по К.Ш. Табалдиеву и О.А. Солтобаеву. Без масштаба)

(Т 10, стк. 2), *q(a)ldi-ḡa}* (Т 14, стк. 1), *quli-ḡa}* (Т 14, стк. 2). Из этого следует, что таласские надписи отражают последний этап эволюции руны *a/ä* в качестве разделительного знака и отметки окончания текста – в них буква потеряла всякую связь с некогда обозначавшимся ею звуком и, действительно, стала лишь знаком препинания.

Вполне очевидно, что эта стадияльная особенность текстов указывает на позднее (даже в сравнении с надписями алтайского извода енисейского письма) создание памятников таласской письменности. Оставляя на время в стороне это наблюдение, как и обсуждение природы данного явления рунической письменной культуры Азии, нельзя не признать необходимость учитывать такое использование руны *a/ä* при чтении таласских надписей.

В целом надпись видится отметкой, оставленной в подтверждение произведенного здесь Сыгунаком моления. Обоснованием такого понимания строки I служит анализ всей совокупности камнеписных текстов этого горного склона, как и опыт прочтения прочих рунических наскальных надписей [Кызласов И. 2001; Кызласов И. 2003].

Надпись Кок-сай II. Сохранилась хуже прочих, что вызвало сложности при копировании и, как следствие, отказ от прочтения. Однако думается, что при сравнении с другими надписями долины текст II может быть восстановлен. При взгляде на его воспроизведение (рис. I. 2) становится ясно, что перед нами один из повторов наиболее распространенной в урочище Кок-сай камнеписной формулы. На этом валуне, как и на других четырех (ср. рис. I. 1,4,5,7), выбита личная тамга; так же, как на двух других (рис. I. 3,8) и в той же манере изображен конь, ловчая птица и всадник (только спешившийся). Потому не удивительно встретить на нем и начертание того же личного имени. Стоит сравнить надпись I с остатками надписи II, чтобы заметить: первые (правые) три руны – это *r²* (уцелела часть вершины знака), *t¹* (левая сторона «шалашика»; черта, на прориси уходящая налево – лишняя борозда) и *m* (целиком на месте). Последующие четыре буквы (*s¹yun¹*) не видны, а руна *q* сохранилась (на прориси у нее лишний штрих слева). Следующий знак – неточно воспринятая завершающая надпись отметка *a/ä*. Последующие борозды не имеют отношения к рунической надписи – они тоньше букв и, вероятно, остались от наскального рисунка (козлика?), ср. такие же изображения перед и выше антропоморфной фигуры. В итоге нахожу основания восстановить надпись, во всем подобную предыдущей.

Транскрипция: *(e)r (a)t(i)m [s(i)yun(a)]q {a}*.

Перевод: *Мое имя мужа-эра – [Сыгуна]к. (Боже, услышь меня).*

Надпись Кок-сай III. Представляет собою уже знакомую формулу (не из восьми, как пишут исследователи, а из девяти букв).

Транскрипция: *(e)r (a)t(i)m s(i)yun(a)q {a}*.

Перевод: *Мое имя мужа-эра – Сыгунак. (Боже, услышь меня).*

При фиксации строки (рис. I. 3) исследователи не рассмотрели левый верхний отводок четвертой руны *s¹* и отводки завершающего знака *a/ä*. Исходя из иных случаев, на камне следует ожидать изображение личной тамги. Возможно, она размещалась левее надписи и не уцелела, как и часть изображения ловчей птицы. Взаиморасположение надписи и наскального рисунка позволяют думать, что фигура всадника была нанесена на валун ранее рунической строки.

Надпись Кок-сай IV. Вопреки утверждениям публикаторов, не нижняя, а верхняя строка этой единственной двустрочной надписи сохранилась и воспроизведена не полностью (рис. I. 4). Начало первой строки прочитано верно: *munda ilg(ä)rü*. Далее по прорисовке нельзя предложить уверенного прочтения. Изданная фотография позволяет полагать, что за десятым знаком заросший лишайником кривой выкол поверхности уничтожил вершины двух рун (возможно, *č* и *l²*). Таким образом, слом строки, зафиксированный прорисовкой, по-видимому, мнимый. Основания трех заключительных рунических знаков (последний из которых, может быть, *ŋ²*) размещены на общем уровне с предыдущими. Перевести начало верхней строки надписи возможно не только «Там впереди (т.е. на востоке)...» (как у С.Г. Кляшторного), но и «Отсюда вперед (на восток)...».

Вторая строка – четвертый случай написания в урочище личного мужского имени с указанием общественного статуса его владельца: *(e)r (a)t(i)m s(i)yun(a)q {a}* – «Мое имя мужа-эра – Сыгунак». Обе строки выполнены таласской письменностью (в верхней надписи примечателен вид первой руны *m*) и, вероятно, одной рукою (ср. облик знаков для *r²*, *u* и *l¹*, а также общий размер, размещение и технику выбивки знаков [Кляшторный 2002: рис. 4]). Связать строки в единый по смыслу текст ныне не удастся. Необходимо дополнительное исследование подлинника.

Надпись Кок-сай V. Этот письменный памятник читается уверенно, но понять его непросто. Исхожу из того, что он представляет собою лишь более распространенный вариант

текста Кок-сай VII (ср. рис. I. 5,7) и, несомненно, связан по смыслу с граффити VIII и IX. В строке легко опознается привычная уже формула: $(e)r(a)t(i)m s(i)yun(a)q$ – «Мое имя мужа-эра – Сыгунак». Четыре вертикальных реза, предшествующие ей на прорисовке, вероятно, не имеют отношения к руническим знакам⁴. Не случайно их размещение на камне не соответствует основной оси текста. Сама именная формула также не требует вводных фраз (ср. надписи I-III, VII, не является исключением и IV).

Завершающие четыре-пять букв текста, точно транслитерированные С.Г. Кляшторным, находят полную аналогию в разбираемых далее надписях VIII и IX. Учитывая их, тюрколог оправданно предположил, что последние штрихи прорисовки воспроизводят часть знака z (ср. рис. I. 9,10). Изданная фотография зафиксировала нарушение поверхности, вероятно, повредившее нижнюю часть буквы. Полная ясность может быть внесена лишь при исследовании оригинала надписи.

Как бы не разрешился вопрос с последним знаком текста (будем мы читать его как $[(i)z]$ или обозначать как непроизносимое $\{a\}$), наиболее существенно понять огласовку основы самого слова. Читать здесь $j(a)r(i)s(i)m$, как это сделал С.Г. Кляшторный, и воспринимать это как название местности («Мой (/наш) Ярыш») нет никаких оснований. Мы уже видели, что в надписях Кочкорской долины отсутствует упоминание «десяти стрел» – неверно прочитанные руны на деле передают два последних слога мужского личного имени. Иной и синтаксис фразы: сочетание этих рун со словом $j(e)r$ не составляет в ней определения и определяемого, т.е. в надписи нет упоминания «страны Десяти Стрел», увязываемой историком с Тюркешским каганатом. Всякая связь с событиями и топонимикой VIII в. порождена серией ошибочных умозаключений интерпретатора.

Наиболее вероятно, что надпись V содержит две кратких фразы, первая из которых во всем понятна (знаки 1–8), а во второй слово jer (руны 9–10) само служит определением к последующему слову (см. надпись VII). Вторая часть надписи содержит лишь существительные и должна быть дополнена подразумевавшимся глаголом. В отсутствии прямого, словарного контекста для понимания лаконичной надписи остается лишь учесть контекст смысловой, ситуационный, историко-культурный. Опыт изучения кратких наскальных надписей Саяно-Алтайского нагорья и Северо-Западной Монголии позволяет видеть в большинстве из них молитвенные записи, обращенные к божеству манихейской религии и направленные на сохранение или получение благого состояния [Кызласов И. 2001; Кызласов И. 2003].

Отрицая для рун 11–13 ($j^i r^i s^i$) предложенное С.Г. Кляшторным прочтение $J(a)r(i)s$ «Ярыш» (т.е. название степи, связанной с событиями VIII в.), из многих возможных вариантов иного озвучивания этих знаков выбираю $j(a)r(a)s$ «приятность, красота» [ДТС 1969: 240; Малов 1951: 385: *jarat-*] в манихейском религиозном значении – «лучшее в человеке, праведность, чистота». Это существительное, образованное от глагольной основы $jara$ = «подходить, годиться», относится скорее к внутренней, чем к внешней красоте человека (для обозначения последней в парное сочетание с $jaras$ входит существительное $körk$ – «образ, изображение; облик») [ДТС 1969: 239, 240, 317].

Опорой предлагаемому пониманию надписи служат некоторые молитвенные наскальные строки енисейского письма. Так, о даровании внутреннего совершенства просил автор краткого текста, высеченного на горе Кресхая в Хакасии (E 137): $b(a)rm(i)č ur(u)ŋ$ – «Вложите совершенную душу (буквально: нутро)». Граффити сопровождается изображением личного гербового знака писавшего [Кызласов И. 1994: 188, рис. 20; Кызласов И. 2000]. В надписи на скале Гордовая стена (E 144) наступление в природе гармонии (названной персизмом *abad* – «благоустроенность») увязывается с уничтожением греховного и служит причиной получения человеком земных и духовных благ [Кызласов И. 1994: рис. 25; Кызласов И. 2001: 249]. В единственном дошедшем до нас полном манихейском трактате «Кефалайа» внутренней красоте (как символу чистоты и праведности верующего) посвящена отдельная 83 глава «О человеке, безобразном телом, но прекрасном» [Кефалайа 1998: 215–218, 485]. Подобными религиозными категориями и надеждами мотивированы, как мне представляется, и надписи Коксай V и VII. Разрабатывая их прочтение, нельзя не учитывать двух других граффити этого урочища (VIII и IX), содержащих то же самое слово.

Словосочетание $jer jarasim$ – «лучшее, что во мне есть земного (/бренного)» вполне отвечает как доманихейским воззрениям о земном беспечальном существовании, отраженном в енисейских эпитафиях [Кызласов И. 2001: 243], так и сменившей язычество доктрине накопления элементов Света как смысла земного бытия верующего-манихея. Важно помнить, что в тюркском манихействе святость отношения к земле продолжала сохраняться [Кызласов Л. 1998].

Учитывая все сказанное, надпись V читается и переводится мною следующим образом:

Транскрипция: $(e)r(a)t(i)m s(i)yun(a)q j(e)r j(a)r(a)s(i)m[(i)z]$.

Перевод: *Мое имя мужа-эра – Сыгунак. Земная (/бренная) моя (/наша) праведность, (возрастай)!*

В анализируемой надписи встречаем еще одну значимую палеографическую примету – облик руны $\mathfrak{z}$ (13-й в надписи) характерен именно для таласского алфавита.

Надпись Кок-сай VI. По изданной прорисовке (рис. I. 6) знаки выглядят сомнительно. Прочие надписи долины горизонтальны, а эти руны составляют вертикальную строку. Нижнее начертание подобно енисейскому (а не таласскому) мягкорядному b^2 , а последующее – твердорядному o/u , т.е. руны не составляют одного слова. Удивительно, что строка обращена основанием букв налево, значит, писаться должна была слева направо. Не может принадлежать тексту вертикальная борозда, соединяющая знаки слева. Взятые порознь все эти неувязки могут быть несущественны, но, соединяясь воедино, они заставляют до нового изучения подлинника воздержаться от рассмотрения этого памятника как письменного.

Надпись Кок-сай VII. На камне читается: $(e)r (a)t(i)m s(i)yun(a)q \{a\} j(a)r(a)\mathfrak{z}(i)m[(i)z]$ – «Мое имя эра – Сыгунак. Моя (/ наша) праведность, (возрастай)!».

Первую фразу текста (рис. I. 8) комментировать уже не нужно (см. разбор надписи I). Она завершается лишенным фонетического значения словоразделительным знаком в виде руны $a/\ddot{a}$ (в строке он девятый по порядку). К прочтению и переводу второй части текста см. разбор надписи V.

Надпись Кок-сай VIII. Пять хорошо сохранившихся и ясно переданных на прорисовке рун $j^1r^2\mathfrak{z}^3mz$ (рис. I. 9) неверно читать $j(a)r(i)\mathfrak{z}(i)m(i)z$ и невозможно переводить как «Наш Ярыш» не только по выше приведенным причинам (см. комментарии к надписи V). Сравнение с другими наскальными надписями показывает: когда речь в них идет о «нашем» (здесь аффикс $=imiz$), то имеется в виду все брэнное человечество. Приведу уже упоминавшуюся двустрочную надпись на скале Городовая Стена на Енисее: (1) $(a)lp sol in (a)ly(i)p ab(a)dya t(\ddot{a})\eta ri (a)na kem q(a)tun q(a)b(i)\mathfrak{z}(i)p jeg (a)\mathfrak{z}iy qilur biz (a)t j(i)r b(i)z$ (2) $b(a)j b(a)r (e)t(t)(i)m$ – «(1) (Я –) Алп Сол. Когда положен предел греховному (буквально: низкому) и Небо (/Бог) и Мать Кемрека (т.е. Енисей) соединяются в благоустроенности, мы (все) приносим благую пользу и достигаем чинов. (2) (Так) (и) я стал богат». По-видимому, подобную гармонию – красоту и праведность ($jara\mathfrak{z}$) – призывал в мир сынов человеческих автор камнеписной молитвы у хребта Укек.

Основы такого единого восприятия человечества и соответствующей объединя-

ющей словесной формулы («мы», «наше») коренились в манихейской идеологии и воплощались в обязательных покаянных коллективных молитвах верующих. Один из наиболее известных в тюркологии текстов такой общинной молитвы – «Хуастуанифт» – сохранился в нескольких списках, найденных в оазисах Восточного Туркестана. Каждый из его 16 разделов состоит из перечня «наших прегрешений» и завершается рефреном: «мы молим: прости наши согрешения» [Дмитриева 1963].

Исходя из сказанного, получаем соответствующее прочтение и перевод нашей надписи.

Транскрипция: $j(a)r(a)\mathfrak{z}(i)m(i)z$.

Перевод: *Наша (т.е. общая, земная, человеческая) праведность (возрастай)!*

Надпись Кок-сай IX. Строка во всем подобна предыдущей, но, судя по прорисовке, могла иметь дополнительную шестую руну – не читающийся знак окончания текста (рис. I. 10). Облик букв, отличающийся лишь большей курсивностью начертания пятой руны (z), позволяет думать, что они нанесены на камень той же рукою, что и надпись VIII.

Транскрипция: $j(a)r(a)\mathfrak{z}(i)m(i)z \{a\}$.

Перевод: *Наша (т.е. общая, земная, человеческая) праведность (возрастай)!*

Общие выводы.

Исследование надписей Кок-сай I-V и VII-IX приводит к ряду общих наблюдений и выводов. Палеографические особенности всех камнеписных строк указывают на их принадлежность к таласской рунической письменности. Уже одно это обстоятельство ставит открытие кыргызских археологов в разряд важных тюркологических событий последнего времени, поскольку до сих пор памятников этого самобытного тюркского письма известно чрезвычайно мало (исключая недостоверные граффити и памятники иных алфавитов [ДТС 1969: XXIX, XXX; Васильев 1983: 38–41; Джумагулов 1987: 8–14], надписям долины можно присвоить индексы Т XV – Т XXIII). Особенно значима принадлежность новых граффити к разряду наскальных надписей – текстов предельно лаконичных (и потому особенно трудных для прочтения и толкования), но впрямую никак не связанных с назначением и содержанием эпиграфий. Этот источник раскрывает для нас новые сферы духовной жизни и культуры предков, совершенно скрытые или чрезвычайно скупо освещаемые иными свидетельствами.

Орфографические особенности коксайских строк, прежде всего, применение в них руны $a/\ddot{a}$ в качестве словоразделительной и завершающей текст отметки, имеют значение, выходящее за рамки правописания. При сравнении с про-

чими таласскими надписями и текстами алтайского варианта енисейского письма они дополняют новыми данными выдвинутые наукой доводы относительно позднего появления памятников таласского алфавита [Кызласов Л. 1965: 44, прим. 34; Кормушин 1975: 44, 45; Кызласов И. 1994: 57–59, 98–100, 214; Кызласов И. 1995: 143–145]. Отражающие следующую за алтайскими надписями стадию в разграничительном использовании руны *a/ä*, надписи Кок-сая следует относить к IX–X вв. и связывать с карлукским обществом.

Шесть из восьми достоверных надписей урочища (I–V, VII) созданы одним человеком, имя которого указано: Сыгунак (Мараленок). Следует особо отметить, что имя писавшего лишено титула, хотя принадлежность его к сословию эров оговорена специально. Многократность одного имени, вырезанного в одной местности, мы также встречаем, например, среди надписей на горе Ялбак-Таш в Горном Алтае, где имя *(e)l j(e)g(ä)n* «Греховный Йеген (букв. «племянник»)» встречено в строках III и XIII. Причем в надписи Ялбак-Таш XIII оговорено, что это имя мужа-эра [Кызласов И. 2003]. На камнях урочища Шарбулак в Северо-Западной Монголии титулованное имя *(a)j-čor* было высечено трижды [Кызласов И. 1999-а: 100]. Основываясь на этом материале, мы вправе заключить, что древняя традиция именовать эром любого полноправного мужчину дожила в тюркоязычных обществах вплоть до IX–X вв.

Эти же надписи Кок-Сая (кроме III) сопровождаются одинаковой тамгой. Однако прямо связывать ее с руническими текстами и считать геральдическим знаком писавшего пока мешают два обстоятельства. Во-первых, по взаимному размещению тамги и надписи V (рис. I. 5), можно предположить, что знак появился на камне ранее текста. Такому заключению не противоречат и особенности расположения этих элементов на прочих эпиграфических памятниках (I, II, IV и VII). Во-вторых, сомнения вызывает смена направления тамги от текста к тексту: у строк I, IV и V она повернута налево, а у надписей II и VII – направо. Ориентация тамги дважды противоречит направлению письма и, тем самым, указывает на иную, чем у писца, позицию, занимаемую у камня создателем геральдического знака. На фотоснимке надписи IV [Кляшторный 2002: рис. 4] видно, что тамга высечена в иной манере, чем буквы – более плотной и мелкой точечной выбивкой. Эти особенности отражены и на прорисовке археологов (рис. I. 4) (ср. также прорисовку надписи I). Для разрешения вопроса необходимо тщательное дополнительное обследование и сопоставление следов инструментов, которыми нанесены на камне урочища тамги и надписи.

Сегодня можно указать близкую аналогию тамговому знаку Кок-Сая. Ее составляет один из двух лично-семейных знаков, в IX в. вырезанных на донце серебряного сосуда с енисейскими руническими надписями, найденного в 1935 г. в кургане 3 могильника Туяхта в Горном Алтае [Кызласов И. 2000: 83–85, 88–90, рис. 1. 4]. Учитывая закономерности видоизменения раннесредневековых геральдических знаков тюркских народов по поколениям [Кызласов Л. 1960; Кызласов Л. 1965], можно заключить, что Кок-сайская тамга, отличающаяся от туяхтинской лишь одним графическим элементом, позднее алтайской и представляет ее сыновнюю стадию.

Для исторического объяснения важно понять, высечены ли надписи VIII и IX тем же автором, что и граффити Сыгунака. Сходство составляющих их знаков позволяет думать, что это так. Показательно, пожалуй, начертание руны *m*, у которой всюду (кроме надписи VII) правый нижний отводок короче верхнего (если, однако, эта особенность не вызвана повреждениями валунов; см. фотографию надписи V [Кляшторный 2002: рис. 6]). Подтвердись палеографическое сходство анализом следов примененного инструмента – выводы были бы несомненными. Пока их поддерживает содержательное и лексическое единство строк V, VII, VIII и IX. Скорее всего, сказанное означает, что муж-эр Сыгунак был манихейским проповедником. Это обстоятельство одновременно объясняет как его грамотность, так и заметные навыки курсивного письма (облик рун *s'* во всех случаях и *z* в тексте IX), само право наносить молитвенные отметки не только от своего (надписи I–V, VI, VII), но и от коллективного имени религиозной общины (строки VIII, IX).

Придя к такому выводу, следует отказаться от прямой связи надписей с изображением конного охотника, выбитого на двух камнях с рунами (рис. I. 2–3) и в третий раз – отдельно (рис. I. 8). Манихейские праведники, отвергая всякое убийство, не могли заниматься охотой. Обратим внимание на то, что надписи III и, вероятно, II, действительно, выбиты позднее изображений. На камне II и тамга нанесена позднее петроглифов. Отыскивая типологические соответствия изучаемой ситуации, укажу на енисейские наскальные надписи Южной Сибири и Монголии, которые обычно нанесены на те скалы и камни, где уже существовали изображения (в том числе и раннесредневековые, оставленные тюркскими народами в VIII в.) [Кызласов И. 1994: 292–299, рис. 18.2, рис. 21, рис. 22, рис. 25; Кызласов И. 2003: 98]. Письменные формы поклонения, появившиеся в этих местах с приходом манихейства, сменили обрядовое рисование на скалах [Кызласов И. 2003-а: 48, 49]⁵. Сходную картину более позднего, чем рисунки,

появления на скалах надписей наблюдаем и в ущелье Куру-Бакайыр в Кыргызстане (рис. II. 1–2).

Настойчивое повторение одного и того же термина *jaḡaš* и его связь как с личными, так и общечеловеческими земными качествами, наблюдаемые в надписях V, VII–IX урочища Кок-сай, позволяют думать, что мы встречаем здесь одно из основных понятий тюркского манихейства, распространенное в областях таласского письма в IX–X вв.

Надпись Калмак-Таш. Эта руническая строка, дважды изданная в хорошей прорисовке [Табалдиев, Солтобаев 2001: 72, рис. 10; Tabaldiyev, Soltobaev 2002: 45, fig. 10], не получила описания и прочтения у предшественников.

Знаки надписи, судя по опубликованному изображению (рис. I. 11), нанесены точечной выбивкой и значительно мельче Кок-сайских – высотой в 7–12 см. Общая длина прогнутой в середине строки – 56 см (при измерении по прямой – 50 см). Она составлена из семи букв, левая из которых размещена слишком близко к изображению горного козла. Поскольку, вопреки обычному для рунических надписей правостороннему направлению, этот камнеписный текст читается слева направо, следует думать, что рисунок нанесен на камень позднее надписи. Знаки различимы вполне ясно, лишь у последней, крайней справа поврежденной руны исследователями не выявлен, вероятно, верхний левый отводок.

Транскрипция: *(e)r (a)t(i)m b(i)lgä*

Перевод: *Мое имя мужа-эра – Бильге. (Боже, услышь меня).*

Несмотря на краткость, надпись Калмак-Таш имеет чрезвычайно важное историческое значение, поскольку она выполнена не таласским, а классическим енисейским письмом. Если облик знаков *t'* и *m* в этой строке общий для двух рассматриваемых азиатских рунических алфавитов и отличает их от орхонского, то руна *b²* в таком виде, как здесь, не присуща таласскому алфавиту и характерна только для енисейской письменности.

Обнаружение первой енисейской надписи на Тянь-Шане требует серьезного исторического осмысления. Хорошо понимаю, как будет использован этот факт сторонниками мнения о переселении предков современных кыргызов с Енисея. Однако, несмотря на широкое и официальное ныне распространение такого взгляда, порожденного Н.А. Аристовым и, особенно, А.Н. Бернштамом, он, по моему мнению, не имеет никакого научного обоснования. Более того, следуя за единством имени, эта ошибочная доктрина трагически уводит кыргызский народ и его историков в сторону от их истинных предков [Кызласов И. 2003-б]. У обнару-

женного мною здесь явления раннесредневековой письменной культуры есть другое объяснение. Проникновение заезжих носителей письма не следует смешивать с переселением народа.

Важно уяснить специфику калмак-ташской надписи. При разборе текста Кок-сай I уже говорилось, что в наскальных надписях долины Среднего и Верхнего Енисея речевой оборот '*er atim*' не встречен ни разу. Зато он оказался многократно повторенным в самой Кочкорской долине в камнеписных строках местного таласского рунического письма. Енисейской письменности не свойственно также направление строки слева направо, наблюдаемое в изучаемом кратком тексте. Однако именно такую редкую особенность демонстрирует другая надпись сходного содержания, недавно обнаруженная в Семиречье в урочище Тамгалы [Рогожинский, Кызласов 2004]. По палеографическим признакам (облик рун *t'* и *m²*) тамгалинская надпись должна быть отнесена к памятникам енисейского письма или к таласским, испытавшим сильное воздействие енисейской письменности. Однако синтаксическая формула, использованная в ней – *(e)r (a)tī ōn(ū)n* «Его имя мужа-эра – Онюн», подкрепляет енисейское определение этого камнеписного текста, поскольку она во всем характерна для граффити алтайского варианта енисейского письма.

Таким образом, ныне науке известно две наскальные надписи енисейского письма, встреченные к юго-западу от его основного южносибирского и центральноазиатского ареала – в Семиречье и на Тянь-Шане: строки Тамгалы I и Калмак-Таш. Судя по алтайским аналогиям (Талду-Айры, Ялбак-Таш XIII, Адыр-кая I) [Кызласов И. 2001], надпись урочища Тамгалы является краткой молитвенной отметкой, присутствующей северному манихейству, и оставивший ее духовный пастырь вышел из алтайской епархии. Производя разбор лаконичной камнеписной строки, можно дополнить ее содержание опущенным на письме глаголом: '*(e)r (a)tī ōn(ū)n (č'er)* «Его имя эра – Онюн. (Избавь) (его от греха)!» Такой же характер носит и изучаемая калмак-ташская надпись Кыргызстана. Учитывая анализ близких ей кок-сайских написаний, логично предположить, что ее автор принадлежал к той же духовной среде. Надпись урочища Калмак-Таш может расцениваться нами как косвенное свидетельство связи местного общества с письменной культурой Алтая и распространения на Тянь-Шань свойственного Южной Сибири того времени северного манихейства. Оба явления, по-видимому, связаны с карлуками.

Девять вновь открытых и прочитанных здесь рунических надписей Кочкорской долины, взятые в целом, позволяют заключить, что в этих

местах в IX–X вв. существовала тюркоязычная манихейская община. Ее члены пользовались таласским руническим письмом, но часть прихожан, сам религиозный импульс и основные религиозные связи исходили из южносибирских манихейских центров, применявших енисейскую письменность. Следует добавить, что, по имеющимся данным, сам изучаемый обряд нанесения на скалы рунических надписей есть характерная особенность применявшего енисейский алфавит северного манихейства и сложился он на южносибирской почве под древнехакасским влиянием [Кызласов И. 2003: 98, 99; Кызласов И. 2003-а: 48, 49].

Обсуждаемые наскальные тексты Калмак-Таш и Тамгалы, выполненные енисейским письмом, отражают важное изменение в духовной жизни юга Западной Сибири и восточных районов Средней Азии. Если вплоть до VIII в. манихейская религия, двигаясь из Западной Азии на Восток, распространялась среди тюркских народов усилиями ираноязычных миссионеров, то наши рунические памятники отмечают новый этап в истории этой мировой религии – ее обратное движение с Востока на Запад: из Южной Сибири в Западную Сибирь и на восток Средней Азии. Это новое культурное явление явилось следствием официального признания манихейства сначала в Уйгурском, а затем и в Древнехакасском (Кыргызском) каганатах. С формированием на Саяно-Алтайском нагорье мощного духовного центра и ростом его влияния (в связи с известными политическими событиями IX в.), сложившееся там северное, сибирское манихейство начинает обратное распространение на запад и юго-запад. Носителями его являются уже тюркоязычные миссионеры, пользовавшиеся енисейским руническим письмом [Кызласов И. 2001-а]⁶.

Не имея здесь возможности подробно остановиться на этом вопросе, замечу, что распространение тюркского манихейства на Запад, в страны кимаков и карлуков, отмечают не только анализируемые рунические надписи, но и археологические памятники – погребальные кирпичные мавзолеи, появившиеся в IX–X вв. в Кулундинской и Барабинской степях [Могильников 1999]. В отличие от мусульманских, они содержат захоронения с инвентарем и в ряде случаев сопровождаются конями. Манера окружать могилу прямоугольными или квадратными оградами (среди которых могут быть нераспознанные остатки каменных мавзолеев [Трифонов 1987: рис. 70, 71, 75, 79; Могильников 2002: рис. 30, 31, 40, 80, 83, 169, 181, 185, 187, 191]), как и обычай вершить дополнительные подпорки к югу и к северу от основного погребения, выдает в них прииртышское население, обычно соотносимое с кимаками [Трифо-

нов 1987: 243–245, рис. 82, 93, 98, 99, 101, 103, 110, 112, 115, 116; Могильников 1981: 43, 44; Могильников 2002: 73–81, рис. 40, 65, 89, 101, 103, 110, 112, 115, 118, 140]. Древности находят объяснения в арабских письменных источниках, повествующих об официальном распространении сабейской формы манихейской религии в Кимакском каганате [Кумеков 1972: 111; Кумеков 1981: 17]. Произошло это под прямым воздействием Древнехакасского государства [Кумеков 1972: 111], что подтверждается и многими иными проявлениями культуры: распространением среди кимаков обряда сожжения умерших [Трифонов 1987: 243, 244; Кумеков 1972: 110]), влиянием на материальную культуру и орнаменту металлопластики [Кызласов, Король 1990: 95–142, 158–174], применением Енисейского рунического алфавита [Арсланова, Кляшторный 1973]. В Горном Алтае и в Таласском Алатау обнаружены петроглифы [Кубарев 1992; Самашев 1996: рис. 5], сходно трактуемые образ манихейского Сатаны [Кызласов Л. 1999: 37]⁷.

Кроме примененного енисейского рунического алфавита, обряда размещения на скалах и содержания, обе надписи урочищ Калмак-Таш и Тамгалы объединяет и направление письма слева направо. Ныне обнаружено многостороннее влияние иных письменных систем средневековья на манихейские рунические памятники Южной Сибири, Центральной Азии и Восточного Туркестана, включая их орфографию. Показано, что различные отклонения от правил рунического письма в значительной мере объясняются широкой книжной грамотностью его носителей и вызывались глубоко воспринятыми ими устоями различных нерунических письменностей [Кызласов И. 1997; Кызласов И. 1999]. Круг этих письменностей очерчен историей манихейства в Средней и Центральной Азии.

Сегодня нет никаких данных для того, чтобы прямо назвать письмо Азии, повлиявшее на смену правостороннего направления обсуждаемых рунических надписей на левостороннее. Однако следует учесть общее, пожалуй, для истории культуры положение: любое письмо арамейского, а то и финикийского корня, сменившее исконный порядок движения строки справа на противоположный (будь то армянское и грузинское с V в. н.э. или письмо брахми с III в. до н.э.), сделало это, в конце концов, под воздействием греческой культуры. Следовательно, для наших поисков существуют, вероятно, две основных возможности.

Во-первых, прямые свидетельства Сюань Цзяна, относящиеся к Тохаристану 30-х гг. VII в., гласят: «Письмо читается по горизонтали, в направлении слева направо». Эти указания, относящиеся и к некоторым соседним странам, под-

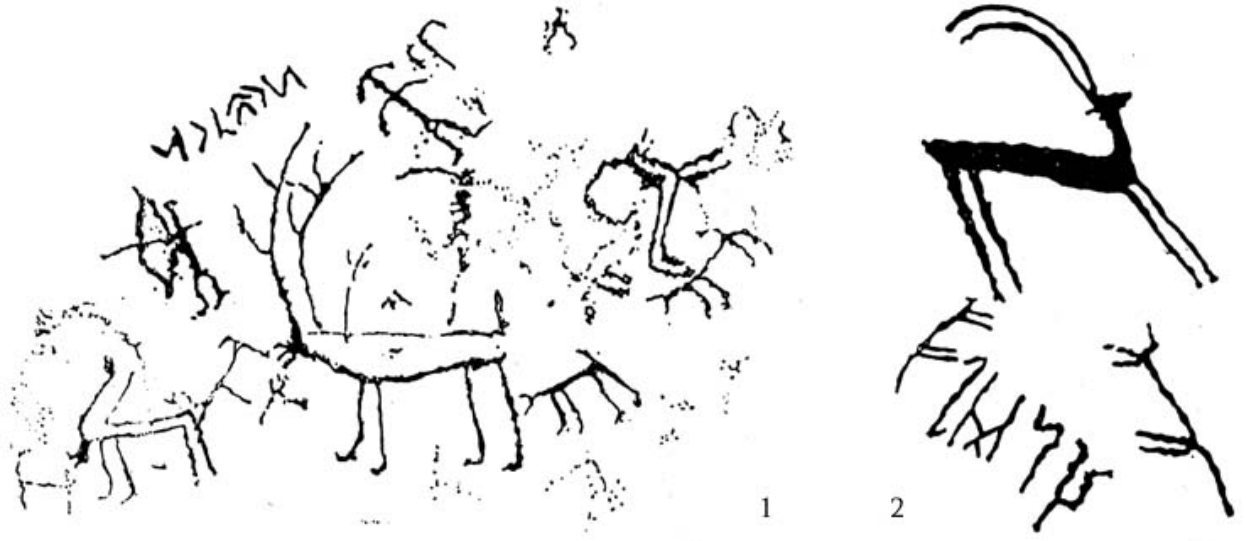

Рис. II. Надписи ущелья Куру-Бакайыр.
(по Ч. Джумагулову, 1987. Без масштаба)

тверждены памятниками самой бактрийской письменности – единственного греческого наследия в письменности Средней Азии того времени. Находки показывают применение этого письма еще в IX в. Очевидцы отмечали существование обширной бактрийской литературы, по числу превосходившей согдийскую [Стеблин-Каменский 1981: 316–317, 324]. Мусульманизация края привела к гибели рукописей и забвению самой письменности. Памятники бактрийского языка достигли Восточного Туркестана, где зафиксировано его применение в манихейских кругах (рукопись манихейского письма).

Во-вторых, массовой левосторонней письменностью в Средней Азии было индийское брахми. В Восточном Туркестане это письмо широко использовалось для записи не только исконного для него санскрита, но и местных языков, индоевропейского тохарского и иранского хотаносакского. В домусульманский период брахми широко применялось и для письма по тюркски. В рукописях и ксилографах, восполняя отсутствие гласных в уйгурском письме, оно служило для нужд точной записи и верного произношения буддийских терминов, названий и имен. Памятники указывают на распространение брахми до X в. и даже позднее – в XIII–XIV вв. [Воробьева-Десятовская 1988: 316–328]. Говоря о знакомстве тюркских народов с брахми, не следует забывать, что применявший его тохарский-А служил языком буддийской проповеди среди тюркоязычных народов.

Широкое воздействие буддизма на восточное манихейство общеизвестно. Знакомство же сибирских манихеев с буддийской литературой проявилось в серии санскритских по происхождению слов или понятий, встреченных в енисейских рунических надписях на скалах и

предметах. Таковы *barm* (< *parama*) «высший, совершенный» (Хакасия, Кресхая, Е 137), *asur* (< *sura*) «демон, нечистая сила» (Хакасия, Минусинск, Е 127), *arzi* (< *rsi*) «святой, отшельник» (Алтай, Ялбак-Таш VIII), *jevig* (= *sambhara*) «снаряжение; качества бодисатвы, необходимые для просветления» (Алтай, Адыр-Кая I) [Кызласов И. 1994: 188, 197, 198, рис. 20, рис. 30. 1; Кызласов И. 2000-а: 71, рис. 2–4; Кызласов И. 2001: 247, 248, 258, рис. 1. 2, 7; Кызласов И. 2003: 33, 34, рис. 12].

Приведенные обстоятельства позволяют полагать, что левостороннее направление наскальных енисейских надписей Тамгалы и Калмак-Таш объясняется привычкой их авторов к чтению буддийской литературы и практическому использованию письма брахми.

Надписи ущелья Куру-Бакайыр.

Ущелье реки Куру-Бакайыр (притока р. Сулуу-Бакайыр) находится в горах Таласской долины. Наскальные рисунки и первые письменные памятники (руническая и согдийская надписи) были здесь обнаружены геологом Л. Поповым. Благодаря его сообщению в 1981 г. на место была организована экспедиция И.К. Кожомбердиева и Ч. Джумагулова. Тщательно обследуя каменные поверхности, языковед сумел обнаружить у подножия той же скалы вторую руническую надпись. Оба лаконичных текста оказались вырезаны на юго-восточных обнажениях и, судя по размещению, позднее соседних петроглифов. Уже в 1983, а затем и в 1987 гг. подробные описания, графические и фотографические воспроизведения надписей, их прочтение и переводы были изданы [Джумагулов, Кожомбердиев 1983; Джумагулов, Кляшторный 1983: 78–81, рис. 1, 2, фото 2, 3; Джумагулов

1987: 30–34, рис. 5, 6, 8, 9]. Даю новое прочтение и перевод обеих рунических надписей.

Надпись Куру-Бакайыр I. Предложенное предшественниками прочтение (*qutčor* – «Кут-чор») выглядит вполне удачным. Оба компонента титулованного личного имени (которые лучше писать через черточку: Кут-чор) хорошо известны среди антропонимов раннего средневековья. Однако ради такого прочтения первый знак надписи выдается тюркологами за зеркально повернутую руну *q*, что, несомненно, является натяжкой. Начальную букву надписи предпочтительнее и вполне возможно читать так, как она вырезана на скале (рис. II. 1), т.е. как знак *r'*.

Транскрипция: *(a)rut čor*.

Перевод: *(Я -) Арут-чор (личное мужское имя и титул). (Боже, услышь меня).*

Слово *arut*, в нашем случае ставшее личным мужским именем, согласно материалам Махмуда Кашгарского, применялось для обозначения высохшей прошлогодней травы [ДТС 1969: 58]. Более распространенный фонетический вариант этого слова – *urut*. Его смысл также «сухой, выгоревший». Помимо прямого значения термин определял и вид волос [ДТС 1969: 616]. Именно в этой роли интересующее нас слово пригодно для личного имени. Вероятно, его получил светлоголовый человек (ср. с надписью Куру-Бакайыр II). Как и все наскальные надписи, содержащие личное имя, этот краткий текст свидетельствует о совершенной здесь молитве.

Надпись Куру-Бакайыр II. Граффити принадлежит к таласскому письму (рис. II. 2). Именно для него характерен облик первой и третьей букв нашей краткой строчки. Четыре буквы этой надписи были прочитаны предшествен-

никами в качестве имени собственного – *š(a)rya*. Объяснить его оказалось сложно, лишь как «один из достаточно редких случаев передачи тюркским руническим письмом согдийского слова ... «лев», которое «точно калькирует столь распространенное в карлукско-караханидской среде имя-титул *arslan*» [Джумагулов, Кляшторный 1983: 81] (ср.: [Джумагулов 1987: 34]). Причины чужеродного заимствования ради передачи широко применявшегося собственно тюркского имени остались без объяснений.

Необходимость столь сложных построений отпадает полностью, если при чтении следовать известным орфографическим нормам таласской письменности. Первая (правая) руна обычно передает в ней не *š'*, а *s'*, а последний знак, как мы видели и в эпитафийных, и в наскальных надписях, играет роль завершающей отметки и не имеет звукового значения. Эти обстоятельства позволяют читать изучаемую надпись иначе, чем предлагалось тюркологами.

Транскрипция: *s(a)r(i)y {a}*.

Перевод: *(Я -) Сарыг (личное мужское имя). (Боже, услышь меня).*

Слово '*sariy*' буквально означает «желтый; бледный». В раннем средневековье оно нередко использовалось в качестве личного имени или служило частью составных мужских имен [ДТС 1969: 488].

Надписи ущелья Терек-Сай.

Рунические строки, высеченные на скале в этом ущелье, были обнаружены в 1897 г. В.А. Каллауром⁸. Тогда речь шла о двух строках из пяти и четырех букв каждая. В 1930 г. М.Е. Массон заметил там пять строк, выполненных тремя разными почерками; одна из надписей состояла из 11 или 12 знаков [Массон 1936: 7–8, 12]. Через

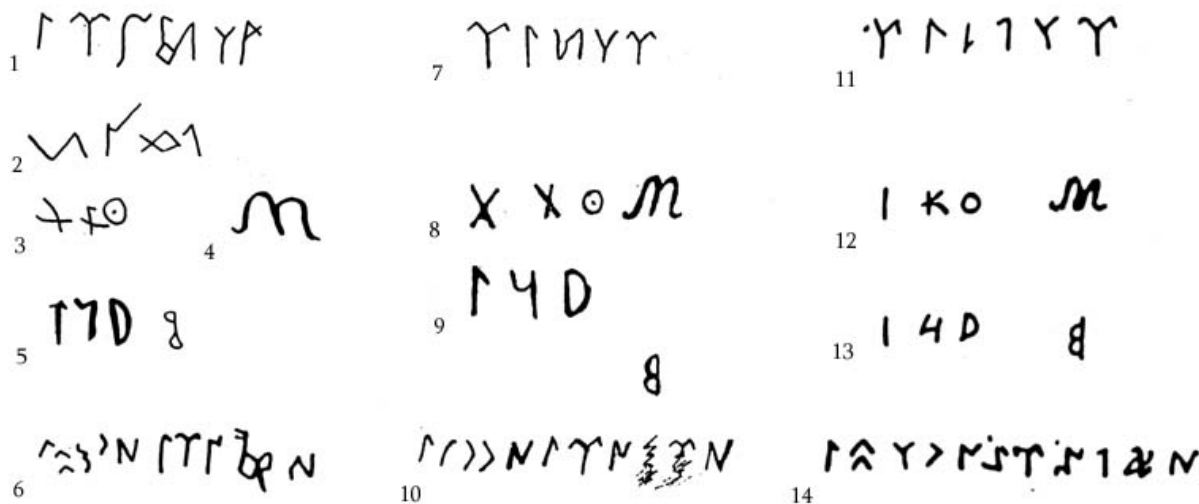

Рис. III. Надписи ущелья Терек-Сай.
(по С. Сыдыкову (1-6), Ч. Джумагулову, 1963 (7-10), Ч. Джумагулову, 1987 (11-14).
Без масштаба)

полстолетия появилось сообщение о шестой краткой надписи, найденной выше по ущелью [Джумагулов 1982: 19, табл. IV. 2]. Разобрать эти надписи пытались С.Е. Малов [Малов 1936: 27, 28] и Ч. Джумагулов [Джумагулов 1963: 32; Джумагулов 1982: 17, 18, 23-28, табл. IV. 1; Джумагулов 1987: 10], публиковались также воспроизведения С. Сыдыкова [Сыдыкова 1964: 103, 106; Батманов 1971: 7, 16]. Однако с конца XIX в. при изучении этих высоко расположенных и плохо сохранившихся граффити никто не пользовался лестницей, точных копий так и не было получено и все изданные зарисовки отличаются друг от друга (рис. 3). Даже число строк и их нумерация менялись от автора к автору. До серьезного исследования подлинников нет никакой возможности оценить и прочесть эти надписи.

Ныне, после изучения серии надписей из урочища Кок-сай, полагаю возможным обратить внимание специалистов лишь на одну строку из трех букв, которую С.Е. Малов издал под номером IV. Она воспроизведена всеми изучавшими памятник тюркологами без серьезных отличий (рис. III. 4,9,13): два первых знака не внушают сомнений, лишь вершина третьей буквы была воспринята по-разному (С.Е. Малов в наборном шрифте передал ее подобно рис. III. 9). По моему мнению, в надписи Терек-Сай IV (Т 6/4) можно опознать $j^1r^2\dot{s}^3$, т.е. слово $j(a)r(a)\dot{s}$ «приятность, красота, лучшее в человеке», четырежды встреченное нами на валунах Кочкорской долины и бывшее распространенным понятием у местных грамотеев раннего средневековья. Если исследование оригинала подтвердит предложенную транслитерацию, то рунические надписи этого ущелья пополнят перечень манихейских наскальных отметок IX–X вв.

Примечания

1. Благодарю Кубатбека Шакиевича Табалдиева за предоставленные оттиски публикаций 2001 и 2002 гг.

2. В этом случае при транскрибировании надписей он помещается мною в фигурные скобки: {а}.

3. К этому кругу памятников примыкает единственная енисейская эпитафия из Бегире (Е 11). Вопреки верной давней традиции, расценивающей в ней букву а/ä как знак препинания [Малов 1952: 29, 33], ее иногда до сих пор ошибочно воспринимают как вокативную частицу [Кормушин 1997: 270, 273].

4. Из-за неровности камня изданная фотография [Кляшторный 2002: рис. 6] не передает начала строки.

5. Сказанное не означает, что на скалы вообще не наносились манихейские изображения, см., например, рисунок сатаны: [Кызласов Л. 1999: 37, рис. 11].

6. Как видим, новые данные отвергают давний широко и категорично сформулированный вывод относительно «сравнительно слабого Кыргызского (в данном случае Древнехакасского – И.К.) государства, которое не могло занимать религиозным протекционизмом за пределами своей территории» [Кляшторный 1959: 169].

7. Как далеко на запад распространилось тюркское (северное) манихейство, отличавшееся, судя по раскопаным храмам, явными сабейскими чертами [Кызласов Л. 1998; Кызласов Л. 1999], пока сказать трудно. Абу-л-Фида (1273-1331 гг.), описывая западную часть кыпчакского объединения в северном Приаралье (т.е. до его переселения в европейские степи в середине XI в.), приводит красноречивые для нас сведения: «Куманы занимаются астрологией, пользуются показаниями звезд и поклоняются им» [Кумеков 1987: 23].

8. В одной из публикаций Ч. Джумагулова [Джумагулов 1987: 10] указан 1898 г., вопреки им же приведенным отсылкам и изданному ранее [Джумагулов 1982: 23, 24] подробному изложению истории изучения надписей в 1897 г. и позднее.

Abstract

READING OF THE RUNIC INSCRIPTIONS FROM KYRGHYZSTAN

I.L. Kyzlasov

In the article is presented a new reading and interpretation of inscriptions made in Northern Kyrgyzstan runic writing.

Литература

- Tabaldiyev, Soltobaev 2002 – *Tabaldiyev K.Sh., Soltobaev O.A.* Petroglyphs with Runic Inscriptions in the Kochkor Valley, Central Tienshan // *Silk Road Studies*, № 3. – Токио, 2002.
- Арсланова, Кляшторный 1973 – *Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // *Тюркологический сборник*. – М., 1973.
- Батманов 1971 – *Батманов И.А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1971.
- Боргояков 1960 – *Боргояков М.И.* Об одной особенности сагайского диалекта хакасского языка // *УЗ ХНИИЯЛИ*, Вып. VIII. – Абакан, 1960.
- Васильев 1983 – *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. – М., 1983.

- Воробьева-Десятковская 1988 – *Воробьева-Десятковская М.И.* Рукописная книга в культуре Центральной Азии в домусульманский период // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. – М. 1988.
- Джумагулов 1963 – *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. – Фрунзе, 1963.
- Джумагулов 1982 – *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. – Фрунзе, 1982.
- Джумагулов 1987 – *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. – Фрунзе, 1987.
- Джумагулов, Кляшторный 1983 – *Джумагулов Ч., Кляшторный С.Г.* Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо // СТ, 1983, № 3.
- Джумагулов, Кожомбердиев 1983 – *Джумагулов Ч., Кожомбердиев И.К.* Надписи и петроглифы ущелья Куру-Бакайыр // АО 1981 года. – М., 1983.
- Дмитриева 1963 – *Дмитриева Л.В.* Хуастуанифт (введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. – М.: Л., 1963.
- ДТС 1969 – *Древнетюркский словарь* / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969.
- Кефалайя 1998 – Кефалайя ("Главы"). Коптский манихейский трактат. Перевод с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. – М., 1998.
- Кляшторный 1959 – *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения, 1959, № 5.
- Кляшторный 2001 – *Кляшторный С.Г.* Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Изв. НАН КР, 2001, № 1-2.
- Кляшторный 2001-а – *Кляшторный С.Г.* Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Археологические вести, № 8. – СПб., 2001.
- Кляшторный 2002 – *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Суяб, Ак-Бешим. – СПб., 2002.
- Кормушин 1975 – *Кормушин И.В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // СТ, 1975, № 2.
- Кормушин 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпиграфии. Тексты и исследования. – М., 1997.
- Кубарев 1992 – *Кубарев В.Д.* Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск, 1992.
- Кумекон 1972 – *Кумекон Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972.
- Кумекон 1981 – *Кумекон Б.Е.* Сообщение ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма. Проблемы этнополитической истории. – Алма-Ата, 1981.
- Кумекон 1987 – *Кумекон Б.Е.* Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв.: Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата, 1987.
- Кызласов И. 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994.
- Кызласов И. 1995 – *Кызласов И.Л.* Рунические алфавиты Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек, 1995
- Кызласов И. 1997 – *Кызласов И.Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia Acad. Scien. Hungaricae, t. L, fasc. 1-3. – Budapest, 1997.
- Кызласов И. 1999 – *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии, Вып. IV. Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения. – М., 1999.
- Кызласов И. 1999-а – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА, 1999, № 4.
- Кызласов И. 2000 – *Кызласов И.Л.* Фыркальская руническая надпись и ее тамга // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. IV. – Абакан, 2000.
- Кызласов И. 2000-а – *Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского Республиканского краеведческого музея // Древности Алтая, Вып. 5. – Горно-Алтайск, 2000.
- Кызласов И. 2001 – *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии: История и культура. – М., 2001.
- Кызласов И. 2001-а – *Кызласов И.Л.* «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж, 2001.
- Кызласов И. 2003 – *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М., 2003.
- Кызласов И. 2003-а – *Кызласов И.Л.* Роль религии в развитии письменности: енисейские рунические надписи // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. – Бишкек, 2003.
- Кызласов И. 2003-б – *Кызласов И.Л.* История народа: научный поиск и магия этнонима // РА, 2003, № 2.
- Кызласов Л. 1960 – *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА, 1960, № 3.
- Кызласов Л. 1965 – *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА, 1965, № 3.
- Кызласов Л. 1998 – *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ, сер. 8: История, 1998, № 3.
- Кызласов Л. 1999 – *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов. Мани и манихейство. – М.-Абакан, 1999.
- Кызласов, Король 1990 – *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М., 1990.
- Малов 1929 – *Малов С.Е.* Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // Изв. АН СССР, VII серия: Отделение гуманитарных наук, № 10. – Л., 1929.
- Малов 1936 – *Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники // Мат. Узкомстариса. Вып. 6-7. – М.-Л., 1936.
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л., 1951.
- Малов 1952 – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.-Л., 1952.

- Массон 1936 – *Массон М.Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // *Мат. Узкомстариса.* Вып. 6-7. – М.-Л., 1936.
- Мелиоранский 1899 – *Мелиоранский П.М.* По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде // *ЗВОРАО*, т. XI. – СПб., 1899.
- Могильников 1981 – *Могильников В.А.* Кимаки // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* – М., 1981. – (Археология СССР).
- Могильников 1999 – *Могильников В.А.* Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* Вып. 2. – Тюмень, 1999.
- Могильников 2002 – *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. – М., 2002.
- Радлов 1899 – *Радлов В.В.* Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда // *ЗВОРАО*, т. XI. – СПб., 1899.
- Рогожинский, Кызласов 2004 – *Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // *КСИА РАН*, Вып. 126. – М., 2004.
- Самашев 1996 – *Самашев З.* Граффити средневековых номадов // *Вопросы археологии Западного Казахстана.* Вып. 1. – Самара, 1996.
- Стеблин-Каменский 1981 – *Стеблин-Каменский И.М.* Бактрийский язык // *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки.* – М., 1981.
- Сыдыков 1964 – *Сыдыков С.* Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай // *Материалы по общей тюркологии и дунгановедению.* – Фрунзе, 1964.
- Табалдиев, Солтобаев 1998 – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи в Кочкорской долине // *Мээрим*, № 2. – Бишкек, 1998.
- Табалдиев, Солтобаев 2001 – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // *Изв. НАН КР*, 2001, № 1-2.
- Трифонов 1987 – *Трифонов Ю.И.* Памятники средневековых кочевников // *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС.* – Алма-Ата, 1987
- Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.* Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2002, № 3 (11).

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВООРУЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕТРОГЛИФАХ КЫРГЫЗСТАНА

Ч.М. Жолдошов *

Жалтырак-Таш, Саймалы-Таш, Кок-сай, Бейрек-Булак / петроглифы / средневековье
Jaltyrak-Tash, Saymaly-Tash, Kok-Say, Beyrek-Bulak / petroglyphs / middle ages

В последние годы на территории Кыргызстана было выявлено несколько раннесредневековых наскальных изображений конных и пеших воинов. Одни из них уже известны по литературе, другие впервые публикуются в настоящей работе, в которой анализируется средневековое вооружение населения Кыргызстана по иконографическим источникам. При этом одна из задач – продемонстрировать возможность использования иконографических источников – наскальных изображений – при изучении вооружения средневековых кочевников.

В Таласской долине в урочище Жалтырак-Таш имеется группа изображений раннесредневекового времени, выполненная в технике гравировки – тонкими прочерченными острым орудием линиями изображался контур рисун-

ков; в ряде случаев внутренняя часть изображенного заштриховывалась. Среди наскальных рисунков Жалтырак-Таша зафиксировано более десятка изображений пеших и конных воинов [Шер и др. 1987: 70–78; Самашев 1992: рис. 181; Самашев 1996: рис. 2, рис. 4.1,3–5, рис. 5.1–3, рис. 6.1–3,6–8], которые изображены как в виде одиночных фигур, так и сложными группами (рис. I). Следует заметить, что практически всем жалтыракташским изображениям присуща экспрессия и «эскизность».

В урочище Саймалы-Таш встречаются разновременные изображения, в том числе характерные для 1-го тыс. н.э. [Бернштам 1997: 404–406; Ташбаева 1999: 74; Ташбаева 2004: 101]. В статье впервые публикуется прорисовка композиции с этого скопления петроглифов¹: воин-всадник со знаменем (рис. II). Публикуемое изображение всадника дано силуэтно, в технике точечной вы-

* *Жолдошов Чынарбек Маматович* – ГИМ КР. Кыргызстан, г. Бишкек,

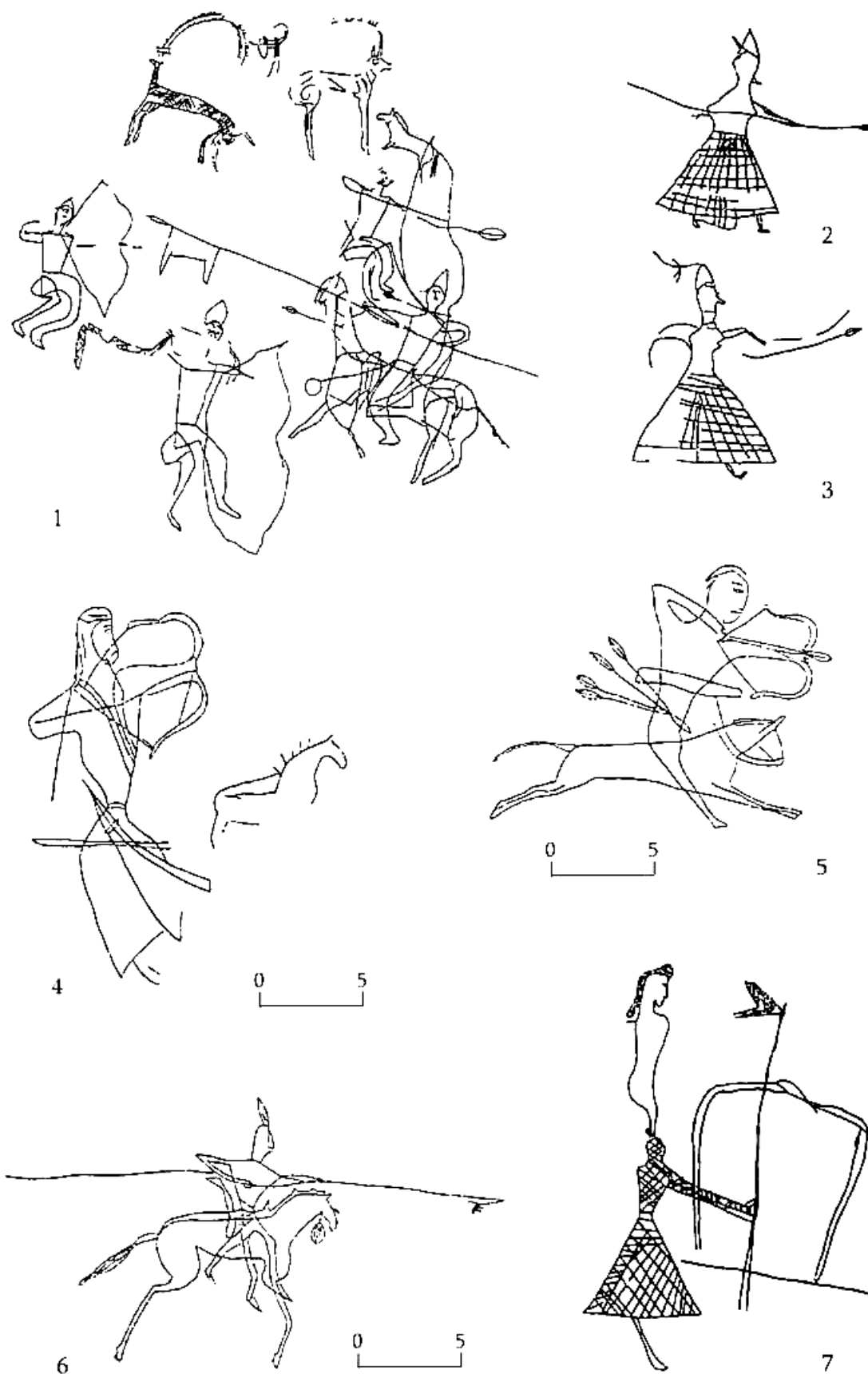

Рис. 1. Изображения батальной сцены, конных и пеших воинов
Таласская долина. Жалтырак-Таи
(по Шер и др., 1987 и Самашеву, 1996)

Рис. II. Изображение воинов со знаменем Ферганский хребет. Саймалы-Таш

бивки, поэтому детали одежды и амуниции трудноразличимы. Лошадь изображена в движения с приоткрытым ртом; на шее лошади показаны подшейные кисти. Передний воин изображен на коне с палашом в вытянутой руке. Другой рукой он, вместе со вторым персонажем, держит древко знамени. При этом второй персонаж, по всей видимости, пеший, изображен за крупом коня. Исходя из анализа отдельных деталей – рубяще-колющее оружие, знамя, подшейные кисти – изображение следует датировать средневековым периодом. Причем, подобные изобразительные композиции характерны именно для раннего средневековья [Самашев 1992: 74–781; Табалдиев, Солтобаев 2001: 68–73; Горбунов 1998: 102–127; Шер и др. 1987: 70–78; Шер 1980: 254–255].

В 1998, 2000 и 2002 гг. в Кочкорской долине в местностях Кок-сай и Бейрек-Булак выявлены изображения пяти всадников [Табалдиев, Солтобаев 2001: 68–73; Табалдиев, Жолдошов 2003: 111–136] (рис. III). По многим параметрам они близки между собой. С одной стороны, все рисунки выполнены в технике точечной выбивки с последующей протиркой. Реалии переданы с большой точностью и выразительностью. С другой – на них изображен всадник в полной экипировке с птицей на руке. Кочкорские рисунки отличаются крупномасштабностью и монументальностью: высота рисунка от 80 до 173 см, ширина – от 70 до 168 см. Рисунки сопровождалась руническими надписями и родовыми тамгами. Исходя из анализа их палеографии и содержания, они, а следовательно и рисунки, датируются VIII в. [Табалдиев 2001: 285; Табалдиев, Солтобаев 2001: 68–73]. Однако отдельные детали на коксайском рисунке – пластинчатый панцирь и крупные подвесные бляхи на подшлейфном ремне коня – должны относиться к более позд-

нему времени, чем период существования Тюркешского каганата, то есть ко времени не ранее второй пол. VIII в. [Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002: 130].

К наиболее поздним петроглифам с изображением вооруженных всадников, в том числе вооруженных копьем, относятся рисунки в Таласской долине – на скале, которая расположена на подъеме в ледниковую часть ущелья, на правом берегу р. Чиимташ, являющейся притоком реки Ур-Марал. Местное население эту местность называет Кундуз-Тор, а саму скалу с петроглифами – Чиим-Таш. На скале имеются различные рисунки, датирующиеся от эпох бронзы до кыргызского времени. Петроглифы были зафиксированы автором в 2003 г. во время работы в составе Таласского археологического отряда (рук. Б.Э. Аманбаева) [Аманбаева, Ведутова, Жолдошов 2003]. В Чиимташе изображены всадники на лошадях со знаменами и копьем. Рисунки сопровождаются различными кыргызскими родовыми тамгами. Изображения всадников и родовые тамги, судя по технике нанесения – точечной выбивке – и степени патинизации, выполнены одновременно (рис. IV. 1). Такие же по начертанию родовые знаки использовались в среде кыргызского племени саруу до XX в. и назывались ими *ай тамга* («лунные знаки») [Каратаев 2003: 99, 118]. Данный факт позволяет датировать эту часть петроглифов Чиим-Таша XVIII–XIX вв.

Значимость оружия и почтительное отношение к нему у тюркоязычных народов зафиксировано на вербальном и семантическом уровнях в эпосе. В нем имеется множество различных названий и эпитетов оружия, отражающих его свойства, качества и внешний вид. Исследователями изучались лексико-семантические и историко-этимологические аспекты их названий по материалам эпосов «Манас» и «Семетей» [Бейбутова 1995: 125–137; Айдаркулов 1983].

Отдельные иконографические аспекты изображения воинов и их вооружения в петроглифах Кыргызстана и с сопредельных территорий уже рассматривались в литературе [Шер и др. 1987: 70–78; Самашев 1992; Самашев 1996: 259–269; Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002]. В настоящей статье представлен опыт анализа изображений на наскальных рисунках отдельных категорий вооружения, сгруппированных в три блока: защитный доспех, оружие дистантного и ближнего боя, а также даются некоторые детали конской упряжи.

Защитные доспехи в рассматриваемых петроглифах представлены двумя категориями: средства защиты тела человека – панцири и кольчуги, и средства защиты головы и шеи – шлемы.

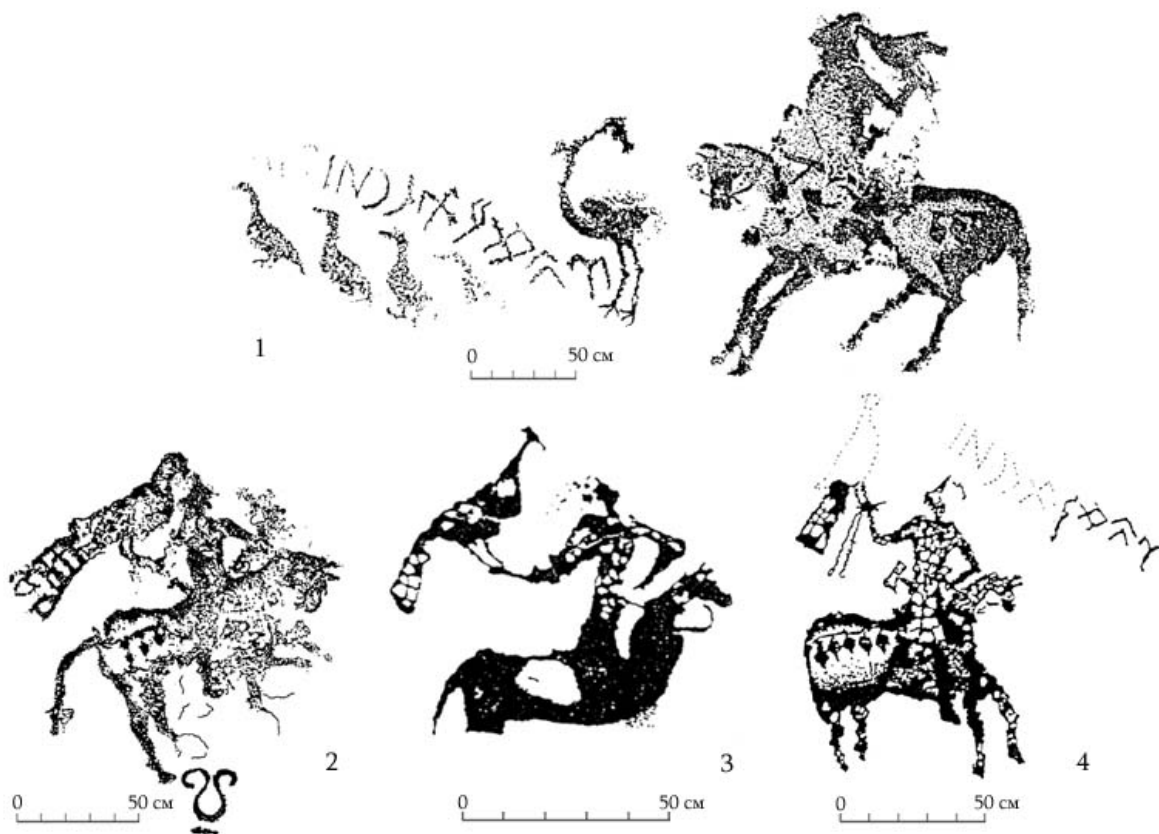

Рис. III. Изображения всадников
Кочкорская долина: Бейрек-булак (1) и Кок-сай (2–4)
(по К.Ш. Табалдиев, Жолдошев, 2003)

Панцири. В петроглифах передаются контурными и силуэтным стилями, с использованием техники точечной выбивки (в ряде случаев с последующей доработкой) и тонколинейной гравировкой. Заметим, что техника граффити позволяла передавать многие детали изображаемого.

На жалтыракташских изображениях пешие копейщики одеты в конусообразные кафтаны. Подол кафтанов обозначен штриховкой горизонтальными и вертикальными линиями (рис. I.2,3). Это дает возможность определить данную форму одежды как доспех и соотнести их с защитным доспехом воинов, упомянутом в кыргызском героическом эпосе «Манас». В нем называется, например, *Ак олпок* (Белый доспех), сшитый из хлопчатобумажной ткани высшего сорта с вкраплениями нитей из мельничной стали или железа; сверху он может быть покрыт кожей и чешуйчатыми панцирными пластинами [Айдаркулов 1983: 55–56].

На одном жалтыракташском изображении корпус персонажа с ног до головы покрыт штриховкой – косой сеткой. Вероятно, таким способом изображен сплошной защитный доспех на теле воина (рис. I. 7). Попутно заметим, что своеобразную трактовку персонажа – голова с

заплетенной сзади косой на обнаженном (?) туловище без рук, «вылетающем» из доспехов, – можно интерпретировать, по нашему мнению, как мифологическое представление средневекового мастера об образе покровителя воинов или о душе умершего героя.

В Кочкорских петроглифах корпус двух всадников покрыт прямолинейной сеткой (рис. III. 3,4). Это хорошо показано на втором изображении воина. Видимо, сетка передает широкие прямоугольные пластины панциря-куяка с подолом выше колен [Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002: 129]. Кочкорский всадник в панцире имеет черты сходства с конным воином Сулекской писаницы в Хакасии, который изображен в шлеме с плюмажем, в панцире, с разворотом корпуса анфас [Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002: 130].

Напомним, что в археологическом материале Кыргызстана защитные доспехи встречаются уже в памятниках кенкольского типа. Причем его набор весьма развит и включает комбинированные, ламелярные и чешуйчатые панцири, кольчуги, шлемы, щиты с металлической окантовкой [Кожомбердиев, Худяков 1987: 93-97; Худяков 1990: 27].

Шлемы. Изображения шлемов представлены в петроглифах Жалтырак-Таша, Кочкорки и Саймалы-Таша. В основном изображены сфероконические шлемы.

В кочкорских изображениях шлемы имеют на четырех всадниках. У одного из них (рис. III. 4), а также у пеших и конных воинов Жалтырак-Таша (рис. I. 3,6), на шлемах показано коническое навершие с плюмажем. Сфероконические шлемы изображены у обоих саймалыташских персонажей (рис. II). Причем сделаны они, судя по характеру изображений, из металлических пластин.

В Кыргызстане в археологических памятниках древнетюркской культуры шлемы пока не найдены. Но два сфероконических шлема, обнаруженных случайно, хранятся в фондах ГИМ КР. Один из них бронзовый, цельнолитой и относится к сакскому времени (VI–III вв. до н.э.). А второй шлем изготовлен из железа, датируется эпохой позднего средневековья и относится к защитному вооружению кыргызских воинов [Худяков, Табалдиев 2001: 101–106].

Таким образом, иконографические памятники однозначно указывают на бытование этого вида защитного вооружения и дополняют археологические данные.

Оружие дистантного боя в рассматриваемых петроглифах представлено луками со стрелами у пяти жалтыракташских воинов. На изображениях пеших и конных лучников Жалтырак-Таша достаточно четко показаны сложные М-образные луки с загнутыми концами (рис. I. 1,4-5). Причем у пеших воинов в батальной сцене показаны большие луки, по длине близкие к росту человека (рис. I.1), а на одиночных изображениях – туго натянутые относительно небольшие (несколько длиннее половины человеческого роста) луки (рис. I.4-5). В жалтыракташских петроглифах хорошо показано использование пешими воинами луков и в ближнем бою (рис. I.1).

По мнению исследователей, М-образные луки широко использовались кочевниками с 1-го тыс. н.э. В археологических материалах с территории Кыргызстана имеются костяные накладки и их фрагменты от сложносоставных луков I–IX вв., которые позволили реконструировать их форму и размер [Кожомбердиев, Худяков 1987: рис. 1. 2; Табалдиев 1996: рис. 10. 2].

В петроглифике Кыргызстана имеются изображения более простых луков – дугообразно изогнутых [Зима 1958: рис. 2; Tashbayeva 2001: fig. 45, fig. 71-a, fig. 93; Табалдиев и др. 2000: рис. 1]. При этом, как правило, они показаны в сценах охоты и зачастую с гипертрофированно длинными стрелами.

В наскальных рисунках Кыргызстана известно изображение лука в налучии на той же жал-

тыракташской скале [Гапоненко 1963: рис. 11].

Стрелы. В рисунках Жалтырак-Таша они показаны с демонстративно выделенными наконечниками листовидных и ромбических очертаний с продольным ребром посередине (рис. I. 1,5).

В одном случае показаны стрелы как бы торчащие из колчана (рис. I. 5). Они изображены наконечниками вверх. И хотя они даны на переднем плане в районе пояса одиночной фигуры всадника, скачущего вправо, то есть как бы с правой стороны персонажа, однако их наклон и фактическое отсутствие изображения колчана позволяют считать, что таким своеобразным приемом изображено левостороннее крепление колчана со стрелами. Аналогичный прием изображения мы видим и у персонажа из Булолу (Алай) – на боку лучника-охотника видны концевые части древков стрел с раздвоенными ушками и оперением округлых очертаний [Табалдиев и др. 2000: 88, рис. 1; Табалдиев, Жолдошов 2003: рис. 17. 1].

Оружие ближнего боя представлено несколькими различными категориями: рубяще-колющее оружие (палаш, сабля), рубящее (топоры) и колющее (копья). К оружию ближнего боя следуют также отнести, по нашему мнению, арканы (лассо).

Рубяще-колющее оружие. В петроглифах конкретный вид рубяще-колющего оружия (меч, сабля, палаш) не всегда возможно определить и такое определение требует обоснования. Заметим, что в кыргызском языке рубяще-колющее оружие обозначается одним термином – *кылыч* [Бейбутова 1995: 132].

В рассматриваемых петроглифах рубяще-колющее оружие показано у изображений двух воинов – саймалыташского и жалтыракташского. Так, у саймалыташского всадника оружие показано с прямым однолезвийным клинком, заканчивающимся остроугольным окончанием; черенок рукояти прямой, без перекрестья (рис. II). Указанные черты характерны для палашей [Худяков, Плотников 1995: 94]. Судя по начертанию саймалыташское рубяще-колющее оружие близко к кенкольским палашам. Заметим, что по сечению клинка кенкольские палаша относятся к группе трехгранных типов и соответствуют вооружению второй четверти 1-го тыс. н.э. [Кожомбердиев, Худяков 1987: 88–91].

Во втором случае рубяще-колющее оружие показано у пешего воина-лучника на перевязи на левом боку (хотя мы видим его у персонажа справа. Однако изгиб лезвия и проходящая рядом линия, передающая полу халата, указывают на левую сторону. А мы видим его в правой части в связи со своеобразной манерой

передачи пространства) (рис. I. 4). Здесь клинок рубяще-колющего оружия показан круто изогнутым с кососрезанным прямым окончанием, т.е. изображена сабля.

Рубящее оружие (топоры). На правом боку, как бы за поясом, одного из изображений коксайских воинов-всадников показан высокообушный боевой топор на прямой рукояти (рис. III. 4). Еще на двух кочкорских изображениях в аналогичном месте мы замечаем трудно-различимые изображения выступающих частей (рис. III. 1–2), которые можно принять за частично сохранившиеся изображения топора или рукоять палаша или сабли [Худяков, Табалдиев 2002: 129].

Высокообушный топор был найден при раскопках древнетюркских тосорских погребений.

Арки. На жалтыракташской батальной сцене у всадника от пояса вперед и несколько вниз изображена прямая тонкая линия, оканчивающаяся небольшой окружностью (рис. I. 1). Мы считаем, что данный элемент рисунка можно трактовать как изображение аркана, что в свою очередь указывает на применение всадниками в битве арканов.

Колющее оружие (копья). В петроглифах Кыргызстана копья представлены начиная с эпохи раннего средневековья и вплоть до этнографической современности.

Среди рисунков Жалтыракташа имеется несколько изображений всадников, вооруженных копьем (рис. I. 1–3,6). В батальной сцене изображены конный копейщик, сражающийся с пешими лучниками. Противопоставление конного копейщика пешим лучникам, очевидно, отражает основные воинские традиции, характерные для тюрков и их противников [Горбунов 1998: 126]. На рассматриваемом рисунке всадник обоими руками держит копье, к древку которого прикреплено полотнище знамени. Копье показано в боевом (горизонтальном) положении на уровне груди (рис. I. 1). Такими же копьями со знаменем вооружены кыргызские конные воины на Сулекской писанице, датируемой VI–XII вв. [Евтюхова 1948; Худяков 1998: 57]. Аналогично изображение одиночной фигуры всадника-копейщика. Правда, к древку его копья прикреплено не полотнище знамени, а вымпел или небольшой бунчук (рис. I. 6). Пешие одиночные воины также запечатлены с копьями в руках (рис. I. 2–3). Но их копья показаны более короткими и без дополнительных элементов. Во всех случаях изображены ромбовидные наконечники копий.

На одном из чиимташских рисунков передано сражение с участием всадника-копейщика (рис. IV. 2). Несмотря на большой схе-

матизм, присущий чиимташским петроглифам, изображение строится по традиционной схеме – копье держится в горизонтальном положении (параллельно корпусу коня) в двух руках. У второго чиимташского копейщика (рис. IV. 1) эта схема нарушена – гипертрофированно длинное копье изображено идущим наклонно вверх и из одной руки, от которой оно и начинается. Наконечники на чиимташских копьях подтреугольные.

Рис. IV. Изображения всадников-копейщиков
Таласская долина. Чиим-Таш

Возможно, копье с двукосым бунчуком изображено в руках еще одного жалтыракташского персонажа (рис. I. 7). Длина копья близка высоте воина. Оно изображено в вертикальном положении; наконечник не обозначен. Впрочем,

изображенная на заднем фоне дугообразная фигура, переданная двойной линией, опирающаяся на горизонтальную одинарную, допускает иное осмысление этих элементов рисунка – туго натянутый лук с тетивой и лежащая на нем стрела. Учитывая, что в наскальных рисунках перспектива не используется, а нарушение масштаба встречается достаточно часто, второе толкование выглядит более предпочтительным.

Заметим, что кыргызские обычаи предписывали сражения на копьях во время тризны и пира. В жизни кочевников этот обычай *эр сайыш*, как и наличие копий в воинском снаряжении, существовал до начала XX в. [Абрамзон 1999: 560].

Флаги, бунчуки. Среди рассматриваемых петроглифов Жалтырак-Таша и Саймалы-Таша показаны, как уже указывалось, копьё с полотнищами знамен и бунчуком (рис. I. 1,6–7; рис. II). В жалтыракташской батальной сцене к древку копья, изображенному горизонтально, присоединено прямоугольное полотнище с двумя косицами (рис. I. 1). А в саймалыташском рисунке изображено прямоугольное полотнище, расположенное перпендикулярно вертикальному древку, с тремя косицами (рис. II). В целом саймалыташскую композицию можно интерпретировать как охрану знамени во время боевых действий. Бунчук, как отмечалось выше, изображен на конце копья жалтыракташского одиночного всадника-копейщика (рис. I. 6).

Аналогичные знамена с двумя или более косицами зафиксированы в петроглифах Казахстана, Прибайкалья и других районов тюркской ойкумены [Худяков 1991: рис. 6. 2,4; Максимова, Самашев 1992: рис. 180; Ермолаев, Марьяшев 1985; Марьяшев, Рогожинский 1991].

В китайских средневековых сочинениях имеются сведения об использовании кыргызами и другими древнетюркскими племенами знамен в сражениях [Бичурин 1950: 352; Караев 1994: 6]. Знамена служили для передачи сигнала

лов на расстоянии и ориентировки в ходе конного боя, когда из-за пыли, поднятой копытами лошадей, трудно было отличать своих воинов от воинов противника [Худяков 1991: 17].

Если письменные, этнографические и фольклорные источники сообщают много разнообразной информации по цвету знамени, то изобразительные источники добавляют данные о форме знамен. Также петроглифы иллюстрируют «правила» ношения знамени при «парадных выездах» и в походном положении [Самашев 1992: 174].

Снаряжения коня. В анализируемых петроглифах эпохи средневековья показаны предметы конской упряжи, в том числе седла, потники, подхвостные ремни, узды, подшейные кисти и другие элементы (рис. I. 1,6; рис. III. 1,2,4). Так, на спинах двух жалтыракташских верховых коней изображены седла дугообразной формы с высокими передними дугами и низкими задними (рис. I. 1,6). Аналогичные седла были найдены в ходе археологических раскопок могильника Беш-Таш-Короо II во Внутреннем Тянь-Шане, которые по ряду признаков отнесены ко второй половине I-го тыс. н.э. [Табалдиев 1996: 35, рис. 20.3].

В кочкорских петроглифах на задней части лошади показан ремень подхвостника со свисающими украшениями ромбической формы (рис. III.1,2,4). В археологических материалах подобные элементы пока не выявлены.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что средневековые петроглифы на территории Кыргызстана иллюстрируют, а в ряде вопросов дополняют информацию о воинском снаряжении кочевого населения.

Примечания

1. Прорисовка этого изображения находится в ГИМ КР.

Abstract

THE WEAPONS ON THE MIDDLE AGES PETROGLYPHS OF KYRGYZSAN

Ch.M. Djoldoshov

In the article author considers and analyzes the weapons on the Middle Ages petroglyphs of Kyrgyzstan.

Литература

- Абрамзон 1999 – *Абрамзон С.М.* Кыргыз Жана Кыргызстан тарыхы боюнча тадалма эмгектер. – Бишкек, 1999.
Айдаркулов 1983 – *Айдаркулов К.А.* Некоторые виды вооружения у киргизов в эпосе «Семетей» // Культура и искусство Киргизии. ТД, Вып. 2. – Л., 1983.
Аманбаева, Ведутова, Жолдошов 2003 – *Аманбаева Б.Э., Ведутова Л.М., Жолдошов Ч.М.* Научный отчет о полевых исследованиях Таласского археологического отряда КАЭЭ за 2003 г. – Бишкек, 2003.

- Бейбутова 1995 – *Бейбутова Р.А.* К истории названий оружия киргизского воина в эпосе «Манаса» // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.
- Бернштам 1997 – *Бернштам А.Н.* Наскальные изображения Саймалы-Таш // Избранные произведения по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. – Бишкек, 1997.
- Бичурин 1950 – *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. – М., 1950.
- Гапоненко 1963 – *Гапоненко В.М.* Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.
- Горбунов 1998 – *Горбунов В.В.* Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верховного коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998.
- Евтюхова 1948 – *Евтюхова Л.А.* Археологического памятника енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948.
- Зима 1958 – *Зима Б.М.* Из истории изучения наскальных изображений Киргизии // ТИИ АН КиргССР, Вып. IV. – Фрунзе, 1958.
- Караев 1994 – *Караев О.* Восточные авторы о кыргызах. – Бишкек, 1994.
- Каратаев 2003 – *Каратаев О.К.* Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. – Бишкек, 2003.
- Кожомбердиев, Худяков 1987 – *Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосиб., 1987.
- Максимова, Ермолаева, Марьяшев – *Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата, 1985.
- Марьяшев, Рогожинский 1991 – *Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.* Наскальные изображения в горах Ешкюльмес. – Алма-Ата, 1991.
- Самашев 1992 – *Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата, 1992.
- Самашев 1996 – *Самашев З.С.* Граффити средневековых кочевников // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996.
- Табалдиев 1996 – *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996.
- Табалдиев 2001 – *Табалдиев К.Ш.* Кокор ороонундогу байыркы турк руникалык жазуулары // Manas Universitesi. Sosyal bilimler Dergisi. Vol. 2. – Bishkek, 2001.
- Табалдиев и др. 2000 – *Табалдиев К., Бозер Р., Москалев М., Солтобаев О.* Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: Археология, новое время, культурогенез, этногенез / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана, Вып. 4. – Бишкек, 2000.
- Табалдиев, Жолдошов 2003 – *Табалдиев К.Ш., Жолдошов Ч.М.* Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // Manas Universitesi. Sosyal bilimler Dergisi. Vol. 7. – Bishkek, 2003.
- Табалдиев, Солтобаев 2001 – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. НАН КР, 2001, № 1-2.
- Ташбаева 1999 – *Ташбаева К.И.* Новые исследования Саймалы-Таша // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана, Вып. 2. – Бишкек, 1999.
- Ташбаева 2004 – *Ташбаева К.И.* Памятники Кыргызстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. – Алматы, 2004.
- Худяков 1990 – *Худяков Ю.С.* Оружие как показатель взаимодействия кочевых культур Центральной Азии в эпоху «Великого переселения народов» // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосиб., 1990.
- Худяков 1991 – *Худяков Ю.С.* Вооружения Центрально-Азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосиб., 1991.
- Худяков 1998 – *Худяков Ю.С.* Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосиб., 1998.
- Худяков, Плотников 1995 – *Худяков Ю.С., Плотников Ю.А.* Рубяще-колющее оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.
- Худяков, Табалдиев 2001 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.* Шлемы, найденные на территории Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии, 2001, № 1 (5).
- Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.* Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии, 2002, № 3 (11).
- Шер 1980 – *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980.
- Шер и др. 1987 – *Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С.* Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово, 1987.
- Tashbayeva 2001 – *Tashbayeva K.* Petroglyphs of Kyrgyzstan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek, 2001.

О НОВОПОКРОВСКИХ ГОРОДИЩАХ

В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт

Новопокровские городища / Чуйская долина / средневековье
Novopokrovskoe ancient sites / Chu valley / middle ages

В археологической литературе сложилось представление, что средневековые городища в Чуйской долине расположены своеобразными группами – «городище с длинными стенами» и окружающие его «городища округи». С целью проследить взаимодействие компонентов таких групп была намечена программа исследования, объектом которого была выбрана Новопокровская группа. Настоящая статья является историографической частью этого исследования.

Первые сведения о памятниках средневековья в районе села Новопокровка приводятся В.Д. Городецким в связи с находкой местными жителями серебряных сосудов¹ [Городецкий 1926: 77–78]. Непосредственно о поселениях В.Д. Городецкий не сообщает.

В 1929 г. А.И. Тереножкин во время археологической разведки в Чуйской долине описал Новопокровское II городище и нанес его на составленную им же карту памятников долины. Исследователем, вероятно, были также получены расспросные сведения о Новопокровском I городище, вследствие чего на упомянутой карте (рис. I) севернее окраины села помещен соответствующий символ со знаком вопроса вместо порядкового номера памятника [Тереножкин 1929: л. 166].

В следующем, 1930 г., А. Виноградова и М.В. Воеводский – сотрудники палеоэтнологической экспедиции АИМК – исследуют северную окраину села, где выявили три городища (по П.Н. Кожемяко – Новопокровские I, III и IV),

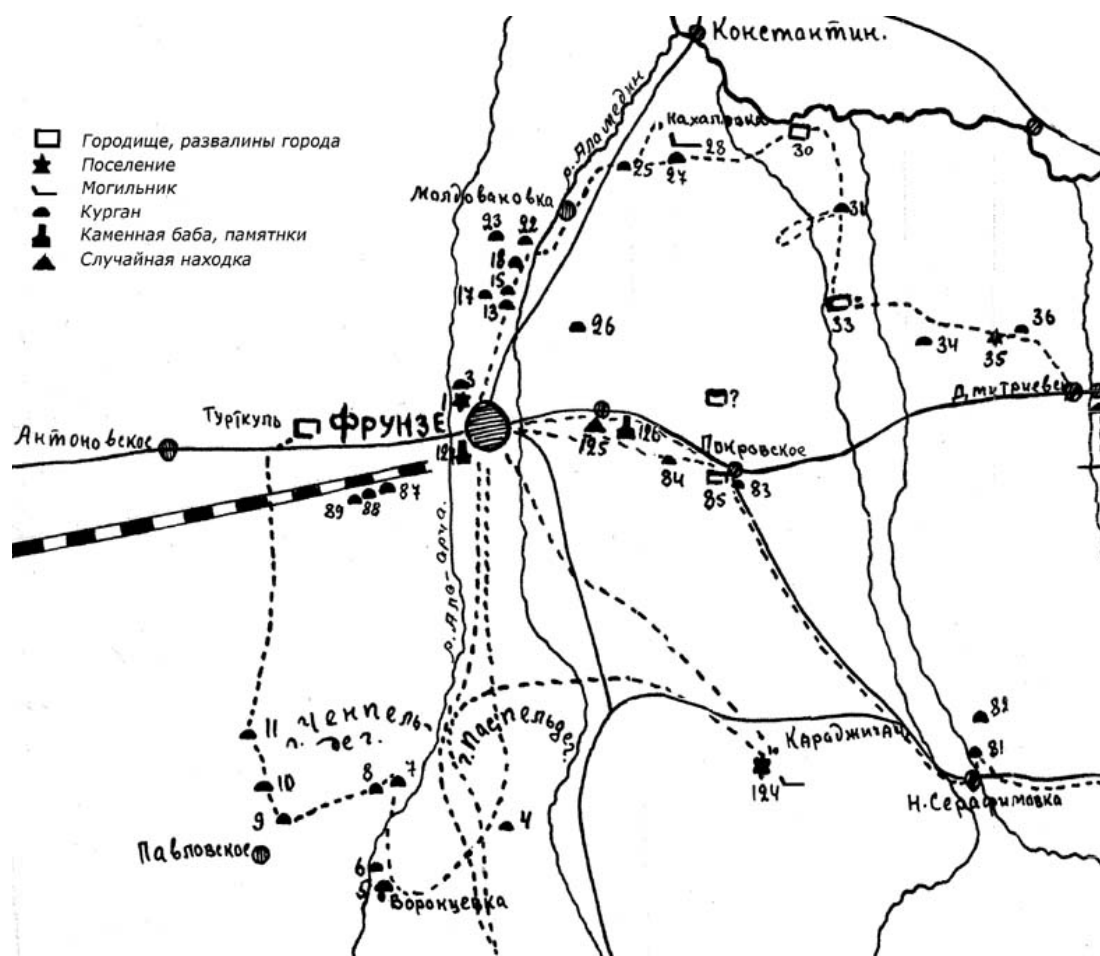

Рис. I. Фрагмент карты археологических памятников Чуйской долины, составленной А.И. Тереножкиным в 1929 г.

составили их описание и схематические глазомерные планы (рис. IV–V). Однако основное внимание исследователей в 1930 г. было сосредоточено на изучении некрополя к югу от села (см. ниже). В доступных материалах этих исследователей осмысления компактного размещения синхронных памятников на ограниченной территории нет [Виноградова, Воеводский 1930]², но надо иметь в виду, что данные материалы – лишь разрозненные страницы полевых дневников.

Рис. II. Фрагмент карты средневековых городищ Чуйской долины, составленной П.Н. Кожемяко (1959)
Городища Ключевское (1), Гроздненское (2), Чумышское I (3), Краснореченское (4), Новопокровское I (5), Новопокровское II (6), Новопокровское III (7), Новопокровское IV (8), Новопокровское V (9)

В 1952–1955 гг. П.Н. Кожемяко в числе памятников городской культуры Чуйской долины описал и снял схематические планы средневековых поселений в районе села. Им зафиксировано пять городищ; на них были заложены шурфы и собран подъемный материал. Это позволило исследователю предложить датировку объектов и определить ядро – «городище с длинными стенами» (Новопокровское I), и периферию – «городища округи» (Новопокровские II–V) (рис. II) [Кожемяко 1959: 107–111, 141–144].

В 1960-х гг., во время строительства здания Дома культуры на территории Новопокровского II городища, С.С. Ревой – руководителем школьного краеведческого кружка – был обнаружен комплекс буддийских предметов³. Это дало основание В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой предположить, что объект («торткуль» по терминологии исследователей) является «буддийским монастырем»⁴ [Горячева, Перегудова 1996: 183].

В связи с сооружением Дома культуры и проведением аварийных работ на нем, на городище было выполнено несколько геологических шурфов, давших некоторую информацию и для археологии [Отчет 1980]⁵.

В 2000–2001 гг. археологический отряд Института истории НАН КР под руководством одного из авторов настоящей статьи провел в районе села археологическую рекогносцировку и на Новопокровском I городище выполнил ряд разведочных раскопов на территории между стеной шахристана и внешней стеной городища, а также произвел археологический разрез последней [Кольченко 2002–б]. Исходя из результатов проведенных работ можно констатировать, что в настоящее время микрорельеф в районе с. Новопокровка сильно изменен антропогенной деятельностью, особенно интенсивной в 1970–1980 гг. Вследствие этого о многих особенностях памятников можно судить лишь на основании описаний и планов М.В. Воеводского – А. Виноградовой, А.И. Тереножкина и П.Н. Кожемяко.

Вопрос об отождествлении Новопокровских городищ с известными по средневековым письменным источникам городами поднимался в научной литературе несколько раз. Так, на карте в монографии К.М. Байпакова все средневековые городища в районе села маркируются единственным символом «городок» и отождествляются с Кирмирау письменных источников [Байпаков 1986: 129, рис. 49]. Какой-либо аргументации при этом исследователем не приводится.

В.Д. Горячева и С.Я. Перегудова Новопокровские городища отождествляют с «Пакапом», названным в одной из надписей на венчике хума и, исходя из титулатуры в этой надписи – со «столицей тюркского (тюркешского) кагана» [Горячева 1988: 56–57; Горячева, Перегудова 1996: 183]. Но находка артефакта с надписью топонима на нем является слабым аргументом для отождествления. Следует заметить, что В.А. Лившиц, изучавший надпись, отмечает отсутствие упоминания селения или города с названием Пакап в арабо-персидских источниках. Тем не менее, он не сомневается, что надпись свидетельствует об одной из «сог-

дийских колоний в Чуйской долине (возможно, пригороде Сарыга)» [Лившиц 1989: 82–83]. Впрочем, им же, в связи с исследованием 1973 года наскальных согдийских надписей Таласской долины, допускается его сближение с одним Семиреченским топонимом в сочинении Макдиси, который следует читать как *Бакабкет* вместо предложенного ранее С.Л. Волиным чтения *Яганкет* [Лившиц 2005: 52, прим. 4; Волин 1960: 81].

Такова история изучения этого средневекового комплекса.

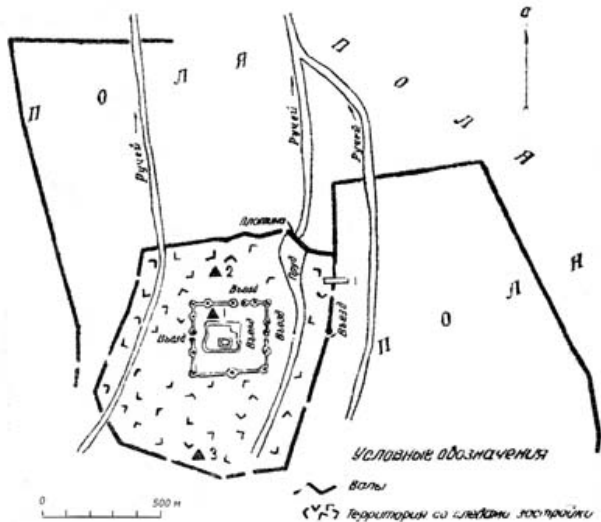

Рис. III. План Новопокровского I городища (по П.Н. Кожемяко, 1959)

Новопокровское I городище (рис. III, рис. VI. 1), как указывалось выше, расположено на северной окраине села⁶. Первое его описание, выполненное в 1930 г. А. Виноградовой [Виноградова, Воеводский 1930: л. 1–2], мало информативно. Городище, исходя из описания П.Н. Кожемяко и личных наблюдений, несколько нетипично для Чуйской долины – цитадель расположена в центре шахристана, в то время как у большинства городищ она примыкает к стене шахристана, часто в одном из его углов. Цитадель имеет небольшой «двор», размерами 150 x 120 м, названный П.Н. Кожемяко «маленьким шахристаном». Высота его стен – 6,5–7 м. Сама цитадель, высотой 8,5 м, расположена в южной части «двора» с некоторым смещением к востоку. Собственно шахристан – «третья часть городища» по П.Н. Кожемяко – представляет собой почти правильный прямоугольник размерами 300 x 320 м, ориентированный сторонами по странам света. Высота его стен, зафиксированная исследователем, составляла 3,5–4 м. Над внутренней поверхностью шахристана они возвышались на 1,5 м. По углам находились мощные башни, диаметром до 20 м в оплыве, возвышавшиеся над уровнем стен до 2 м. В трех стенах, кроме южной, располагалось

еще по четыре башни. Между двумя центральными П.Н. Кожемяко помещал въезды. Южная стена была глухой. Раскопок фортификационных сооружений в 1950-е гг. не производилось.

К настоящему времени сохранились лишь южная и небольшой отрезок примыкающей к ней восточной стены. Западная, северная и частично восточная стены шахристана уничтожены. Поверхность шахристана и цитадели сильно деформирована в результате размещения на их территории строений войсковой части [Кольченко 2001].

Вокруг стен шахристана находилась еще одна, внешняя линия стен, образующая неправильный четырехугольник, периметром 3–4 км. Уже в 1950-е гг. она во многих местах была прервана. В настоящее время ее можно проследить лишь в западной и южной частях. Примечательно, что эта внешняя линия стен отделена от шахристана с восточной и западной сторон глубокими оврагами и заболоченной местностью – территория изобилует ключами. Вероятно, именно об оврагах в 1930 г. А. Виноградовой была написана фраза: «Ров находится с внутренней стороны вала, между валом и площадью городища» [Виноградова, Воеводский 1930: л. 1]. Исходя из результатов наших исследований 2001 г., можно предположить, что территория между внешней стеной и шахристаном с западной (и восточной-?) стороны была свободной от застройки [Кольченко 2002–6].

На плане и в описаниях П.Н. Кожемяко отмечаются также отдельные отрезки т.н. «длинных стен», находящихся к северо-западу и востоку от внешней линии стен. В настоящее время они не прослеживаются.

На основании материалов трех шурфов, прежде всего керамики из них, Новопокровское I городище было датировано П.Н. Кожемяко VII–XII вв. [Кожемяко 1959: 107–111].

В 1,5–2 км к западу от Новопокровского I отмечено еще два городища, расположенных, по данным М.В. Воеводского, на расстоянии 250 м друг от друга.

Городище, расположенное дальше от села, названо П.Н. Кожемяко Новопокровским III (по М.В. Воеводскому – Новопокровское II) (рис. IV, рис. VI. 3). С трех сторон, кроме восточной, оно было окружено рвом, шириной 10–12 м, глубиной до 1,2 м; с восточной стороны примыкал болотистый лог (М.В. Воеводский фиксирует ров шириной от 8 до 15 м и глубиной до 1,5 м со всех сторон городища. По дну восточного отрезка рва, по его описанию, протекает ручей, берущий начало из родника в южной части и имеющий сток в северо-восточном углу). Стены городища образуют прямоугольник, ориентированный сторонами по странам света, размерами 235 x 230 м (по М.В. Воеводскому –

195 x 185 м). Стены, высотой 1,8 м и шириной по оплыву 14 м (по плану М.В. Воеводского – 4 и 12 м соответственно), были усилены башнями, располагавшимися по углам. В северной стене П.Н. Кожемяко отмечает проезд, укрепленный с двух сторон башнями; проезды в южной и западной стенах дополнительных фортификационных сооружений не имели. М.В. Воеводский, отмечая разрывы в южной и западной стенах, назвал их «небольшими выемками арыков». В юго-западной части городища П.Н. Кожемяко отмечает возвышенность, на которой располагалась овцеферма. Остальная часть городища – без существенных всхолмлений. М.В. Воеводский подчеркивал ровный характер поверхности городища. В 1930 г. раскопочных работ не производилось [Виноградова, Воеводский 1930: л. 3–4]. В 1950-х гг. П.Н. Кожемяко заложил два шурфа, один из которых, у юго-западной возвышенности, выявил культурный слой мощностью до 1 м, не давший, однако, артефактов. Материалы, полученные П.Н. Кожемяко, частично опубликованы в его монографии [Кожемяко 1959: 143].

Городище, расположенное ближе к селу, названо П.Н. Кожемяко Новопокровским IV (по М.В. Воеводскому – Новопокровское III) (рис. V, рис. VI. 4). Его размеры – 300 x 440 м (по М.В. Воеводскому – 270 x 350 (=225+125)). Оно ориентировано стенами по странам света с небольшим отклонением. М.В. Воеводский фиксирует высоту стен в 0,75–1 м при толщине по оплыву 8–10 м. П.Н. Кожемяко отмечает усиленный двумя предвратными башнями въезд в восточной части южной стены. В западной ее части исследователь отмечает два ступенчато расположенных прямоугольных уступа по 12 м каждый. Западная стена к 1950-м годам не сохранилась. По описанию и план-схеме М.В. Воеводского в восточной части южной стены⁷ отмечается десятиметровый выступ длиной 75 м. Более того, по М.В. Воеводскому, к южной стене городища примыкает «ровик». Въезда он не отмечает. По П.Н. Кожемяко, большая часть пространства городища не имеет культурных наслоений. Шурф, заложенный на одном из двух отмеченных в восточной части городища холмов (высотой 1,5 м при диаметре до 80 м), выявил культурный слой мощностью 1,2 м. В раскопе обнаружены фрагменты керамики, в большинстве случаев гончарной, битого жженого кирпича (30 x 30 x 4,5–5 см) и фрагмент стеклянного изделия [Виноградова, Воеводский, 1930, л. 5–6; Кожемяко 1959: 143].

Другое городище впервые было зафиксировано П.Н. Кожемяко и названо Новопокровским V (рис. VI. 5). Оно расположено в 3–3,5 км севернее Новопокровского I. Прямоу-

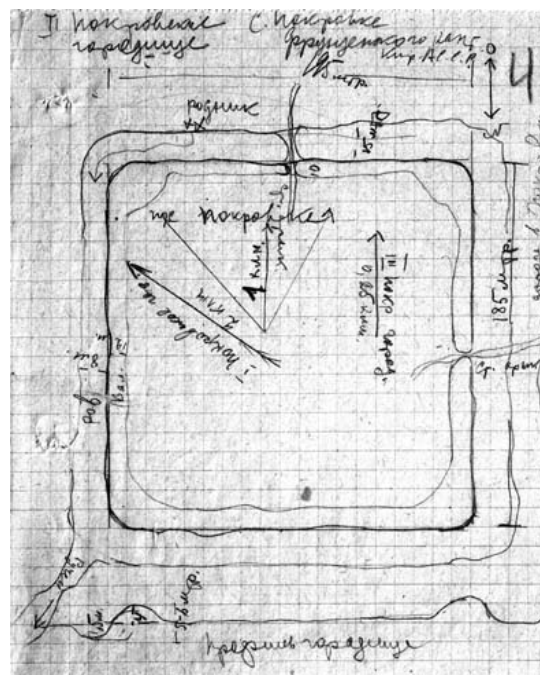

Рис. IV. План Новопокровского III городища
Лист полевой документации В.М. Воеводского (1930)

гольное в плане, размерами 370 x 380 м, ориентировано сторонами по странам света. Стены сохранились на высоту 1,5–2,5 м при ширине в оплыве 12–14 м. П.Н. Кожемяко, за исключением «высокого холма» в середине восточной стены, названного им «небольшой цитаделью», дополнительных фортификационных сооружений не отмечает. Высота холма – 4 м, диаметр по основанию – 30 м. Поверхность внут-

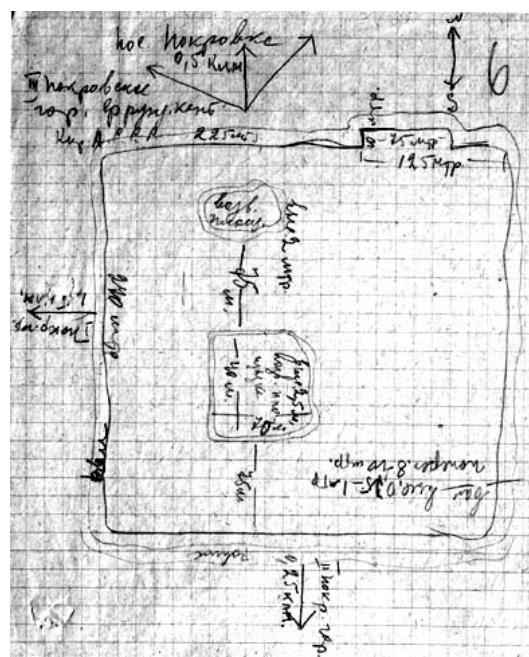

Рис. V. План Новопокровского IV городища
Лист полевой документации В.М. Воеводского (1930)

ри стен городища ровная и не возвышается над окружающим рельефом. Лишь в центре П.Н. Кожемяко отмечает несколько небольших холмов. На «цитадели» был заложен шурф, прорезавший завал пахсы и сырцового кирпича (21 x 21 x 9 см; 25 x 25 x 9 см). Шурф выявил также наличие обломков жженого кирпича, фрагментов сероглиняной черепицы, изготовленной на матерчатом шаблоне, и небольшое количество фрагментированной керамики, что позволило исследователю датировать городище X–XII вв., экстраполировав данную датировку на два вышеописанных городища [Кожемяко 1959: 144].

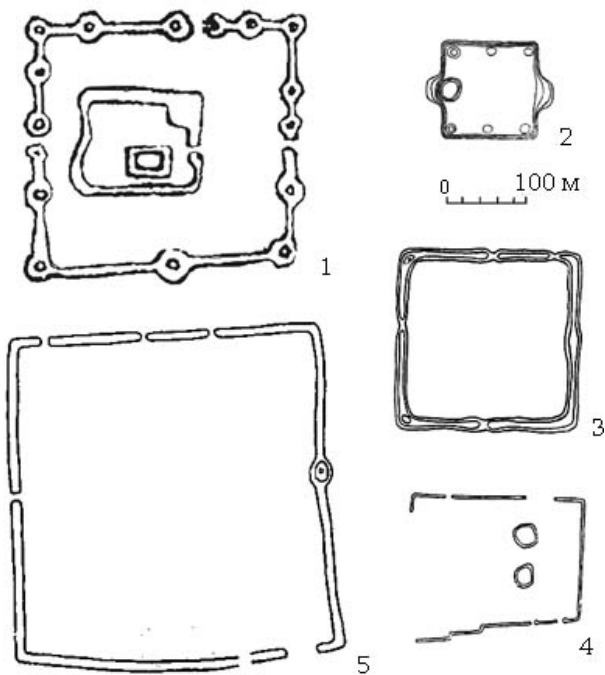

Рис. VI. Планы Новопокровских городищ
Новопокровское I городище, центральная часть (1),
Новопокровские II (2), III (3), IV (4), V (5) городища
(по П.Н. Кожемяко, 1959)

Новопокровское II городище, расположено в 2,5–3 км на юго-юго-запад от Новопокровского I, в центре села, на 11-м км трассы Бишкек–Токмак (рис. VI.2). Впервые городище описано А.И. Тереножкиным в 1929 г., а в 1950-е гг. – П.Н. Кожемяко. Городище, подквадратное в плане, размерами 120 x 120 м, ориентировано сторонами по странам света. Его стены возвышались на 4,5–6 м над окружающим рельефом и незначительно над внутренней поверхностью. По углам – слабо выраженные башни. В центре западной стены П.Н. Кожемяко были зафиксированы «остатки небольшой цитадели», высотой до 2 м, диаметром 30 м. К западу исследователь помещает пандусный въезд. Второй аналогичный въезд П.Н. Кожемяко отмечен в центре восточной стены. Эти выступы за линию стен А.И. Тереножкин интер-

претирует иначе: «На серединах меридиональных сторон выступают бугры башен». При этом исследователь не отмечает наличия въездов вовсе. А.И. Тереножкин сообщает, что во время восстания 1916 г. местные жители, укрывшись на территории городища, «обрыли стены крепости в целях защиты от повстанцев», тем самым внося изменения в микрорельеф городища. В 1929 г. эти следы были «хорошо заметны». Аналогичные «местные предания» слышали и мы во время работ на городище. Внутреннее пространство, согласно описаниям А.И. Тереножкина и П.Н. Кожемяко, слегка всхолмлено. На плане П.Н. Кожемяко показано по три возвышения (/ углубления – ?) вдоль северной и южной стен. Заложенный П.Н. Кожемяко в северо-западном углу шурф выявил культурный слой мощностью 5,6 м. В верхних 4,5 м зафиксированы фрагменты глазурованной керамики белого, светло-зеленого, коричневого цвета и жженный кирпич. При этом отмечено доминирование станковой керамики. На основании полученных материалов слой датируется П.Н. Кожемяко X–XII вв. Нижний слой, мощностью около 1 м, с преобладанием лепной керамики, датируется исследователем VIII–IX вв. [Тереножкин 1929: л. 130; Кожемяко 1959: 141–142]. Таким образом, П.Н. Кожемяко считает данное городище синхронным по времени Новопокровскому I.

В настоящее время с севера, востока и юга внешние оплывы городища подрезаны современными постройками, с запада – асфальтированной дорогой. В центральной части городища находятся фундаменты и строительные остатки разрушенного Дома культуры.

«Вся местность к югу от села [Ново-] Покровского, – отметил в 1929 г. А.И. Тереножкин, – покрыта буграми – остатками древних зданий». В 1930 г. одно из скопления таких «бугров» исследовала группа «Палеоэтнологической экспедиции АИМК» под руководством М.В. Воеводского и А. Виноградовой. Скопление было расположено в 1,5 км к юго-западу от центра села (школа и сельсовет) и в 150 м к югу от железнодорожного полотна. Из 9 холмов, объединенных исследователями под названием «1-я курганная группа», было раскопано два, расположенных в разных ее концах. Здесь были обнаружены погребальные сооружения типа наусов и одно погребение под каменной выкладкой. При этом в обоих типах погребальных сооружений зафиксирован обряд труположения. Также встречены захоронения неполных скелетов – в сосудах и кучками костей [Виноградова, Воеводский, 1930: л. 6–121; Кольченко 2005]. Материалы раскопок 1930-х гг. позволяют предположить, что данная курганная группа является некрополем, функцио-

нировавшим при одном или нескольких Новопокровских городищах.

Попытка обнаружения данного некрополя, предпринятая нами в 2000–2001 гг. оказалась безуспешной. Впрочем, ни в 1941 г. работами по археологическому надзору при строительстве БЧК, проводившимися фактически вдоль южной окраины села, ни исследованиями П.Н. Кожемяко в 1950-х гг. всхолмлений к югу от села не отмечалось. Вероятно, что уже к этому времени они были уничтожены.

Проведенное в 2000–2001 гг. обследование района к северу от села позволяет утверждать, что в результате антропогенной деятельности были также уничтожены городища Новопокровское III, IV и V. Таким образом, к настоящему времени в физическом аспекте доступными для полевых стационарных исследований является лишь два объекта в группе – городища Новопокровское I и II.

Для реализации намеченной программы исследований по выявлению взаимосвязей компонентов групп городищ в Чуйской долине и учитывая, что «городища округи» планомерным раскопкам не подвергались, в 2004 г. нами были начаты стационарные исследования на Новопокровском II городище [Ротт и др. 2005].

Примечания

1. Сосуды были найдены случайно в центре села во время проведения хозяйственных работ. В.Д. Городецкому удалось приобрести два из трех предметов [Городецкий 1927]. Они неоднократно публиковались, например см.: [Тревер 1940: 110–114, табл. 34; Маршак 1971, рис. 23-а, -б, 24; Marschak 1986, рис. 70, 71 и др.].

2. О работе экспедиции см. подробнее: [Кольченко 2002, с. 43–45].

3. Речь идет о более чем двадцати бронзовых статуэтках, фрагменте каменного рельефа, «ганчевой голове» Будды и др. предметах [Горячева, Перегудова 1996: 183]. Точного количества находок в литературе не называется. Ряд из них неоднократно

публиковался [Памятники ... 1983: 65, рис. 251, 252; Горячева, Перегудова 1996: 183, рис. 10.а, 16, 17; Горячева 2000: 207, рис. 10 и др.].

Уместно заметить, что бронзовая статуэтка, опубликованная в ряде работ как краснореченская [Горячева, Перегудова 1996: 183, рис. 10. б; Байпаков, Горячева 1999: табл. 100. 10] в действительности происходит из вышеназванного комплекса. Предмет долгое время хранился в коллекции Н.Д. Черкасова, куда попал непосредственно от С.С. Ревы. Позже статуэтка была предоставлена В.Д. Горячевой для реставрации и фотографирования одним из авторов настоящей статьи, а в середине 1980-х гг. передана в ГИМ КР. При первой публикации судьба предмета отражена относительно точно [Горячева 1988: рис. 18. 3].

Возможно, с этого же городища происходила бронзовая статуэтка, найденная жителем села К.А. Никитенко и проданная им «служащему в Киргизском ЦИКЕ А.Я. Шекелю», о чем упоминает в своем дневнике А.И. Тереножкин [Тереножкин 1930: л. 53-б]. Современное местонахождение предмета не известно.

4. Археологических раскопок с фиксацией архитектурных остатков произведено не было, следовательно, говорить о монастыре нет никаких оснований.

В.Д. Горячева и С.Я. Перегудова странным образом отмечают некий храм у западной стены городища [Горячева, Перегудова 1996: 183].

5. Геологические исследования осуществлялись организациями «Киргизпромпроект» в 1960-х гг. и «КиргизГИИЗ» в 1970–1990-х гг. К примеру, в 1980 г. было выполнено 4 шурфа сечением 1,25 м², 22 скважины буровой установкой ЛБУ-50 глубиной 10 м и комплекс геофизических исследований плотности и влажности грунтов с использованием методов ВЭЗ, КВЭЗ, НГК, ГГК. При этом нижняя отметка культурного слоя фиксировалась на глубине до 7,8 м от поверхности. [Отчет 1980].

6. Нижеследующие описания объектов приводятся по дневниковым записям А.И. Тереножкина (1929), М.В. Воеводского – А. Виноградовой (1930), статья А.И. Тереножкина (1935) и монографии П.Н. Кожемяко (1959).

7. На рисунке М.В. Воеводского неверно указаны направления стран света, что можно объяснить психологическим фактором: вверху (ближе к горам) расположено село – главный пространственный ориентир, в то время как на картах вверху – север.

Abstract

ON NOVOPOKROVKA'S ANCIENT SITES

V.A. Kol'chenko, P.G. Rott

The goal of the article is to consider the history of studying of the group of ancient sites in the area of Novopokrovka village. It is entered here some new and not previously published information from archive Academy of sciences of Kyrgyz Republic.

Литература и источники

Байпаков 1986 – *Байпаков К.М.* Городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986.
Виноградова, Воеводский 1930 – *Виноградова А., [Воеводский М.В.]* Черновые материалы археологических исследований в районе с. [Ново-] Покровки Фрунзенского кантона КАССР в 1930 г. – РФ ЦМХК НАН КР, Дело № 9.

- Волин 1960 – *Волин С.И.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас // ТИИАЭ Ан КазССР, Т. 6. – Алма-Ата, 1960.
- Городецкий 1927 – *Городецкий В.Д.* Серебряные сосуды из курганов села Покровское Пишпекского уезда // Изв. Средазкомстариса. Вып. 1. –Ташкент, 1927.
- Горячева 1996 – *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ, 1996, № 2.
- Горячева 2000 – *Горячева В.Д.* Новые находки индо-буддийской культуры в Кыргызстане // Индия и Центральная Азия. – Ташкент, 2000.
- Кожемяко 1959 – *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.
- Кольченко 2001 – *Кольченко В.А.* Отчет о разведочно-рекогносцировочных археологических работах в центральной части Чуйской долины в 2000 году. – Бишкек, 2001. – археологический РФ ИИ НАН КР, инв. № 841.
- Кольченко 2002-а – *Кольченко В.А.* Археологические исследования в Кыргызстане в 1928-1930 гг. (работы М.П. Грязнова, М.В. Воеводского, А.И. Тереножкина и палеоэтнологической экспедиции ГАИМК) // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I. – СПб, 2002.
- Кольченко 2002-б – *Кольченко В.А.* Отчет об археологических работах на Новопокровском I городище в 2001 году. – Бишкек, 2002. – археологический РФ ИИ НАН КР.
- Кольченко 2005 – *Кольченко В.А.* Новопокровский средневековый некрополь (по материалам раскопок 1930 года) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. – СПб., 2005.
- Лившиц 1989 – *Лившиц В.А.* Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // Красная речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Лившиц 2005 – *Лившиц В.А.* Тюрко-согдийская эпиграфика Терек-сая и Кулан-сая // Диалог цивилизаций, 2005, № 1 (6).
- Маршак 1971 – *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. – М., 1971.
- Отчет 1980 – Отчет об инженерных изысканиях на объекте: клуб со зрительным залом на 600 мест в кол-зе им. Кирова, Кантского р-на Киргизской ССР. Фрунзе, 1980. – Архив Института КиргизГИИЗ., Оп. 38, Дело 9
- Памятники 1983 – Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. – Л., 1983.
- Ротт и др. 2005 – *Ротт Ф.Г., Кольченко В.А., Торгоев А.И.* Отчет об археологических исследованиях на городище Новопокровское II в 2004 г. – Бишкек, 2005. – археологический РФ ИИ НАН КР.
- Ставиский 1998 – *Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. – М., 1998.
- Тереножкин 1929 – *Тереножкин А.И.* Археологические разведки сотрудника Среднеазиатской экспедиции Антропологического научно-исследовательского института в Москве А. Тереножкина летом 1929 г. в Киргизской АССР. – РФ ЦМХК НАН КР, Дело № 7.
- Тереножкин 1935 – *Тереножкин А.И.* Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. // ПИДО, 1935, № 5-6
- Тревер 1940 – *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. – Л., 1940.
- Marschak 1986 – *Marschak B.* Silberschatze des Orient. – Leipzig, 1986.

ЗАМЕТКИ О РАННЕИСЛАМСКОМ ДОРОЖНИКЕ В КИТАЙ ¹

П.Б. Лурье *

Семиречье / историческая топография / средневековье
Semirechie / historical topography / the middle ages

О контактах мусульман с Китаем в домонгольский период известно немало. Персидские и арабские купцы имели колонию в Кантоне (Гуанчжоу, *Xān-fī*) и совершали плавания вплоть до Кореи (*Šilā*); мусульманские пираты однажды даже захватили Кантон.

Кроме морского пути в Южный Китай, имелась и сухопутная дорога; ее описания сохранились в некоторых персидских и арабских текстах. Дорога начиналась в Мавераннахре, ко-

нечным пунктом был *Чан-ань-фу* (совр. Сиань, ар.-перс. *Xumdan*). Эти дорожники не сохранились в своей оригинальной форме, но были (с большими или меньшими сокращениями и искажениями) включены в более поздние тексты. В них зачастую совмещены сведения VIII и XI вв.; источники сообщений часто не названы, а написание географических названий искажено подчас до неузнаваемости.

Согдийцы, которые, как известно, еще с первых веков н.э. освоили караванный путь из Средней Азии в Китай, наверняка, составляли такие же дорожники. Позднее в торговле на Шелковом пути заметную роль стали играть и тюрки-уйгуры. Вместе с тем согдийских (или

* *Лурье Павел Борисович* –
СПб ФИВ РАН, Россия, г. Санкт-Петербург;
Institut für Iranistik, Österreichische Akademie der
Wissenschaften, Австрия, г. Вена;
pavlvslvria@mail.ru, pavel.lurye@oeaw.ac.at

уйгурских) описаний пути в Китай не сохранилось, но они наверняка существовали (можно вспомнить хотаносакский дорожник в Индию; А. Германн полагал, что известия Птолемея о Серике (Китае) и раздел о западных странах в Синьханьшу базируются на иранском дорожнике).

В данной работе мы остановимся на некоторых особенностях этого длинного пути, особенностях, в основном, топонимического географического или хронологического свойства; во многих из них можно узнать следы согдийских дорожников.

Дорога, которую описывают персидские и арабские авторы, нам сейчас может показаться далеко не самой легкой. Сравнительно прямой, легкий и лишенный высоких перевалов путь из Ферганы в Кашгар известен из исламских авторов только Махмуду Кашгари, хотя китайцы знали его еще с первых веков н.э. Дорога через южный Памир в Яркенд и Кашгар отмечена только у Ибн Хордадбека. Наиболее известный путь начинался в Исфиджабе (согд. **sp'ytc- 'p* – 'Белая Вода') на средней Сырдарье и ее притоке Арыси, далее шел в Талас (*Tarāz*, совр. Джамбул², кит. *Да-ло-сы*), оттуда – в густонаселенную Чуйскую долину, далее через Боомское ущелье к южному берегу Иссык-Куля, а оттуда через перевалы Бедель-Арт и Ябгу (оба высотой более 4000 м!) в бассейн р. Тарим и далее к Турфану.

Дорога через перевал Кастек в долину р. Или, а затем через Урумчи в Турфан (как проходит современное шоссе) кажется гораздо более легкой, однако никаких следов ее использования мы у раннеисламских авторов не находим; путь в современную Джунгарию начинался в Турфане. Из Турфана (согд. *Ānānjkaθ* – 'Китайский Город') дорога шла в Хами (*Qumūl*) и через коридор Ганьсу доходила до Хумдана, столицы Танского Китая.

В сохранившихся текстах описание дороги строго делится на две части: до Верхнего Барсхана (*Barsxān al-'Ulā*) на Иссык-Куле и после него. Сам Барсхан, или перевал за Барсханом, постоянно называется «границей Китая» (*hadd aš-Šīn*). Если первая часть пути описана весьма подробно во многих арабских (Кудаме, Ибн Хордадбек, Мукаддаси) и персидских (Гардизи, анонимный Худуд ал-'Алам) сочинениях, то вторая часть сохранилась в достаточно полном виде лишь у Гардизи и в Худуд (причем в путанном порядке); более поздний отчет о посольстве киданей и уйгуров к Махмуду Газневи в 1027 г., сохранившийся в главе о тюрках сочинения ал-Марвәзи и использованный ал-Бирӯни в Каноне Мас'уда³, не демонстрирует согдийского влияния. Главы о Востоке у Гардизи и в Худуд, а также список правителей-тюрков в анонимном Муджмал ат-

Тавәрих ва ал-Қисас восходят к одному и тому же источнику – вероятно, к недошедшей географии Саманидского визира Джайхәни и едва ли к полной версии географии Ибн Хордадбека (изданный в ВГА текст является конспектом не дошедшего в полном виде семитомного сочинения).

Итак, следующим за Исфиджабом крупным пунктом на дороге был Тарәз. Около него располагалось место под названием 'Тысяча источников'. Это название сохранилось в четырех языках региона: китайском, тюркском, арабском и согдийском. Согласно китайским источникам местность *Цянь-цюань* была расположена в 400 ли от *Суй-е* (араб. *Sūyāb*, совр. городище Ак-Бешим, см. ниже) и за 150 ли до *Да-ло-сы*. Согласно арабским авторам, *Alif 'ayn* ('Тысяча источников') располагался по дороге из Исфиджаба в Тарәз, в 7 или 8 фарсах (менее 50 км) (далее сокращаем до 'фс'; 1 фарсах приблизительно равен 6 км) от последнего (сама 'тысяча источников' имела в длину 6 фс). Несмотря на то, что эти дистанции указывают, как будто, на разные места, мы полагаем, что речь идет об одной и той же местности в верхней части долины Таласа. Согласно Синь Тан шу (гл. 211) эта местность была 200 ли в окружности⁴; там горы, покрытые снегом, – с одной стороны и низменность – с трех других. Там множество источников и озер, и именно по ним названа эта местность. Тюркский каган навещает это место каждый год, спасаясь от жары. Там есть стада ручных оленей, украшенных колокольчиками и кольцами. В «Жизнеописании Сюань-цзана» мы встречаем местное название 'Тысячи источников' – *Бин ю*, вероятно, тюркское *miñ suv* – 'тысяча вод'; в других китайских источниках говорится, что каган имел обыкновение останавливаться в *Цянь-цюане* выше Ши (Ташкента).

Вот как описывает это место Ибн Хордадбек [Ибн Хордадбек 1889: 28]: «От Исфиджаба до *Šārāb-a* (читать *Saurān, совр. Сайрам) – 4 фс, затем в *Badūxkaθ* – 5 фс, затем в *Tamtāj* – 4 фс, затем в *Azār-xāx (см. ниже) – 4 фс, затем до остановки (*manzil*) на реке – 6 фс, а в *Azār-xāx-е имеется холм и тысяча источников текут на восток, и это место называется *Padkūn-āb* (см. ниже), т.е. 'Перевернутая Вода'. Дичь там – черные фазаны (*tadārij*); оттуда двигаются в *Xūwīkat на расстоянии 5 фс, а затем в *Tarāz* – 3 фс.

Описание Кудаме [Кудаме 1889: 204–205] более развернутое: «*Zār-xāx – это большой холм и около него находится тысяча источников, текущих на восток. Вот почему эта местность зовется *Padkūn-āb и его значение 'Перевернутая вода', потому что течет она снизу вверх и от *Zār-xāx до (следующей) станции – 6 фс через *Padkūn-āb, там с обеих сторон сплошь замки (*'ajām*), тамариск (*tarfā*) и заросли

(*yūyāḍ*), и дичь там – черные рябчики (*durrā*); после этой остановки переходят реку и останавливаются на правой стороне, а оттуда до *Šāwṣar*-а, горы острых (*masān*) камней, – 3 фс, и к *Xuwīkat-у по безжизненной степи (*barriyya*) – 2 фс, и из Хувиката в Тагāз по пастбищу (*kalā*) и населенным местам (*'umrān*) – 2 фс».

В.Б. Хеннинг [Henning 1977-b: 234] предложил читать название, которое представлено в рукописях во множестве вариантов, как *Padkūn-āb* и понимать его как согд. *ptkwn-’ph* – 'искаженная, перевернутая вода' и название (*A)zār-xāx* как согд. *z’r x’x* – 'тысяча источников'¹⁵; таким образом, это название отмечено в четырех распространенных языках региона.

'Тысяча источников' располагалась, видимо, в верхней части долины Таласа. Ключевым указанием, разумеется, являются слова 'перевернутая вода', *ptkwn-’ph* и указание, что реки текут с запада на восток. Все реки на родине согдийцев (Амударья, Сырдарья, Заравшан) текут на запад. Река, текущая на восток, оказалась бы 'перевернутой' (именно так египтяне называли реки Месопотамии, текущие, в отличие от Нила, на юг). Сам Талас, разумеется, несет свои воды на северо-запад, но некоторые притоки направлены на северо-восток. Примечательно, что именно около одного из таких второстепенных притоков ныне имеется с. Ключевое. Вершина Минг-булак-тау ('Гора тысячи источников') расположена слишком далеко от Тараза, между современными городами – Чимкентом и Ташкентом. Слова Сюань Цзана об убежище от летней жары нужно понимать как описание йайлака, летовки. Таласская долина служила местом летовки до самого недавнего времени. Таким образом, дорога из Испиджаба в Тараз шла не вдоль нынешнего шоссе, а по перевалу, километрах в тридцати южнее него, около современного с. Грозное. По дороге из *Суй-е* в *Да-ло-сы* Сюань Цзан едва ли мог попасть прямо в это место – как древняя, так и современная дорога шла к северу от Киргизского хребта и, соответственно, к северу от Таласа; вероятно, буддийскому монаху хотелось побывать в этом месте и увидеть ручных оленей. Можно ожидать и интерес согдийских купцов к 'Тысяче источников': летовка кагана и его орды сулила неплохие заработки на летней ярмарке. Следует еще заметить, что *Šāwṣar* – характерное согдийское название 'Черная Гора'; имя по происхождению *š’wursuḥu* отмечено в согдийской надписи из долин верхнего Инда [Sims-Williams 1992: 72]. Название *Xuwīkat* (Де Гоейе, издатель арабского текста, предпочитал чтение *Jawīkat*, отличающееся положением одной точки), также согдийское и значит 'Город князя' (*xwβwi*); такие названия с ти-

тулом в первой части и *kaθ* (город) во второй весьма часты в ономастике Согда.

Из Тараза дорога шла по степи вплоть до долины р. Чу, где отмечено множество городов. Кудама и Ибн Хордадбек описывают дорогу, Мукаддаси [Мукаддаси 1906: 263–264, 272–275] и Худуд ал-Алам [Худуд ал-Алам 1937: 95–99 и комм.] перечисляют эти города, не указывая расстояний между ними.

Согласно Кудаме, в сочинении которого этот дорожник дан наиболее подробно, расстояния следующие: «От города Тараза до нижнего *Barsxān-а – 3 фс, оттуда до *Kaṣrā bās* (?) в горах в правую сторону, – 2 фс, а налево от него *Qum*; это жаркое место (*jarmiyya*) и там расположен зимний лагерь карлуков (*xallux*), а *Qum* расположен между Таразом и *Kūlān*-ом; это северная область, а напротив Кума – пустыня (*mafāza*) из песка и камней и там живут гадюки (*'afā’ī*); до границ Кимаков – 2 фс, а от *Kaṣrā bās* до *Kūl Šūb* (а его особенности те же, что в *Kaṣrā bās*), а направо оттуда гора с множеством фруктов и горной зелени (*fākiha kathīra wa ruṭāb wa baqūl jabaliyya*), – 4 фс, а от *Kūl-Šūb*-а до *Kūlān*-а (в тех же условиях) – 4 фс. Таким образом, от Тараза до Кулана 14 фс по пустыне, именуемой *Kūlān*, особенности которой описаны выше» [Кудаме 1889: 205–206].

Ибн Хордадбек добавляет, что около зимовки карлуков (*Xarluxiyya*) есть зимовка халладжей (*Xalajiyya*), что нужно читать, опять же, как карлуков (*xalluxiyya* отличается только положением одной точки) [Ибн Хордадбек 1889: 28].

Между *Kūl Šūb* и *Kūlān*, в 4 фс от обоих, он располагает *Jal Šūb. Kūlān* назван богатой (*yannā*) деревней. Мы склонны сравнивать загадочный *Kaṣrā bās* с *Qāčār bāšī*, городом в стране тюрок из Шахнаме [Бартольд 1964: 281–282], *Qajinkar bāšī* на карте Махмуда Кашгари недалеко от Баласагуна и *Qačqār-bāšī* в координатной таблице Бируни, указанном между Барсханом и Кашгаром [Бируни 1960: 473]. Последняя форма, а именно *Qačqār bāšī*, наиболее прозрачна этимологически и по-тюркски означает 'голова барана'; в то же время и форма, и локализация *Kaṣrā bās* у Кудамы и Ибн Хордадбека наиболее далеки от него. *Kūl* выглядит как тюрк. *Köl* – 'озеро', а *Qum*, как догадался уже Де Гоейе, – тюрк. 'песок'.

Остальные топонимы на этом участке пути нам не поддались. Можно заметить, что тут мы не встречаем географических названий согдийского происхождения, хотя по Китайскому дорожнику в 10 ли после *Цзюй-ланя* (*Kūlān*) и недоезжая 50 ли до *Да-ло-сы*, расположен некий *Шуй-цзянь*, содержащий согд. *kaṃθ* 'город' во второй части (последний иероглиф китайского названия звучал как *kiēn* в танское время); примерно там же Мукаддаси

располагает *Jamūkaθ* [Мукаддаси 1906: 263]. Это селение, вероятно, идентично *Hamūkat*-у Наршахи, городу, основанному беженцами из Бухары от тирана Аброя [Наршахи 1954: 7]; в первой части тут, видимо, мы имеем согд. *čamūk, кит. *чжао-ву* – название знатного рода согдийцев (так полагает Ёсида Ю.). Другое название на этом отрезке, донесенное Мукаддаси, – *Takābkaθ*, можно исправлять на *Bakābkaθ и в таком виде сравнивать с согд. *p'k'p*, топонимом согдийской надписи из Красной Речки [Лившиц 1981: 81].

Далее путешественник входил на территорию Чуйской долины, плотно заселенную согдийцами и тюрками. Мы знаем точную локализацию трех населенных пунктов, встречающихся на этом пути: *Mīrkī* (*Birkī*) – нынешнее Мерке – в самой западной части долины; следующей станции *Ašbara*, соответствующую совр. речке Аспара; и, конечный пункт интерриария, *Sūyāb*, кит. *Суй-е*, соответствующий городищу Ак-Бешим около г. Токмак (там найдена китайская надпись в честь основания статуи Будды в *Суй-е* [Лубо-Лесниченко 2002: 123–126]).

Дорога шла следующим образом [Кудамы, 1889: 205–206]: «от Кулана до богатой деревни *Mīrkī – 4 фс; отсюда в *Ašbara* через степь, похожую на Куланскую, – 4 фс; от Ашбары до большой деревни *Tūnkaθ – 8 фс; от *Tūnkaθ-а в большую деревню *Jūkirān – 4 фс; отсюда до большой деревни *Jūl* – 4 фс; от *Jūl*-а до *Sāriy*-а – 8 фс; от *Sāriy*-а до деревни хакана *Тюргешей – 4 фс; отсюда в деревню *Karmīrkaθ – 2 фс; затем в город *Nawēkaθ* – 2 фс; отсюда в *Bunjīkaθ*, большую деревню (от него в 1 фс есть деревня, называемая *Zikat, а *Nawēkaθ* это большой город); а от *Bunjīkaθ*-а до *Sūyāb*-а – 2 фс; *Sūyāb* состоит из двух деревень (или: имеет две деревни), одна зовется *Kubāl*, а вторая – *Sāyūn Kubāl; а отсюда до верхнего *Barsxān*-а, границы Китая, дорога в 15 дней для каравана по пастбищам и (источникам) воды, а для тюркского почтового всадника (*barīd*) – 3 дня».

Ибн Хордадбек дает тот же итинерарий, однако названия *Karmīrkaθ, *Sūyāb* и *Sāyūn Kubāl там отсутствуют [Ибн Хордадбек 1889: 29].

Чтение *Tūnkaθ* или *Tūmkaθ* было предложено В.В. Бартольдом [Бартольд 1964: 282] ввиду китайской записи *Дунь-цзянь*. Это название может быть согдийским – 'Могучий (др.-ир. *tavan-) город' или 'Город леопарда' (тюрк. *топа*).

Реконструкция *Jūkirān, топонима, данного в изданном тексте как *Xaranjawān* и как *hwkr'n* в рукописи Кудамы (ср. *hrr'n* у Мукаддаси [Мукаддаси 1906: 275]), основана исключительно на этимологии – согд. *Čū-kirān значит 'Берег Чу'.

Названия *Jūl* и *Sāriy* (последнее имеет форму *Sālīy* в Муджмал ат-Таварих, [Муджмал ат-Таварих 2000: 323]) – тюркские, первое

значит 'степь' (*čöl*), а второе – 'желтый' (*sariy*) [Бартольд 1964: 282].

Топоним *Karmīrkaθ – согд. 'Красный город' – мы закономерно получаем, сопоставив *kβrmβr'w* Кудамы, *kwmbrkt* Гардизи [Гардизи 1347: 265] и *krmynkθ* в Худуд [Худуд ал-Алам 1937: 15.9]. Семантика топонимов может склонить нас отождествить этот *Karmīrkaθ* с городищем Красная Речка, тем более что напрямую расстояние между Красной Речкой и Ак-Бешимом составляет около 25 км, что может соответствовать искомым 6 фарсахам, однако величественные развалины Красной Речки едва ли могут соответствовать редко упоминаемой деревне *Karmīrkaθ, ныне принято отождествлять Красную Речку с городом *Nawēkaθ*-ом (см. ниже). Географически *Karmīrkaθ* не может соответствовать и *Чи-го* китайских источников (также 'Красное селение') – столице усуней: *Чи-го* был расположен непосредственно на Иссык-Куле.

Bunjīkaθ – 'Пятиградье' – вероятно, соответствует 'Городу царства Ми' в Тан шу [Chavannes 1907: 10]: знаменитый Пенджикент, согласно китайским источникам, относился к царству Ми, т.е. *Māymury* [Grenet, De la Vaissière 2002: 166–167]. Известно, что многие согдийские колонии были основаны жителями каких-то конкретных областей внутри Согдианы. Тогда *Bunjīkaθ* был колонией выходцев из Маймурга.

В реконструкции *Zikat* (**z'yh-kndh* 'земляной город'?) я полагаюсь на В.Ф. Минорского [Minorsky 1937: 291]; *Zikaθ* также отмечен у Гардизи [Гардизи 1347: 279] и (в форме *Ūzkaθ*) – в Худуд [Худуд ал-Алам 1937: 15.8].

Nawēkaθ – 'Новгород' (выписывается *Nawīkaθ* или *Nawākaθ*) известен из многих источников. В согдийском брачном контракте с горы Муг Чёр, сын Ванханака, опекун невесты, назван правителем (*хивβи*) города *nwykt* [СДГМ 1962: 27.8]. Навекат соответствует *Синь-чен* – 'Новому Городу' – в Тан шу [Chavannes 1907: 10]; в 737 г. там была ставка тюркского хакана Абу Музахима [Табари: 1593]; правитель Навеката в Муджмал ат-Таварих назван *Xāskī*; наконец, в XII веке Навекат упомянут (наравне с Кашгаром) как резиденция несторианского епископа [Barthold 1928: 294].

Достаточно много известно о городе Суябе (совр. городище Ак-Бешим). Название это, несомненно, согдийское и содержит, вероятно, название реки *Čū* в первой части и, несомненно, *-āb* ('*ph*') – 'вода' – во второй; в китайских текстах *Суй-е* указывал не только на город, но и на реку. Выглядит странным, что в арабо-персидских источниках мы не встречаем указания на эту реку (за исключением *Šū* у Махмуда Кашгарского). Минорский сравнивал *Sāyūn* (в тексте – *Sāyūr*) со второй частью позднейшего *Balā-Sāyūn*, однако не привлекал второй части

топонима *Kubāl* (*kn'd, kb'b, kt'k, kn'k, xwt-ky'l, hwr-kb'l, kt'd*) для объяснения первой части названия Баласагуна – *Balā* [Minorsky 1937: 291]. Баласагун упомянут под своим именем впервые как *Balāsākūn*, *Walāsākūn* или *Walāsa-kūn* у Мукаддаси [Мукаддаси 1906: 264, 285]. Если это, действительно, часть более древнего города Суяба, то его можно отождествлять (как это и принято) с городищем Бурана в 3 км от Ак-Бешима. Этимологии названия *Balāsāyūn* я дать не могу, название не может быть согдийским и едва ли тюркское; сопоставление с монг. *Bal-yasun* 'город' возможно, но также ничего не дает.

Мукаддаси, кроме упомянутых выше городов и селений, упоминает *lqr'*, *Jamūk* (ср. *Jamūkat* выше), *Urdū* (тюрк. *ordu* – 'лагерь'; там, по словам Мукаддаси, был лагерь тюргешей (написано *Turkimān*), в этом случае он надежно соответствует деревне кагана тюргешей, упомянутой выше), *Labān* (см. ниже), *Šūy* (для *Sūy*, *Sūyāb* –?), *'b'ly*, *Mādānkāt* (у Йақұта *Mādānkāt*, к согд. *mδ'n, mδy'n* 'средний' –?), *brsy'n, bly, Jikarkān* (иранский топоним, во второй части, явно, патронимика на *-k'n*; основателя селения могли звать буддийским именем *Cakra*, согд. *ckkr* 'колесо'); *yū, yk'ly, rw'njm* (см. ниже), *kt'k* (т.е. *Kubāl*), *Šōr-čašma* (перс. 'Соленый Источник'), *dl, 'w's* (см. ниже) и *Jirkirda* (напоминает (ср.-)перс. топоним на *-gird*, но о происхождении этого названия см. ниже) [Мукаддаси 1906: 263.4, 275].

Название *Labān* отмечено в нескольких источниках: Истахри упоминает гору Лабан где-то в Тянь-Шане [Истахри 1927: 313]; в Худуд так названо племя карлуков, живших в Кармиркате [Худуд ал-Алам 1937: 15.9]; по Муджмал ат-Таварих царь Лабана именовался *Qut-tegin* [Муджмал ат-Таварих 2000: 323]. Минорский в комментарии к Худуд подробно останавливается на племени *Labān* и реконструирует его как **Albān*, к монг. *albān* 'дань, служба' и тюркскому *alpāyūt* 'подчиненные, владельцы земельных участков' и позднейшим племенем *Albāt* у Рашид ад-Дина [Minorsky 1937: 292]. При этом понимать *labān* как этноним мы можем исходя только из Худуд ал-Алам, однако исправление слова *ēšān* 'они' в *īn* 'этот' (т.е. «*Karmīrkaθ, andar wai xalluxiyūān-and andak *īn*-rā Labān xwānand*» – «Кармиркат, в нем есть небольшое число карлуков, которые называют его Лабан») позволяет нам понимать *Labān* как топоним, параллельное название *Кармирката*; тексты Истахри, Мукаддаси и Муджмал не знают города *Karmīrkaθ*. Вместе с тем я не могу предложить этимологии для названия *Labān*.

Šōr-čašma – перс. 'соленый источник', – возможно, соответствует озеру (*daryā*) *Tūz-kūl* (т.е. *Tuz köl*, 'соленое озеро'), из которого производили соль семь племен карлуков [Худуд

ал-Алам 1937: 15.6]. В общем источнике Мукаддаси и Худуд можно ожидать что-то типа перс. **Šōr-āb* – 'соленая вода'.

Топоним *rw'njm* (*dw'lhm*) может соответствовать (через ряд писцовых ошибок) *dlwyB* у Гардизи [Гардизи 1347: 279], расположенному на карлукской территории.

Три названия на *-liy* у Мукаддаси, а именно *'b'ly, bly* и *yk'ly* можно отождествлять с тремя деревнями в Худуд: *Atlāliy, Lūliy* (на землях карлуков) и *Biglīliy* (в стране тухусов) [Худуд ал-Алам 1937: 15.7, 16.3]. Последний из них, вероятно, *Yakāliy, Atlāliy = Abāliy* и тогда *Lūliy = Baliy*⁶. Все эти топонимы, несомненно, тюркские, *Biglīliy*, выступающий как *Biglīy* у Гардизи [Гардизи 1347: 279] и значит 'город людей бека' [Minorsky 1937: 99]; правитель Беглилыка назван как **Yinal-beg-tegin* и он соответствует *Yinal-tegin*-у, правителю *Aθliy*-а в Муджмал [Муджмал ат-Таварих 2000: 323]. Таким образом, *Aθliy* соответствует скорее городу *yk'ly* Мукаддаси, чем *'b'ly* (что предпочтительно с точки зрения палеографии). В Худуд ал-Алам говорится, что *Biglīlīg* зовется согдийцами как *smkn'*. Если этот топоним действительно согдийский, то это, скорее всего, искаженное написание для *Samarkand* (колония самаркандцев?)⁷.

Через *dl'* Мукаддаси представляет, скорее всего, *Jīl* по дороге к Барсхану у Гардизи [Гардизи 1347: 266] – совр. Джиль-арык с северной стороны Боомской теснины. Следовательно, и *Awās*, как кажется, представляет *Yār*, следующую станцию по дороге к *Барсхану*. Обе записи Гардизи оказываются достоверными: *Jīl* соответствует современному топониму, этимология *Yār* (тюрк. *jar* 'овраг') сомнений не вызывает. Искаженные формы Мукаддаси являются результатом неверного словораздела, изначально было, видимо, *dl' w* (и) *'s*, при этом *dl'* является искажением *Jīl*, а в *'s* уже один 'син' может передать *y'r*. Если так, то и конечный город в перечислении Мукаддаси, казалось бы, персидский *jrkrd(h)* можно отождествлять с *Tūng* Гардизи и Худуд (записано *twnl*), следующей (и последней) станцией по дороге к Барсхану [Худуд ал-Алам 1937: 15.10]. Опять же, форма Гардизи сомнений вызвать не может, поскольку соответствует современному Тону на южном берегу Иссык-Куля и имени из генеалогии тюрков [Minorsky 1937: 292]. С точки зрения арабской текстологии, передача *twng* через *jrkrd* оказывается возможной.

Гардизи так описывает дорогу в Барсхан: «Из Навеката в Кармиркат по дороге Чигилей, затем в *Jīl*, который – гора и объяснение (*tafsīr*) этого названия – 'узкий' (*tang*). Затем 12 фс до Йара, а это деревня, выставяющая 3000 мужчин; там находятся палатки чигилей *Taksīn*-а; там нет деревень (*ābādānī*), и слева от

дороги лежит озеро Иссык-Куль; оно продолжается на 7 дней пути; в Иссык-Куль впадает 70 рек и вода озера соленая. Оттуда до *Tūng-a* – 5 фс, а от Тунга до Барсхана дорога в три дня; вдоль дороги нет ничего кроме палаток чигилей, а правитель (*dehqān*) Барсхана именуется *Manaf(?); Барсхан выставляет 6000 воинов; все окрестности Иссык-Куля населены чигилями и справа от Барсхана есть два перевала (? *Baz*)⁸: *Yabyū* и *Badal; там есть ручей (*jōy*), именуемый *Tayušxān, который течет на восток к Китаю. Этот перевал очень высокий, даже птицы по дороге в Китай не могут преодолеть его» [Гардизи 1347: 266; ср. Minorsky 1937: 297.8]. Кроме того, Гардизи упоминает *Nawīkat*, *Panjkat* (правитель последнего – *Kūlbakār*, первая часть имени напоминает тюрк. *kül* – 'знаменитый', частое в собственных именах), *Sūyāb*, *Xūtakyāl* (в Муджмал упомянут *Hūrkatāl*, вторая часть может соответствовать упомянутому выше *Kubāl* [Муджмал ат-Таварих 2000: 323]), *Zikat*, *dlwyn'*, *Biglū* и анонимное селение, выставляющее 5000 воинов, правитель которого – *Baylīlā*. Все эти селения, равно как и гора, почитаемая тюрками как священная (ее можно сравнивать с горой *Цзя-дань*, где каган десяти племен имел обыкновение назначать главнокомандующих; гора расположена была к востоку от Суй-е [см.: Chavannes 1907: 10]) – земли племен чигилей и тюргешей. Тухусы (*tuxsī*) жили с другой стороны горы.

Перевалы *Yafyū* и *Badal-art* (Бедель) упомянуты Махмудом Кашгарским, а река *Tayušxān (написано *tfsx'n*) – современный Таушкан, западный приток Аксу.

В Худуд описание Чуйской долины и Иссык-Куля распределено на три секции: страна карлуков, чигилей и тухусов [Худуд ал-Алам 1937: 15-17]. Карлукам приписаны *Kūlān*, *Mirkī*, *Гнк-сыр* (ср. *Jal Šūb* выше – ?), *Nawīkat, *Tūzūn-Bulay*, *Tūzūn*-*Ayač (тюрк. *ayač*, *jīyač* 'станция' [Минорский 1937: 290]), *Kūkyāl* (тюрк. *Kök-yal 'голубая дорога' – ?), *Atlāliy*, *Lūliy*, *Ūzkaθ* (читать *wa Zikaθ* – ?), *Panjkaθ, *Karmīrkaθ, *Tūng и *Barsxān*. *Sikūl* расположен на границе карлуков и чигилей и оставлен в описании страны последних (как единственное их поселение); он, вероятно, соответствует *Yssicol* на *Carta Catalana* и озеру Иссык-Куль [Minorsky 1937: 299]. В стране тухусов располагались деревни *al-Azīya и *Qarājīya, оба названные в честь тухусских родов (объяснение см. у Минорского), *Sūyāb*, *Biglīliy* и *Ūrkaθ* (*wa Zikaθ?), о которых см. выше [Minorsky 1937: 302.3].

Границей Китая, как уже указывалось, назывался Барсхан; к востоку от него и сейчас лежит граница Китая. Китай назывался (*as*-)*Šīn* арабами и *Šīn* персами. Автор Худуд предпочитал термин *Šīnistān* 'страна китайцев'; этот термин, очевидно, заимствован из согдийского, где *synst'n*

упомянут в 'Старых письмах'. Этот *Šīn*, естественно, включал в себя и Восточный Туркестан, где в то время китайское население было явным меньшинством. Более того, область за Тянь-Шанем приписывалась также и тогузгузам (*Tuyuzyuz*, *Taqqiz-oyuz*, т.е. уйгурам, см. ниже). Идея 'Барсхан – граница Китая' может датироваться промежутком не позднее 790 г., когда Китайские гарнизоны в Куча (Аньси) и Бешбалыке (Бейтин) были уничтожены Тибетцами и Танская империя потеряла свои владения на Западе, и не ранее 751 г., когда случилась Таласская битва между арабами и китайцами: в противном случае и Семиречье бы описывалось как китайская территория (ср.: [Минорский 1937: 227]; упоминание Хумдана (*Чан-ань-фу*) как столицы Китая и манихейства в Китае может указывать на ситуацию до 843 г. и после 907 г. соответственно (См. также ниже о коридоре Ганьсу).

Дорога, описанная Гардизи [Гардизи 1347: 268], нашедшая отражение также в Худуд, шла из Барсхана в *Banjūl* (или *Banjūk*?), далее в *Kujā* (Кучу), затем в *Ark, *Šikat*, далее в некий *Makšamīynā-θūr*, от *θūr* до *Šīnānjkaθ*-а был один день пути.

В Худуд селения *Barsxān*, *Banjūk*, *qr-bqr* и *Ūj* отнесены к земле карлуков [Худуд ал-Алам 1937: 15, 11-15], *Šīnānjkaθ*, *Kamsīyīya* (= *Makšamīyna*), *Šikaθ и *Ark* находились во владении тогузгузов [Худуд ал-Алам 1937: 12.1-3].

Как показал В.Б. Хеннинг [Henning 1977-а: 592-595], Арк здесь соответствует согд. *rk-cyk*, ср.-перс. *rk(cyk)*, хот.-сак. *Argī* и т.д., это старое название нынешнего Карашара. *Ūč* соответствует совр. Уч-Турфану, *wswr-* в среднеперсидском манихейском тексте *Mahrnāmag*, *Šikaθ* – согд. 'Трехградье', согласно Худуд там было три деревни. Ср. также согд. *δryu knδy /šē-kanθ* [Henning 1977-а: 593].

Другое место, расположенное, согласно Худуд, в стране тугузгузов – селения *Bek-Tegīn*-а, там пять деревень, населенных согдийцами, которые исповедуют христианство, зороастризм и буддизм (? или 'язычество', *Šābiyyān*) [Худуд ал-Алам 1937: 12.7]. Эта местность расположена в холодной стороне и окружена горами. *Bek-Tegīn* ('богатый принц') вместе с согдийским населением упомянут и в Муджмал, где так назван царь (*pādšāh*) Согда (в том же тексте 'великий царь Согда' именуется, как следует ожидать, термином *Ixšīd* (согд. *ixšyδ*), обычным для царей Самарканда). Следовательно, Бек-Тегин, царь Согда может в действительности быть правителем согдийцев пяти деревень. Можно вспомнить и Согдиану, т.е. *Sogdaia*, Судак в Крыму, тоже, вероятно, являющийся согдийской колонией на берегу Черного моря (впрочем, нельзя исключить, что *Suydāq* – аланское название, к осет. *suydæk* 'святой').

Далее на восток дорога шла из Чинанджката (Турфана) в *Qumūl*, т.е. Хами, в местности *Bay-šūrā* (перс. 'Соленый пруд') путешественник пересекал реку и, через 7 дней пути по степи с источниками, доходил до китайского города *Šā-čū* (Шачжоу). Через три дня пути он оказывался в местности, именуемой *Sanglāx* (перс. 'Каменистая равнина', однако, вероятно, это кит. *Чанлэ, cngl'xu* в позднем согдийском документе, см. [Hamilton 1958: 122; Sims-Williams, Hamilton 1990: 26]), отсюда 7 дней в *Sux-čū*, затем три дня в *Xām-čū*, далее 8 дней до *Kuččā(n)*-а, а отсюда 15 дней до реки *Qiyuān*, которую пересекали на лодке. Дорога от *Bay-šūrā* до большого города *Xumdān* занимала месяц, через населенные станции и караван-сарай [Гардизи 1347: 268–269].

Qumūl назван *Xamūd* в Худуд ал-Алам [Худуд ал-Алам 1937: 12.9]; В.Ф. Минорский [Minorsky 1937: 275] считал, что, поскольку перебой *d/δ/l* типичен для восточноиранских языков, это название иранское. В настоящее время (после открытия бактрийского языка) мы с уверенностью можем говорить, что перебой *δ/l* для согдийского не типичен. Разнобой в написаниях у Гардизи и в Худуд легче объяснить как ошибку переписчиков. *Bayšūra*, как переправа через реку *Qiyuān*, также отмечена в Худуд в форме *Buysōr* [Худуд ал-Алам 1937: 9.4]. Минорский [Minorsky 1937: 230] полагал, что это также иранское название и по значению ('Соленый пруд') может соответствовать соляным копиям на Янцзы около *Цзы-лю-цзина*. Однако это название, скорее, соответствует топониму *Fayanšōr*, 'Городу в Китае', согласно средневековому персидскому словарю – Бурхан-и Кате' [Бурхан 1963: III, 1464]. Описание Фаганшора в словаре очень близко к описанию города *Husnābād* в отчете о посольстве Гийас уд-Дина Наккаша в Китай в 1421–1422 гг. [Хафиз-и Абру 1372: 833–834]. Последний топоним, несомненно, соответствует Ланьчжоу, столице Ганьсу и основной переправе через Хуанхэ. Сам топоним *Vaynšōr – согдо-бактрийский по происхождению и значит, видимо, 'Город храмов'. Таким образом, и река *Qiyuān* оказывается не Янцзы, а Хуанхе, и, действительно, соответствует раннесреднекитайскому *ywaŋ*, т.е. хуан 'желтая (река)', ср. [Hamilton 1958: 130–138].

Вызывает удивление, что Дуньхуан назван *Šā-čū*, т.е. Шачжоу, а не *θurwān (*Throana* Птолема, *θrw'n* по-согдийски); утверждение, что Шачжоу относится к Китаю, позволяет нам снова датировать дорожник. С сер. IX по нач. X в. Дуньхуан принадлежал китайской династии Жан, а затем там была согдийская династия Цао; танское управление Дуньхуаном было потеряно после 787 г.

Suxjū (также и в Худуд [Худуд ал-Алам 1937: 9.9] нужно понимать как Су-чжоу, *Suyčubaliq* по-тюркски [Minorsky 1937:232], *Xāmčū* = Ганьчжоу, *Kučā* (в Худуд *Kuččā* или *Kučān*, зафиксированный несколько раз) относится к Гуцзану (*kc'n* в согд. Старых письмах).

Название *Xumdān*, как известно, древнее варварское именование столичного города Чананьфу, совр. Сианя. Отметим, что народ Хумдана описан автором Худуд [Худуд ал-Алам 1937: 9.3] как 'круглолицый и толстоносый' (*gird-rōy-and wa pahn-bīnī*), ср. [Гардизи 1347: 269]. Это указание напоминает описание не названного народа Дальнего Востока согласно анонимному греческому «Периплу Эритрейского моря»: представители этого народа были, якобы, очень невысокими, с широкими лицами и очень курносими. Как известно, описание Китая в Худуд частично восходит к античной традиции; там имеется, например, *Burj-i Sangīn* [Худуд ал-Алам 1937: 9.12] 'каменная башня', соответствующая *Lithinos Pyrgos* Птолемея (иначе, этот топоним представляет собой перевод кит. *Шибачжен* к югу от Коконора, букв. 'Город каменного форта', или Шичжен, букв. 'Каменный город' у Чархлыка).

Положение в Ганьсу согласно Худуд отражает время тибетского завоевания. Ганьчжоу (*Xāmčū*) назван местом борьбы между Тибетом и Китаем; в городе *Kuččān* (Гуцзян) живут китайские и тибетские торговцы, Сучжоу (*Sōkčū*) – граница Тибета. Все это отражает ситуацию во второй половине VIII века, после 766 г, когда тибетцы захватили Ганьсу.

Однако, если обратить внимание, что Сучжоу принадлежит китайскому императору, а Ганчжоу – уже тибетскому 'Хакану', то мы получаем чрезвычайно точную дату составления изначального текста: между 766 и нач. 767 г.: тибетцы заняли Ганчжоу между 14 февраля и 17 декабря 766 г., а Сучжоу – между 18 декабря 766 и 3 февраля 767 г. Любопытно, что независимо К. Чегледи вывел близкую датировку сообщений Гардизи о восточных тюрках [Czeglédy 1973].

Примечания

1. Данная статья была написана более года назад, и с тех пор автор продолжал, по мере сил, заниматься исследованием исторической географии Центральной Азии. Были получены новые результаты, позволяющие, в том числе, датировать оригинальный итинерарий, лежащий в основе текстов Гардизи и Худуд ал-Алам, второй половиной VIII в., вероятнее всего – 766 г, по-новому локализовать многие упомянутые в них топонимы из Ганьсу. Эти материалы и аргументация подробно представлены в нашей статье "Description of the overland way to China according to Hudud al-Alam: dates of underlying itinerary", опубликованной в *Eurasian Studies*, Vol. 6: Collected Papers from the International

Conference on Ancient Inner Eurasia and Chinese Culture (Beijing) и, по понятным причинам, в настоящей работе мы ограничились лишь более или менее кратким ре-зюме этого исследования (рассматривающего путь от бассейна Тарима и далее на восток). К сожалению, здесь мы не смогли в полной мере использовать недавно изданную книгу Hansgerd Göckenjan, *Istvan Zimonyi, Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ġayhānī-Tradition (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 54), Wiesbaden, 2001*, включающую в себя новые немецкие переводы наших первоисточников.

2. В настоящее время город называется Тараз (*ред.*)

3. Рус. перевод П.Г. Булгакова и Б.А. Розенфельда в Избранных сочинениях Бируни [Бируни 1960]; см. также: [Velidi Togan 1929].

4. 6 фарсахов приблизительно соответствуют 36 км; 200 ли – примерно 66 км. Если мы примем данные

арабских источников за диаметр идеально круглого места, то окружность будет 112 км. Разница в два раза между этими чрезвычайно приблизительными подсчетами показывает, что мы, по крайней мере, имеем дело с числами одного и того же порядка.

5. Это же название сохранилось, видимо, у Мукаддаси [Мукаддаси 1906: 263], записанное как *zr'x*.

6. *уу* у Мукаддаси может соответствовать еще одному, иначе не отмеченному топониму на *li*?

7. Ср. выше о колониях бухарцев и пенджикентцев. Нам известно еще два «малых Самарканды»: *Samarqand* в семи днях пути от Бешбалыка [Бартольд 1964: 466] и *Samarqandaq* где-то в Вахане на Памире, трижды упомянутый в Худуд.

8. Так Бартольд и Минорский. Перс. *baz*, однако, значит 'вершина горы'; значение 'перевал' (среди прочих) дается только для *raz*. Не может ли тут *baz* значить 'вершина'.

Abstract

SOME NOTES ABOUT THE EARLY ISLAMIC DESCRIPTION OF ROADS TO CHINA

P.B. Lurie

In the present paper, we deal with the Early Islamic descriptions of the overland way from the Central Asia to China, preserved in a number of medieval Arabic and Persian texts. The road went from Samarkand to the northern slopes of Tian Shan, then to the Chu valley, therefrom to Issyq Kul, and then, through the high mountain passes, to Aqsu in the Tarim Basin; therefrom, the caravan road went to Turfan oasis, Hami, Gansu, Lanzhou (called Bayšōr in our texts) and, finally, to Chang'an (Xian, Xumdan). The body of this article is concentrated with the first part of the road, providing several textological reconstructions of corrupted place-names, etymological suggestions on their initial meanings and hints on the localization of some places, firstly, "Thousand water-springs", also called "Inverted water" (to be located near modern Talas). The suggestions on the Eastern ("Chinese" in the modern sense) part of the road, as well as the date of original, lost composition (766 AD?) are given in a brief way, supposing that the detailed English article appears soon.

Литература

Бартольд 1964 – Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Соч., Т. II, Ч. 2. – М., 1964.

Бартольд 1966 – Бартольд В.В. Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг.

// Соч., Т. IV. – М., 1966.

Бартольд 1968 – Бартольд В.В. Отчет о командировке в Среднюю Азию // Соч., Т. VIII. – М., 1968.

Бируни 1960 – Бируни. Канон Мас'уда // Избранные сочинения. Т. V. – Ташкент, 1960.

Лившиц 1981 – Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье // ППИПИКНВ, Ч. 1. – М., 1981.

Лубо-Лесниченко 2002 – Лубо-Лесниченко Е.И. Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак-Бешим) // Суяб – Ак-Бешим. – СПб, 2002.

СДГМ 1962 – Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг: Вып. II. Юридические документы и письма. – М.-Л., 1962.

Бурхан 1963 – Burhān-i Qāte', ta'lif-i Muḥammad Ḥasan Bin Xalaf Tabrīzī, ba-ehtimām-i Duktur Muḥammad Mu'tn. Jild-i 1-4. – Tehrān, 1963.

Гардизи 1347 – Zayn al-Axbār, Farāzāvaranda Abū Sa'īd 'Abd al-Ḥayy bin ad-Ḍahhāk ibn Maḥmūd Gardīzī. Ba muqābila va taḥṣīḥ-u taḥṣiya-vu ta'līq-i 'Abd al-Ḥayy Ḥabībī. Intiṣārāt-i Bunyād-i Farhang. – Tehrān, 1347 (1968).

Ибн Хордадбек 1889 – Kitāb al-Masalik wa'l Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah ibn Abdallah ibn Khordadbeh et Excerpta e Kitāb al-Kharadj auctore Kodama ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1889. – (BGA, VI).

Истахри 1927 – Abū Ishāq Ibrāhīm Muḥammad al-Fārisī al-Īstakhrī. Masālik al-Mamālik (Viae Regnorum) / Ed. De Goeje, 1927. – (BGA, I). – (reprint).

Кудам 1889 – Kitāb al-Masalik wa'l Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah ibn Abdallah ibn Khordadbeh et Excerpta e Kitāb al-Kharadj auctore Kodama ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1889. – (BGA, VI).

- Марвази 1942 – *Minorsky V. Sharaf al-zaman Tahir Marvazi in China, the Turk, and India.* – London, 1942.
- Муджмал ат-таварих 2000 – *Mudjmal at-tawāriḫ wa-l-qisāṣ. Eine Persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert.* Hsgg von Seyfeddin Najmabadi und Siegfried Weber. Deux Mondes. – Edingen-Neckarhausen, 2000.
- Мукаддаси 1906 – *Descriptio imperii moslemici autore Schams'o-din Abu Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn Abi Bekr al-Banna al-Basschari al-Mokaddasi / Ed. M.J. de Goueye.* – Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2. – 1906. – (BGA, III).
- Наршахи 1954 – *Narshakhi, Muḥammad. The History of Bukhara / Translated... by R.N. Frye.* – Cambr., 1954
- Хафиз-и Абри, 1372 – *Zubdat at-Tawāriḫ, ta'lif-i Ḥāfiz-i Abrū, muqaddima, taṣḥīḥ wa ta'liqāt-i S.K.H.S. Jawādī.* Jild II. – Tehrān, 1372 (1993).
- Худуд ал-Алам 1937 – *Minorsky V. Ḥudūd al-'Ālam ('The Regions of the World'). A Persian geography (372 A.H. – 982 A.D.)* – L., 1937.
- Barthold 1928 – *Barthold W. W. Turkestan down to the Mongol Invasion.* – London, 1928.
- Chavannes 1903 – *Chavannes E. Documents sur les toukie (turcs) occidentaux.* – СПб, 1903. – (СТОЭ, VI).
- Czeglédy 1973 – *Czeglédy, K. Gardizi on the history of Central Asia (746-780 AD) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae.* T. XXVII (3), 1973.
- Grenet, De la Vaissière 2002 – *Grenet F., De la Vaissière E., The last days of Panjikent // SRAA, No. 8, 2002.*
- Hamilton 1958 – *Hamilton J. Autour du manuscrit Staël-Holstein // T'oung Pao, Vol. XLVI, 1958.*
- Henning 1977-a – *Henning W.B. Selected papers. T. I: Argi and the «Tokharians» // Acta Iranica. Vol. 14.* – Téhéran – Liège, 1977.
- Henning 1977-b – *Henning W.B. Selected papers. T. II: The Sogdian Texts of Paris // Acta Iranica. Vol. 15.* – Téhéran – Liège, 1977.
- Sims-Williams 1992 – *Sims-Williams N. Sogdian and other Iranian inscriptions of the Upper Indus. Vol. 2.* – London, 1992.
- Sims-Williams, Hamilton 1990 – *Sims-Williams N., et Hamilton J. Documents turco-sogdiens du IXe-xe siècle de Touen-houang / Corpus Inscriptionum Iranicarum, Pt. II, Vol. III, III.* – London, 1990.
- Velidi Togan, 1929 – *Zeki A. Velidi Togan. Biruni's picture of the World.* – Aligarh, 1929.

О ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ МОНЕТ СЕМИРЕЧЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВЕКА

В.Г. Кошевар *

Семиречье / деньги / средневековье
Semirech'e area / money / middle ages

В последнее время вопрос о раннесредневековых монетах Семиречья и их покупательной способности рассматривался в ряде работ А.М. Камышева, в которых он делает выводы о низкой покупательной способности «литых бронзовых монет» и «многочисленных свидетельств» расчетов, «производимых связками» [Камышев 2002-а: 47–48, 50; Камышев 2002-б: 164]. Однако, эти выводы представляются нам весьма сомнительными. Судя по контексту статей, они относятся к начальному этапу введения в Семиречье собственных монет в нач. VIII в.

«Говоря о медной китайской монете, нужно иметь в виду, что денежной единицей был не отдельный цян (весом около 3,5 г), а связка монет (в идеале – 1000 штук, весом в среднем

3–3,5 кг)» [Ивочкина 1990: 24]. Отдельные же монеты, с их чрезвычайно низкой удельной стоимостью, были идеально приспособлены для мелкого товарооборота. В истории денежного обращения Китая известны периоды, когда в обращение вводились монеты разных фракций, в том числе и более мелких. Сама связка представляла собой значительную денежную сумму, «сопоставимую с крупными европейскими серебряными монетами (от 20 до 30 г)» [Ивочкина 1990: 32]. «В эпоху Тан в 821 г. была декретирована связка в 920 цяней, а к концу династии в связке насчитывалось только 850 цяней» [Ивочкина 1971: 38]. Сведения о количестве монет в связке и о ее виде для VIII в. нам пока не известны.

В переводах китайских письменных источников цены на товары в Китае в VII–VIII вв. указываются именно в цянях, а не в связках монет. Так в «Синь Тан Шу» приводятся сведения, что «в [630 г.] один доу (5,944 литра

* Кошевар Вадим Григорьевич – частное предприятие "АЛВИАН". Кыргызстан, г. Бишкек, alwian@elcat.kg

[Кроль, Романовский 1982: 235]) риса стоил 4–5 монет ..., в [756 г.] ... 1 доу риса стоил 13 монет, а в областях Цин и Ци 1 доу риса стоил только 3 монеты. 1 кусок шелковой ткани стоил 200 монет» [Хрестоматия ... 1961: 51–53]. Такой невысокий уровень цен подтверждает высокую покупательную способность китайских бронзовых монет в интересующий нас период. Также в цянях указываются размеры налогов: «в [766 г.] с каждого засеянного му (835,68 кв. м [Кроль, Романовский 1982: 238]) взималось деньгами 15 монет ..., денежный налог с земли ... по 20 монет» [Хрестоматия ... 1961: 53].

Со второй половины VIII в. в связи с известными событиями в Китае, цены на товары стремительно пошли вверх. Но в переводах китайских письменных источников цены на товары по-прежнему указываются в цянях, а не в связках монет. Так в «Синь Тан Шу» отмечается, что во второй половине VIII в. «доу риса стоил 7000 монет», а в кон. IX в. «доу риса поднялся в цене до 30 тысяч цянь (монет)» [Хрестоматия ... 1961: 53, 80].

Связки же монет фигурируют при упоминании окладов чиновников [Ивочкина 1990: 25], при указании сумм налогов, собранных в стране, при указании количества отлитых в стране за год монет [Хрестоматия ... 1961: 55–58] и т.д.

Исследователи предполагают, что аналогичная ситуация существовала и в Средней Азии. Так, денежной единицей Согда, по мнению О.И. Смирновой «служила связка определенного веса из однотипных бронзовых монет» [Смирнова 1981: 67]. При этом она же отмечала, что «среднеазиатская бронзовая монета, представляла единицу минимальной стоимости ..., она должна была удовлетворять все возрастающие потребности местного рынка – базарной торговли, т.е. мелкого товарооборота» [Смирнова 1981: 83] и «имела достаточную ценность для самостоятельного обращения» [Смирнова 1981: 68]. Сведений о количестве монет в связке и о ее виде для Средней Азии пока нет. М.Н. Федоров предполагает, что в Согде связка бронзовых монет весом 96 г. соответствовала в денежном выражении одной серебряной драхме [Fedorov 2003: 15]. Предложенные им числовые значения вызывают сомнения, поскольку из монет одной из предполагаемых им фракций, весом 3,6 г. невозможно составить связку монет весом 96 г., а указанное в публикации соотношение «30 coins (3,6 x 30 = 96 g) of 3/5 MU» [Fedorov 2003: 16], является арифметически ошибочным.

В переводах письменных источников цены на товары в Средней Азии в первой половине VIII в. зафиксированы в драхмах. Сведения о ценах на товары, выраженные в бронзовых монетах пока не известны. По информации, содержащейся в одном из документов Мутского архи-

ва (Б27) в Согде в нач. VIII в. повседневные расходы в княжеских канцеляриях фиксировались в бронзовых монетах (от 20 до 120 рпу [Смирнова 1963: 43] или от 26 до 130 (150) рпу в день [Распопова 1976: 45–46]), что косвенно указывает на высокую покупательную способность бронзовых монет. Единственным источником, указывающим на соотношение ценности монет из серебра и бронзы в Согде, являются легенды бронзовых арабоязычных фельсов сер. VIII в.: «шестьдесят в дирхеме» и «сто двадцать в дирхеме» [Смирнова 1981: 67, 75–80, 419–421]. Вероятно, что при этом использовались применяемые ранее в Согде соотношения ценности между бронзовыми и серебряными монетами. Бронзовые согдийские монеты разных диаметров, вероятно, использовались как монеты разных номиналов. Для согдийских монет, в качестве одного из вариантов денежного обращения это предполагала О.И. Смирнова [Смирнова 1981: 63–65]. Для монет Согда и Семиречья свою версию предложил М.Н. Федоров [Fedorov 2003: 15–16, 25; Fedorov 2004: 14–15].

В переводах китайских и арабских письменных источников никакие сведения для Семиречья о покупательной способности монет, об используемой денежной единице, о свидетельствах расчетов, производимых связками, о количестве монет в возможно используемых связках и об их виде пока не известны.

В 2003 г. на Краснореченском городище (Чуйская долина) в разных местах были случайно найдены три группы (клада) слипшихся монет. Монеты группы 1 хранятся в частной коллекции в г. Бишкек.

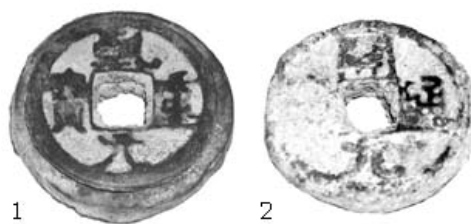

Рис. 1. Монеты первой группы
Краснореченское городище

Группа 1. Три монеты.

- ... (?) *Вэнь* (? *cash*). Китай. Династия Тан. Император Су Цзун (Su Zong) (758–762 гг.).
乾元重寶
 Легенда на лицевой стороне: (Цяньюань Чжунбао, Qian Yuan Zhong Bao) [Schjoth 1929: 22: 354, Fisher: 70: 700]. Бронза. Диаметр – 21,5 мм, толщина – 1,4 мм, вес – 3 г. (рис. I.1) [«Алвиан», Китай, № 6, Интернет].

- 1 *Вэнь* (1 *cash*). Китай. Династия Тан.
開元通寶
 Легенда на лицевой стороне: (Кайюань Тунбао, Kai Yuan Tong Bao) [Jen

2000: 40]. Бронза. Диаметр – 24 мм, толщина – 1,4 мм, вес – 2,85 г. (рис. I.2) [Алвиан, Китай № 5, Интернет].

- (?рпу). Тюркешский каганат. Согдийская монета Семиречья¹. Легенда на лицевой стороне: *βуу twrkys γ'у'п рпу* (Baga Turgish Qaghan rpu) [Jen 2000: 187]. Бронза. Диаметр – 25,1 мм, толщина – 1,2 мм, вес гр. 3,75 г. [Алвиан, Тюркеш, № 5, Интернет].

В этой группе монета Цяньюань Чжунбао, явно имеющая восточнотуркестанское происхождение, определяет нижнюю хронологическую границу времени формирования клада началом 760-х гг.

Рис. II. Монеты второй группы
До (1) и после (2) разделения.
Краснореченское городище

Группа 2. Две монеты (рис. II.1).

- Тюркешский каганат (?). Не определяемая. Бронза. Диаметр – 16 мм, вес – 0,55 г.

- (?рпу). Тюркешский каганат. Согдийская монета Семиречья. Бронза. Диаметр – 19,3 мм, вес – 0,94 г. Сильно коррозирована (рис. II, 2).

Группа 3. Три монеты. (рис. III.1).

- Тюркешский каганат (?). Не определяемая. Бронза. В процессе отчистки полностью разрушилась. Диаметр определен по фотографии, сделанной после разделения монет – ок. 16 мм (рис. III.2).

- (?рпу). Тюркешский каганат. Согдийская монета Семиречья. Бронза. Диаметр (максимальный) – 20,25 мм, вес – 0,83 г. Сильно коррозирована. Частичные утраты (рис. III, 3).

- Тюркешский каганат (?). Не определяемая. Бронза. В процессе отчистки полностью разрушилась. Диаметр определен по фотографии, сделанной после разделения монет – ок. 16 мм (рис. III, 4).

В результате анализа этих находок можно предположить об одновременном обращении в Чуйской долине китайских монет династии Тан разных эмиссий с монетами местных выпусков и монет местных выпусков разных диаметров, вероятно соответствующих разным номиналам.

На основании этих косвенных свидетельств можно предположить о ценности монет в Семиречье. Монетное обращение в Семиречье воз-

никает в период активных политических, экономических и культурных отношений с Танским Китаем. В качестве прототипа для монет местных эмиссий был выбран тип и метрологические параметры китайской монеты Кайюань Тунбао. Судя по значительному количеству находок китайских монет, подражаний им и единичных совместных находок их с монетами местных выпусков, они имели активное обращение на этой территории, следовательно, можно говорить о соразмерности ценности монет местных выпусков и ценности синхронных им китайских монет династии Тан. В противном случае китайские монеты или не поступали бы в регион, или переливались бы при поступлении в монеты местных выпусков, а значит не имелось бы такого значительного количества их находок. А поскольку, как показано выше, бронзовые монеты в Китае и Восточном Туркестане до середины VIII в. имели высокую покупательную способность, то можно предположить, что и монеты местных выпусков в Семиречье в это время имели также высокую покупательную способность.

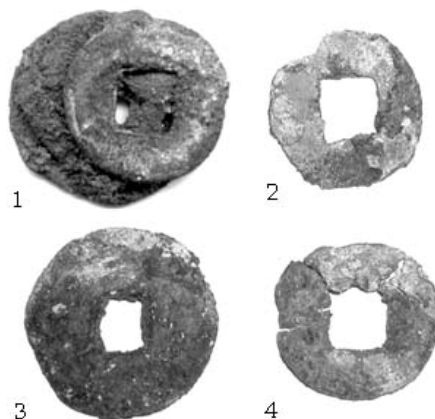

Рис. III. Монеты третьей группы
До (1) и после (2-4) разделения.
Краснореченское городище

Указанное в одном из Турфанских документов, датированном 692 г., соотношение между серебряными и бронзовыми монетами как 2:64 [Skaff 1998: 108/D45], равное одной Сасанидской драхме (с установленным весовым стандартом 4,12 г) в денежном выражении эквивалентно 32 медным китайским монетам с декретированным весом ок. 120 г ($32 \times 3,7302 = 119,37$ г). Исходя из анализа складывающейся в то время политической и экономической ситуации в регионе, это соотношение, вероятно, можно перенести на сопредельное Семиречье без каких-либо значительных изменений.

Таким образом, принципиально важное для построения хронологии денежного обращения

в Семиречье в VIII–X вв. утверждение А.М. Камышева о низкой покупательной способности бронзовых монет на сегодняшний день следует считать ничем не подтвержденным, как впрочем, и его утверждение об отсутствии «необходимости в мелких номиналах ... на первом этапе» [Камышев 2002-а: 47]. На основании вышеизложенного можно утверждать, что предложенный А.М. Камышевым принцип формирования начала собственной денежной эмиссии в Семиречье в нач. VIII в. не имеет веских обоснований, поэтому может быть поставлен под сомнение и, следовательно, требует дополнительного изучения.

В древнекитайском философском трактате «Гуань-цзы», указывается: «Товары дешевы из-за того, что денег мало. Когда денег мало, они ценны ... Товары становятся дороги, когда мно-

го денег ... Если денег много, их цена не высока ... Таким образом, дороги или дешевы товары – это зависит от того, много или мало денег» [Штейн 1959: 67]. Сложно предположить, чтобы на начальном этапе введения в обращение собственных монет в Семиречье было выпущено такое значительное количество монет, чтобы сразу сделать их малоценными, а товары дорогими. Ибо для чего тогда было начинать их выпускать?

Примечания

1. Обоснование вводимого нами в оборот термина «Согдийская монета Семиречья» будет приведено в специальной статье, которая находится в стадии подготовки к печати. Здесь подразумеваются монеты типа 4 по О.И. Смирновой [Смирнова 1981: 400].

Abstract

ON THE PURCHASING VALUE OF THE COINS FROM SEMIRECH'Е IN THE FIRST HALF OF THE EIGHTH CENTURY AD.

V.G. Koshevar

There is no confirmed data on the purchasing value of Semirech'e coins. In conclusion, it is possible to question the chronology of monetary circulation in Semirech'e offered by A.M. Kamyshev. His idea seems to be without proof, and requires further study and investigation. What can be stated for sure, is that Chinese coins of different issues and coins of local mints with different diameters were circulated simultaneously. This statement is based on the numismatic evidence discussed in this paper.

Литература и источники

- Алвиан, Китай, Интернет – АЛВИАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alwian.host.net.kg/Galereia/kitai.htm>.
- Алвиан, Тюркеш, Интернет – «АЛВИАН» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alwian.host.net.kg/Galereia/turgeshi.htm>.
- Ивочкина 1971 – *Ивочкина Н.В.* Медь в денежном обращении чжурчженского государства Цзинь (1115–1234 гг.) // ТГЭ, XII. Нумизматика, 4. – Л., 1971.
- Ивочкина 1990 – *Ивочкина Н.В.* Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Сун. – М., 1990.
- Камышев 2002-а – *Камышев А.М.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек, 2002.
- Камышев 2002-б – *Камышев А.М.* Подъемный нумизматический материал с Ак-Бешимского городища // Суяб. Ак-Бешим. – СПб., 2002.
- Кроль, Романовский 1982 – *Кроль Ю.Л., Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // СНВ. Вып. XXIII. – М., 1982.
- Распопова 1976 – *Распопова В.И.* Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII–VIII вв. // КСИА, Вып. 147. – М., 1976.
- Смирнова 1963 – *Смирнова О.И.* Каталог монет с городища Пенджикент. – М., 1963.
- Смирнова 1981 – *Смирнова О.И.* Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981.
- Хрестоматия ... 1961 – Хрестоматия по истории средних веков. Т.1. Раннее средневековье. – М., 1961.
- Штейн 1959 – *Штейн В.М.* Гуань-Цзы. – М., 1959.
- Fedorov 2003 – *Fedorov M.* Money circulation in early-medieval Sogd // ONS, Supplement to Newsletter № 175, 2003.
- Fedorov 2004 – *Fedorov M.* Money circulation in early-medieval Semirech'e (Jety Su) // ONS, № 178, 2004.
- Fisher 1990 – *Fisher G.* Fisher's Ding. – Colorado, 1990.
- Skaff 1998 – *Skaff J.K.* Sasanian and Arab-Sasanian silver coins from Turfan: Their Relationship to International Trade and the Local Economy. // Asia Major. Third Series. Turfan issue. – Institute of History and Philology of the Academia Sinica – Taiwan. v.11, p.2, 1998.
- Schjoth 1929 – *Schjoth Fr.* The Currency of the Far East. – London-Oslo, 1929.

ПАМЯТИ Е.З. ЗАУРОВОЙ

Ушел из жизни профессиональный археолог, первоклассный «раскопщик» – Евгения Захаровна (по документам – Завулоновна) Заурова (1933–2004).

Она закончила Среднеазиатский государственный университет (СаГУ) в Ташкенте в 1960 г. получив специализацию на кафедре археологии под руководством основателя этой кафедры и научной школы, профессора, доктора исторических наук, тогда уже академика (действительного члена Туркменской академии наук) Михаила Евгеньевича Массона. Учитель видел в Жене Зауровой будущего исследователя-полевика, зарекомендовавшей себя еще будучи студенткой. Ее дипломная работа, посвященная раскопкам керамической печи VII–VIII вв. на городище Гяур-кала в Старом Мерве, была опубликована в трудах ЮТАКЭ, чего удостоивался редкий выпускник кафедры [Заурова 1962].

По распределению молодого специалиста-археолога направили в Институт истории АН Киргизской ССР для работы в секторе археологии и этнографии под руководством только что защитившего кандидатскую диссертацию П.Н. Кожемяко.

В то время археологические исследования в Кыргызстане проводились в зонах строящихся ГЭС; особенно интенсивно изучались памятники в Кетмень-Тюбинской котловине, подлежащей затоплению. В результате многолетних археологических раскопок и разведок (под руко-

водством Исмана Кожомбердиева) были сделаны важные открытия, но все же основная часть памятников безвозвратно погибла. Тем ценнее тот полевой архивный материал, который «отложился» в рукописном фонде НАН КР, поскольку публикаций было мало [Кетмень-Тюбе 1977].

Во время изучения Е.З. Заурова топографии оседлых поселений Кетмень-Тюбинской котловины было обнаружено дворцовое здание XIV–XV вв. на городище Акчий. Тщательно проведенные, скупулесные раскопки дворцового архитектурного комплекса стали заметным вкладом в культурное наследие Кыргызстана и заняли соответствующее место в музейной экспозиции Государственного исторического музея Кыргызской Республики.

Как это часто случается, «семейные обстоятельства» и состояние здоровья не позволили Е.З. Зауровой с начала 1980-х гг. заниматься любимым делом, тем более, что последовавшая затем «перестроечная эпоха» резко сократила возможности проведения археологических работ. Но и то немногое, что нашла, раскопала и опубликовала на страницах научных изданий Е.З. Заурова является заметным вкладом в историю науки, а памятники – гончарная печь в Мерве и дворец Акчий в Кетмень-Тюбе – стали эталонными в серии архефактов средневековой Центральной Азии.

В.Д. Горячева

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Е.З. ЗАУРОВОЙ

- Керамические печи VII–VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва // ТЮТАКЭ, Т. 11. – Ашхабад, 1962. – С. 174–216.
- Археологические исследования Института истории АН Кирг. ССР // АО 1966 года. – М., 1967. – С. 337–341 (соавт.: П.П. Гаврюшенко, П.Н. Кожемяко, И.К. Кожомбердиев).
- Археологические работы в Киргизии // АО 1967 года. – М., 1968. – С. 356–360 (соавт.: А.К. Абетеков, П.П. Гаврюшенко, П.Н. Кожемяко, И.К. Кожомбердиев, М.Б. Юнусалиев).
- Дворцовое здание XIV–XV вв. на городище Акчий в Киргизии // Средневековые города Средней Азии и Казахстана. ТД совещания. – Л., 1970. – С. 32–34.
- Оседлые поселения долины Кетмень-Тюбе // АО 1973 года. – М., 1974. – С. 528–529.
- Изучение Узгенских мавзолеев // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. – Фрунзе, 1975. – С. 142–147 (соавт.: В.Д. Горячева).
- Работы отряда по составлению археологической карты Чуйской долины // АО 1975 года. – М., 1976. – С. 577 (соавт.: В.П. Мокрынин, Я.А. Шер).
- Историческая топография оседлых поселений Западного Тянь-Шаня // Кетмень-Тюбе: археология и история. – Фрунзе, 1977. – С. 128–144 (соавт.: Д.Ф. Винник).
- Раскопки на городище Акчий // Кетмень-Тюбе: археология и история. – Фрунзе, 1977. – с. 106–127.
- Исследования городища Беловодская крепость // АО 1978 года. – М., 1979. – С. 592–593 (соавт.: В.П. Мокрынин).
- Парадный архитектурный комплекс XIV–XV вв. на городище Акчий // Культура и искусство Киргизии. ТД ВНК, Вып. 2. – Л., 1983. – С. 23–24.

Редколлегия продолжающегося издания «Материалы и исследования по археологии Кыргызстана» публикует статьи, сообщения, рецензии по археологии и приглашает авторов к сотрудничеству.

Языки

Статьи публикуются на русском, а также английском и немецком языках. Авторы, предоставившие материалы на английском и немецком языках, ответственны за их языковое и грамматическое качество.

Форма рукописи

К изданию принимаются только законченные работы. Их объем не должен превышать 25 печатных страниц текста (формат А4, поля 2 см с каждой стороны) и 10 графических единиц.

Материалы принимаются в электронном виде: расширение ... *.doc* (текстовый редактор MS Word для Windows), Times New Roman, кегль 12, интервал 1,0.

Вверху, по центру, печатается название статьи (заглавные буквы, полужирный шрифт, не более двух строк); ниже через один пробел строчными буквами – инициалы и фамилия автора (-ов); еще через одну строку строчными буквами с наклоном – ключевые слова.

Ключевые слова должны отражать географическое положение, датировку, вид объекта, его культурную принадлежность. Максимальное количество – до 10 слов. Они представляются на русском и английском языках.

Сведения об авторе (-ах) – фамилия, имя и отчество (полностью), ученые звания и степень, место работы и занимаемая должность, город и страна, e-mail – указываются в сноске от фамилии автора (-ов) внизу первой страницы.

Текст статьи должен быть набран последовательно, без переносов, без разрядки слов, без блоков предложений; редколлегия оставляет за собой право изменять авторское шрифтовое форматирование текста (напр.: курсив, полужирное выделение, подчеркивание и т.д.) в целях его унификации.

Фотографии, рисунки и чертежи предоставляются в электронном виде (отдельными файлами в формате ... *.tiff* каждая иллюстрация с минимальной величиной разрешения 300 dpi); в качестве исключения могут быть предоставлены оригиналы фотографий (10 x 15 см и более) и выполненные тушью рисунки и чертежи (формат не более А3). Все графические материалы должны быть снабжены масштабной линейкой и иметь сквозную нумерацию (напр.: рис. I, рис. II и т.д.).

Подрисуночные подписи приводятся в конце статьи после списка литературы. Они должны содержать данные о памятнике, его датировку, культурную принадлежность и другие характеристики.

К рукописи прилагается резюме, объем которого не должен превышать одной страницы формата А4. Резюме должно быть представлено на двух языках – русском и английском; при этом публикуется английская версия для русскоязычных работ и русская – для англо-, немецкоязычных.

Цитирование и ссылки

Редколлегия считает, что все цитаты должны быть тщательно выверены авторами, которые несут ответственность за их правильность.

В представленных к публикации рукописях ссылки должны быть внутритекстовые – в квадратных скобках указанием фамилии (-ий) автора (или начальные слова названия для коллективных монографий), года издания, страницы, напр.: [Табалдиев 1996: 17] или [История ... 1984: 276].

При отсылке к нескольким работам они разделяются точкой с запятой, напр.: [Горячева 2003: 27; Бернштам 1997: 331].

При отсылке к нескольким работам одного автора указывается его фамилия для каждой работы, напр.: [Ташбаева 1999: 74; Ташбаева 2000: 36].

При отсылке к работам авторов, имеющих одинаковые фамилии, указываются инициалы, напр.: [Кызласов Л. 1960; Кызласов И. 1994].

При отсылке к работе, имеющей двух авторов их фамилии указываются через запятую, напр.: [Воеводский, Грязнов 1938: 165–166]. Если работа имеет более двух авторов, то в ссылке указывается фамилия первого с добавлением «и др.», напр.: [Деревянко и др. 2001: 98].

При ссылке на рукописные и архивные документы указываются название документа, год составления документа (если имеется) и цитируемые листы, напр.: [Итоги и перспективы ... : л. 20].

При ссылках на Интернет-ресурсы указывается фамилия автора публикации, при ее отсутствии, начальные слова названия работы или начальные слова названия Интернет-ресурса и через запятую начальные слова раздела, на котором размещена информация; в конце ссылки после запятой добавляется слово «Интернет», напр.: [Перегудова, Интернет] или [Алвиан, Китай № 21, Интернет].

В ссылке на рисунки и (/или) таблицы они обозначаются сокращениями рис. и табл. соответственно и отделяются от номеров страниц и между собой запятыми, напр.: [Бубнова 1963: рис. 8, табл. 2].

В ссылке на рисунки и таблицы, включающие ряд отдельных рисунков, элементы рисунка (таблицы) перечисляются после точки через запятую, напр.: [Худяков, Табалдиев 1999: рис. 1. 1–3,5,7, рис. 2.1,4,14–15] или [Бернштам 1950: табл. XXXI.3,4].

Полное библиографическое описание цитированных источников (Литература и источники) приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации.

Библиографическое описание

Список литературы и источников состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года, в описании после него через дефис проставляются литеры *a, б, в...*, включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений.

При описании каждого источника должны соблюдаться следующие требования. Вначале указывается фамилия автора и год издания, т.е. так, как они приведены в ссылке. Затем, после тире, приводится фамилия автора и его инициалы; при наличии двух и более авторов фамилии и инициалы приводятся через запятую. Далее указывается название работы. Затем, если дается описание монографии, приводятся место издания и год. Если работа опубликована в сборнике статей или периодическом издании, то после дух слешей (наклонных черт) приводится название издания и далее – при описании статьи в периодическом издании указываются год и номер, а при описании статьи в продолжающемся издании – том, выпуск, место издания, год. При описании сериального издания или статьи, размещенной в нем, – название серии указывается через тире в круглых скобках после года издания.

Особенность библиографического описания электронных ресурсов состоит в том, что после фамилии автора и названия работы после дух слешей указывается название Интернет-сайта, после точки – название раздела (разделов); затем, после знака «точка тире» в квадратных скобках пишется «Электронный ресурс»; затем, после знака «точка-тире» – «Режим доступа: ...» и приводится полный электронный адрес размещения ресурса; если полный адрес защищен кодировкой, то указывается адрес начальной страницы ресурса.

Названия статей, изданных на европейских языках (латиницей) оформляются по тем же правилам. Названия статей, изданных на восточных языках (арабский, китайский и т.д.) приводятся в переводе на русский (/английский) язык или в транслитерации на кириллицу (/латиницу) с указанием языка оригинала.

Примеры библиографических описаний:

Монография

Кожемяко 1959 – Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.

Многотомное издание

История ... 1984 – История Киргизской ССР. В 5-и томах. Т. 1. – Фрунзе, 1984.

Сериальные издания

Чуйская долина 1950 – Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. – М.-Л., 1950. – (МИА № 14).

Заднепровский 1985 – Заднепровский Ю.А. Фергана. Эйлтанская культура // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – (Археология СССР).

Статья в сборнике статей

Ведутова 2003 – Ведутова Л.М. Эмблема Шивы из Кыргызстана // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Материалы МК. – Бишкек, 2003.

Статья в продолжающемся издании

Абетеков 1978 – Абетеков А.К. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА, Вып. 154. – М., 1978.

Статья в периодическом издании

Горячева, Перегудова 1996 – Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ, 1996, № 2.

Статья, размещенная в Интернете

Худяков, Интернет – Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Источники и исследования по истории и культуре Центральной Азии. Перекрестки культур. Вып. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siteistok.host.net.kg/CC/vol_1/1_Hudiakov.htm .

Архивный документ

Грязнов, Воеводский – Грязнов М.П., Воеводский М.В. Принципы построения палеоэтнологического отдела [музея]. – РФ ЦМХК НАН КР, инв. № 110.

Материалы, предоставленные без соблюдения указанных требований, к публикации не принимаются. При подготовке представленных статей к печати редколлегия оставляет за собой право сокращать их или вносить изменения, согласовав таковые с авторами.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Статьи принимаются по электронному адресу: miakkg@mail.ru

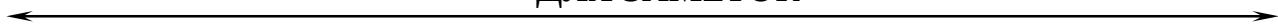

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АН КазССР – Академия наук Казахской ССР. – Алма-Ата
АН КиргССР – Академия наук Киргизской ССР. – Фрунзе
АН СССР – Академия наук СССР. – М.
АН ТаджССР – Академия наук Таджикской ССР. – Душанбе
АН ТуркмССР – Академия наук Туркменской ССР. – Ашхабад
АО – Археологические открытия. – М.
АРТ – Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе
ВК ИМАО – Восточная комиссия Императорского Московского археологического общества. – М.
ВМУ – Вестник Московского Университета. – М.
ГИМ КР – Государственный исторический музей Кыргызской Республики
Изв. НАН КР – Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – Бишкек
ИИ НАН КР – Институт истории Национальной Академии Наук Кыргызской Республики
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, Самарканд
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. – М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.
ЛНИАО – Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение
ЛФ ЦНТДИСИ – Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. – М.
МКТ – Материальная культура Таджикистана. – Душанбе
ППиПИКНВ – Письменные памятники и проблемы истории народов Востока. – Л.
СКМА – Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.
СНВ – Страны и народы Востока. – М.
СОН – Серия общественных наук
СТ – Советская тюркология. – М.
СТОЭ – Сборник трудов Орхонской экспедиции. – СПб.
ТВК ИМАО – Труды восточной комиссии Императорского московского археологического общества. – М.
ТГЭ – Труды государственного Эрмитажа. – Л., СПб.
ТД – Тезисы докладов
ТИИ – Труды Института истории
ТИИАЭ – Труды института Истории, археологии и этнографии Академия Наук Казахской ССР. – Алма-Ата
ТККАЭЭ – Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М. - Л.
ТТашГУ – Труды Ташкентского государственного университета. – Ташкент
ТСАЭ – Труды Семиреченской археологической экспедиции – М.
ТТАЭ – Труды Таджикской археологической экспедиции. – М. - Л.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М.
ТЮТАЭ – Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции. – Ашхабад
УЗ – Ученые записки
ХНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЭВ – Эпиграфика Востока. – М.
BGA – Bibliotheca geographorum arabicorum. – Lugduni Batavorum
ONS – Oriental Numismatic Society
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – Leipzig - Wiesbaden

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА	MATERIALS ON ARCHEOLOGY OF KYRGYZSTAN
<i>Султанов Э.</i>	3 <i>E. Sultanov</i>
Палеолитическое местонахождение Капчигай-II (результаты исследований 2002 г.)	Paleolithic site Kapchigay-II (results of researches of 2002)
<i>Иванов С.С.</i>	8 <i>S.S. Ivanov</i>
Археологические работы на могильнике Уч-Булак в 2000 году	The archaeological works on burial cemetery Uch-Bulak in 2000
<i>Сулайманова А.Т.</i>	11 <i>A.T. Sulajmanova</i>
Древнетюркские поминальные оградки Сонкульской долины	Ancient turkic enclosure for commemoration from Sonkul valleys
<i>Жумабаев А.</i>	19 <i>A. Djumabaev</i>
Инвентарь погребения древнетюркского времени в районе с. Барскоон	Artifact's from burial of Turkic time in vicinities of village Barskoon
<i>Кольченко В.А.</i>	21 <i>V.A. Kol'chenko</i>
Комплекс керамики с городища Кузнечная Крепость в Чуйской долине	The ceramics complex from the ancient site Kuznechnaya Krepost', Chuy valley
<i>Москалев М.И.</i>	40 <i>M.I. Moskalev</i>
Уч-Чатский археолого-архитектурный комплекс	The Uch-Chat archaeological-architectural complex
<i>Ротт Ф.Г.</i>	44 <i>Ph.G. Rott</i>
Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья	The crosses and their fragments from south-eastern Semirech'e
<i>Кошевар В.Г.</i>	52 <i>V.G. Koshevar</i>
Клад китайских монет из г. Каракол	The hoard of chinese coins from Karakol
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА	RESEARCHES ON ARCHEOLOGY OF KYRGYZSTAN
<i>Кызласов И.Л.</i>	54 <i>I.L. Kyzlasov</i>
Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана	Reading of the runic inscriptions from Kyrgyzstan.
<i>Жолдошов Ч.М.</i>	67 <i>Ch.M. Djoldoshov</i>
Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана	The image of weapons on medieval petrogyphs of Kyrgyzstan
<i>Кольченко В.А., Ротт Ф.Г.</i>	75 <i>V.A. Kol'chenko, Ph.G. Rott</i>
О Новопокровских городищах	On Novopokrovka's ancient sites
<i>Лурье П.Б.</i>	81 <i>P.B. Lurje</i>
Заметки о раннеисламском дорожнике в Китай	Notes about the early islamic description of roads to China
<i>Кошевар В.Г.</i>	89 <i>V.G. Koshevar</i>
О покупательной способности монет Семиречья в первой половине VIII века	On the purchasing value of the coins from Semirech'e in the first half of the eighth century AD
ХРОНИКА	CHRONICLE
Памяти Е.З. Зауровой (<i>В.Д. Горячева</i>)	93 E.Z. Zaurovoy memories (<i>V.D. Gorjacheva</i>)
Список публикаций Е.З. Зауровой (<i>сост. В.А. Кольченко</i>)	93 The list of publications of E.Z. Zaurovoy (<i>comp. V.A. Kolchenko</i>)
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	94 TO DATA OF AUTHORS
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	97 THE LIST OF THE ACCEPTED REDUCTIONS

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА**
Выпуск 1

Редактор издательства И.В. Верченко
Технический редактор О.А. Матвеева
Компьютерная верстка В.А. Кольченко

Подписано к печати 22.12.2005
Формат 60 x 84^{1/8}
Гарнитура Sylfaen
Объем 12,5 п.л.
Тираж 200 экз.

Издательство «Илим»
720071, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 265-А